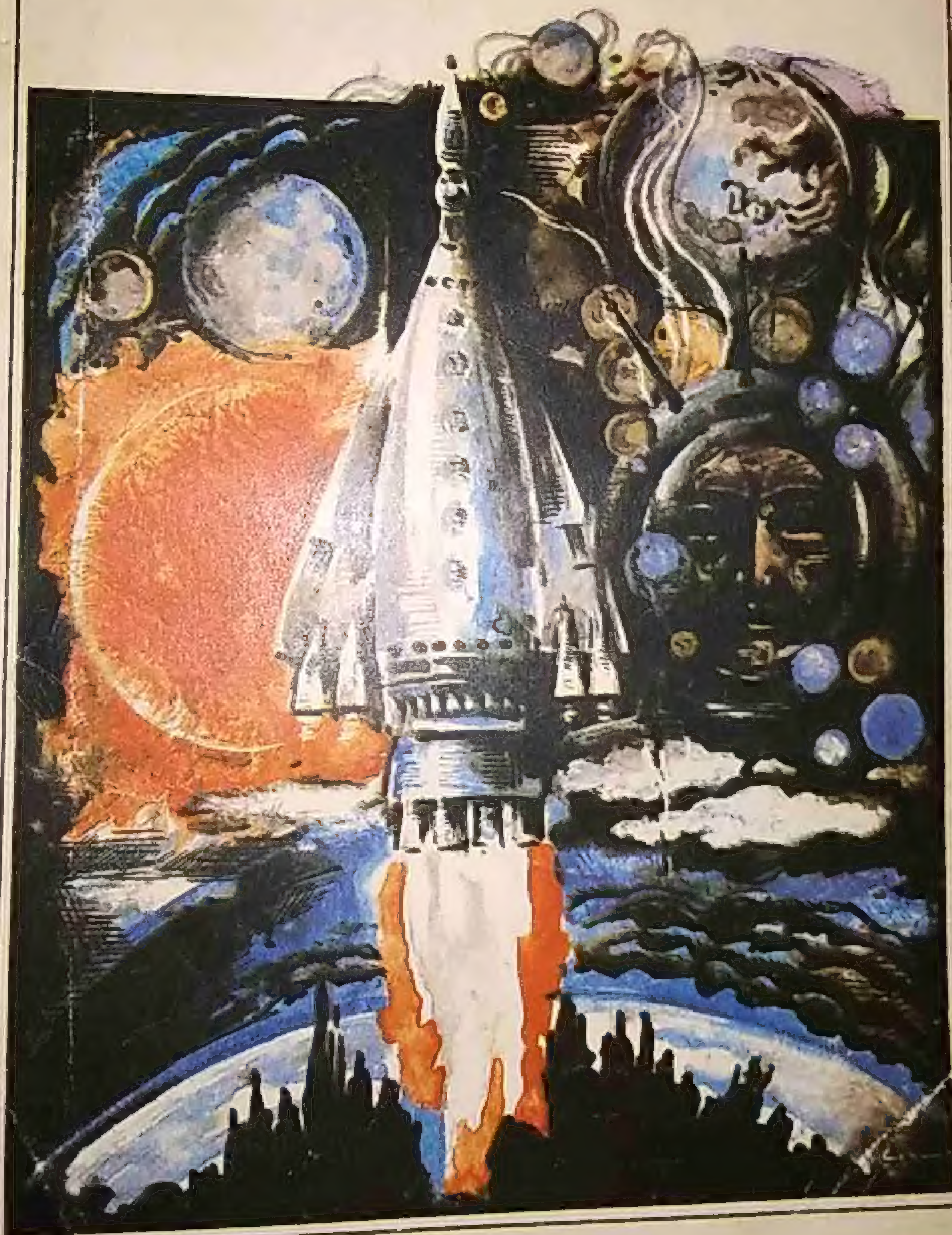

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Библиотека журнала „Звезда Востока"

Странные миры

Библиотека журнала „Звезда Востока"

СТРАННЫЕ МИРЫ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ФАНТАСТИКА

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1985

Сб 1
С 83

Составитель Эдуард Маципуло

Странные миры. Повести и рассказы. Фантастика. /Сост. Э. Маципуло/.— Т., Издательство лит. и искусства, 1985.—272 с. (Б-ка журн. «Звезда Востока»). 1. Сост.

Сб1

Сборник составили фантастические произведения, опубликованные в разные годы на страницах журнала «Звезда Востока». Они повествуют о насущных проблемах и идеях века: это и антивоенная тема, и гибель космической цивилизации, и экологические беды, и разговор о человеческой личности, по-разному проявляющейся в экстремальных условиях.

С $\frac{4702010200-130}{М 352 (04)-85}$ 56—85

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА ВОСТОКА»

Перед вами одна из книг «Библиотеки «Звезды Востока». В этой серии уже выходили сборники очерков и публицистики, планируется издание сборников рассказов и повестей, отдельных произведений прозы и поэзии.

Нынешний сборник «Странные миры» составили лучшие произведения научно-фантастического жанра, опубликованные в разные годы на страницах журнала «Звезда Востока». Написаны эти произведения, как правило, в увлекательной, остросюжетной форме и содержат интересные научные и социальные идеи.

Однако не стоило бы собирать их под одной обложкой и выпускать отдельным изданием, если бы их значение сводилось лишь к увлекательности и информативной познавательности. Как бы ни были интересны и оригинальны сами по себе идеи, как бы мастерски ни выстраивался сюжет, произведение не оставит следа в душе читателя, если оно не прошло через человеческое сердце, не связано глубоко с судьбами людей, являющихся его героями.

Только через сопереживание с героями становятся для нас волнующими события, действие которых разворачивается либо на далеких планетах, либо в космических кораблях, либо на Земле — в удивительных ситуациях, которые предлагают нам авторы.

Первый раздел книги так и называется — «Ситуации». Открывает его повесть Ходжиакбара Шайхова «Необыкновенное облако».

...Над хлопковым полем повисло безобидное с виду облачко. Но его появление нарушает размеренную жизнь большого среднеазиатского города. Да, произошла встреча с очередной волнующей тайной природы. Ученые, студенты, рабочие, многие жители города втянуты в орбиту Ситуации, возникшей вокруг облака. Только методом коллективных осознанных действий можно отвратить беду и постичь непознанное — таково кредо узбекского фантаста.

Другого рода Ситуация изображена в рассказе Зои Тумановой «Оранжевая пыль». В больничной палате лежит мальчик. Он не может вставать с постели, однако по ряду признаков можно догадаться, что он каким-то образом покидает палату во время грозы, путешествует по пустыне, взбирается высоко в горы. И как же трудно людям при встрече с тайной, с чудом, ведь приходится пожертвовать привычными понятиями. На это способны далеко не все...

Ситуации, заряженные жгучей тайной, присутствуют и в рассказах Валерия Нечипоренко («Авария»), болгарского писателя Николая Близнакова («На Земле без перемен»). Ситуации обладают удивительным качеством: они проявляют в душах людей то, что чаще всего скрыто в обычное время — эгоизм или отзывчивость, величие духа или приземленность...

Второй раздел сборника называется «Странные миры».

Болгарский писатель Тошо Лижев описал призрачный мирок на далекой прекрасной планете («Шутки Альматеи»). Вроде бы — литературная сказочка, но в основе ее — глубокое нравственное чувство, приправленное саркастической улыбкой автора.

Странные миры созданы и воображением Вильяма Александрова («Планета МИФ»), они вобрали в себя ряд земных и космических Ситуаций, обретя многозначность метафор. Вильям Александров показал финал странных миров, не решивших в свое время те самые проблемы, которые стоят сейчас перед человечеством: на руинах некогда блестящей цивилизации космонавты находят только псевдожизнь Вселенной — автоматические устройства и механизмы...

В повести Анатолия Ершова и Бориса Зубкова «Тайна Центавра» изображен военный спутник, нависший над Землей, как Дамоклов меч. Спутник нашпигован сверхтехникой и хитроумными ловушками для тех, кто попытается обезвредить его. И в этом густо-враждебном мирке действует герой повести, перед которым стоит почти невыполнимая задача, но ведь на карту поставлена жизнь планеты!..

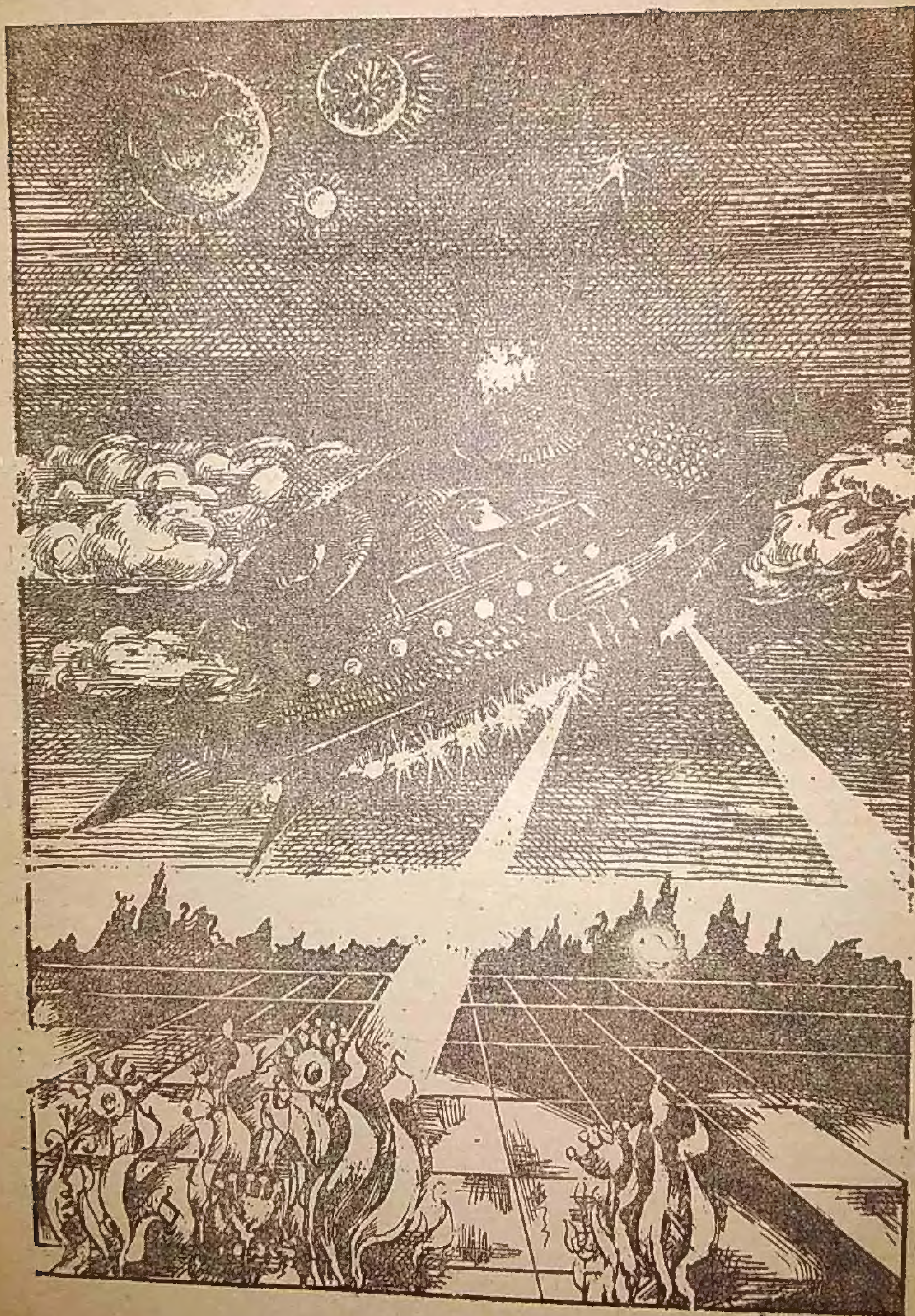
В повести Эдуарда Маципуло «Черная Лагуна» угрожающая Ситуация вышла из-под контроля и разрослась в странный, страшноватый мирок. Некогда райский остров в тропических широтах превращен капиталистами в международную свалку промышленных отходов. На грязи и отбросах жиреют капиталистические дельцы, разбухает до невероятных масштабов их жизненная философия, уродующая человеческие души. Герой этой повести-метафоры — типичная жертва свалки, из него пытаются вытравить все человеческое. Но протест, зародившийся в его душе, растет даже в этих, казалось бы, невероятных условиях...

Авторы этого интернационального сборника фантастики заостряют внимание читателей на самых насущных проблемах нашего времени. Они уверены в светлом будущем человечества, которое способно справиться с самыми серьезными задачами — об этом авторы пишут и с юмором, и трагично, и с лирическим чувством, и прибегая к приемам сатиры.

Авторы книги — люди разных судеб, разной степени таланта и осмысления жизни, но в их коллективных усилиях проступает напряженная, как нерв, мысль: в любых ситуациях, в самых дальних и невероятных мирах главная миссия человека — сохранить и возвысить ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ.

Часть I

СИТУАЦИИ

Ходжиакбар Шайхов

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ОБЛАКО

Повесть

Два парня и три девушки шли по косогору, пламенеющему от обилия тюльпанов. Внизу журчала горная речка. В ее холодных брызгах, взлетающих над валунами, то и дело вспыхивала радуга. За речкой раскинулись крохотные рощицы. А на горизонте в туманной дымке угадывались очертания многолюдного шумного города.

Вот уже два года они — студенты. Абдулла — будущий журналист, Диляфруз и Хасият занимаются на биофаке университета, Сабир и Сурайя — в политехническом. Теперь у каждого — новые друзья, новые интересы. Но все же корни школьной дружбы оказались крепкими. И как только предоставлялся случай, они выбирались за город, превращаясь на несколько часов в беззаботных озорных подростков.

Диляфруз шла чуть впереди остальных. Недавно прошелестел несильный дождь, и воздух был особенно чист и свеж. Хорошо брести вот так по зеленой влажной траве, прикасаться к тюльпанам и любоваться всей этой красотой.

Внизу на лужайке, возле хлопкового поля, паслись ослица с осликом. Чем не идиллия? Если бы не эти сероухие, возможно, девушка и не заметила бы странного облачка свинцового цвета, что колыхалось чуть в стороне от животных. Что-то было в нем неестественное. Облачко пыли? Вряд ли. Слишком резко очерчены его границы. И этот цвет... Словно застывший клуб дыма...

— Друзья! Есть идея! — воскликнул в этот момент Абдулла, высоченный парень с усиками, которые придавали ему некоторую солидность. — Что, если нам прокатиться на длинноухих? Думаю, большой беды не случится? Только, чур, я на ослице, а то малыш, боюсь, меня не выдержит. Идем, Хасият?

Хасият — тихая девушка с несмелой улыбкой на

полных губах — покорно последовала за ним. Взгляд ее карих глаз был напряжен. Все, кроме Диляфруз, имели привычку слегка подтрунивать над Хасият, над ее стеснительностью.

— Мы вас догоним,— пообещал Сабир, приглаживая свои уже заметно поредевшие волосы. Говоря «мы», он имел в виду себя и Сурайю.

— Ну, а ты что скажешь?— спросила Диляфруз у Сурайи.

— Идите...— проговорила та, явно недовольная столь повышенным вниманием друзей.— Мы сейчас...

— Ясненько!— воскликнул Абдулла.— Вот и в нашем дружном коллективе появились секреты.

— Ой, да нет у нас никаких секретов!— с излишней поспешностью воскликнула Сурайя. Ее красивое лицо зарделось.

Абдулла расхохотался и побежал к мирно пасущимся животным, увлекая за собой Диляфруз и Хасият.

Диляфруз снова увидела странное облако. Что такое? Кажется, оно заметно продвинулось к ослице.

— Постойте-ка!— остановила она друзей.— Что вы думаете о том клочке тумана?

— Наверное, кто-нибудь разводил костер, и теперь он дымится после дождя,— предположила Хасият.

— Все очень просто, дети мои!— беспечно воскликнул Абдулла.— Какое-то облако позавидовало нашему хорошему настроению и спустилось с неба, чтобы повеселиться вместе с нами.

В этот момент ослик, должно быть, обеспокоенный приближением незнакомцев, отбежал чуть в сторону и оказался у самого облака. Тотчас оно вытянулось и коснулось своим краем ослика. От туловища животного взвился светло-коричневый дымок, сам же ослик, склонив голову к земле, застыл, как изваяние.

Ослица, встревожившись, громко закричала и устремилась к своему детенышу. Люди увидели, как она с разгона ткнулась в облако и... тоже застыла, будто каменная. Светло-коричневый дымок, отлетевший от ее шкуры, растворился в облаке.

— Ничего не понимаю... Тысяча и одна ночь...— пробормотал Абдулла.

— Ой!— тихо протянула Хасият, имевшая репутацию ужасной трусихи. Неприятные неожиданности быстро сгоняли улыбку с ее круглого лица, вызывали слезы.

Вот и сейчас ее карие глаза повлажнели.— По-моему, с ними что-то случилось...

— Подойдем ближе,— то ли предложила, то ли скомандовала Диляфруз.— Надо разобраться. Впечатление такое, что этот дым, или туман, или облако, не знаю, как его назвать, заморозил бедняг.

Абдулла, явно рисуясь перед девушками, все ближе подходил к странному облаку.

— Остановись!— предостерегла его Диляфруз.— С этим шутить нельзя.

Облако представляло собой как бы сплющенную каплю размером три-четыре метра в диаметре. Они обратили внимание, что вещество, из которого состояло облако, непрозрачно.

— Взгляните-ка на кусты хлопчатника!— воскликнул Абдулла.— Они ведь тоже заморожены!

И в самом деле несколько кустов были покрыты чем-то блестящим, вроде полиэтиленовой пленки.

Абдулла поднял ком сухой глины и швырнул его в один из «замороженных» кустов. Листья разлетелись на кусочки, словно стеклянные. Раздался мелодичный звон.

Друзья в изумлении переглянулись.

Абдулла поднял ком покрупнее и швырнул в другой куст. Они отчетливо услышали звук, похожий на тот, который издает ломающаяся сосулька.

— Ну ладно, продолжим эксперимент!

Третий ком полетел в облако. Они ясно увидели, что едва камень влетел внутрь свинцовой капли, как движение его замедлилось.

— Какой ужас!— промолвила Диляфруз, глаза ее блестели.— Похоже, облако обладает способностью замораживать любое тело...

— Ой, оно движется!— прошептала Хасият, прячась за спину Абдуллы.

— Да, движется!

— Но куда?

— А вам не кажется, что в сторону города?

Сзади послышались шаги. Это подходили Сабир и Сурайя.

— Ого! Похоже, ваши ослы о чем-то всерьез задумались!— воскликнул Сабир.

— Да, они задумались навеки,— серьезно ответила Диляфруз.

Ее тон насторожил подошедших.

— О чем ты говоришь? Что здесь произошло?

— Они нас просто разыгрывают, Сабир,— с заметной обидой в голосе произнесла Сурайя. Шуток в свой адрес она терпеть не могла.

— Нет, в самом деле?— настаивал Сабир.— Что это за клочок тумана?— и он решительно двинулся к облаку.

— Не торопись,— Абдулла крепко взял товарища за локоть.

— Эта тень... это облако...— произнесла Хасият,— оно все превращает в лед.

— Что-что?— вскричали в голос Сабир и Сурайя.

У девушки округлились глаза, теперь она поняла, что животные так долго не могут находиться в неподвижном состоянии сами по себе.

Сабир был практичным парнем, душа его жаждала дела.

— Что же вы стоите?— возмутился он.— Надо принимать какие-то меры! Сообщить, позвонить...

— Как раз об этом мы и размышляли,— ответила Диляфруз.— Я думаю, надо сделать так. Вы вдвоем,— она повернулась к Сабиру и Сурайе,— сейчас же отправляйтесь в город, лучше всего прямо в горисполком. Расскажите, что здесь появилась какая-то непонятная среда, несущая опасность всему живому. Кто знает, может, она попала на землю из космоса? Словом, бейте тревогу. Настаивайте, чтобы сюда немедленно направили ученых. А мы тут присмотрим...

Сабир предложил другой вариант:

— Пусть вместо меня пойдет Хасият. А я здесь нужнее. Мало ли что...

— Нет,— решительно возразила Диляфруз.— Хасият могут не поверить. А ты,— она улыбнулась чуть лукаво,— самый представительный и серьезный из нас. В два счета убедишь городское начальство, что это не шутка.

Против такого аргумента Сабиру возразить было нечего. Он кивнул и повернулся к Сурайе:

— Ладно, пошли.

Быстрым шагом они двинулись к шоссе, что тянулось за хлопковым полем.

— Давайте попробуем провести несколько экспериментов,— предложила Диляфруз оставшимся.— Ты, Абдулла, обойди облако и постарайся по замороженным кустам установить его путь. Только будь осторожен.

И еще: посмотри издали — увеличивается оно в объеме или нет.

— Ну, старушка, ты верна себе,— покладисто отозвался Абдулла.— Всем нашла дело!

— У тебя есть другие соображения?

— Что ты! Я не это имел в виду. Просто восхищаюсь твоим самообладанием и организаторскими способностями.

— Положение обязывает,— в таком же полушутливом тоне ответила девушка.— Все-таки я комсорг факультета.

— Вот я и говорю...— Как всегда широко шагая, Абдулла двинулся в обход загадочного облака.

— А мы, Хасият,— обратилась Диляфруз к подруге,— постараемся выяснить плотность этого вещества. Давай поищем палку или прут подлиннее.

— Зачем?

Диляфруз, как всегда, мягко улыбнулась подруге:

— Сейчас ты сама все поймешь.

У обочины поля им попался на глаза длинный металлический стержень.

Диляфруз уже подняла стержень, намереваясь коснуться им свинцовой капли, но в последнюю секунду заколебалась.

— Может, не стоит начинать с металла? Он ведь хорошо проводит тепло...

— Да,— быстро согласилась Хасият.— И ток тоже. Вдруг это облако заряжено электричеством? Постой, вон я вижу длинную ветку. Сейчас принесу.

Она прибежала с веткой, умоляюще глядя на Диляфруз. Та поняла подругу.

— Хорошо, Хасият. Только делай очень осторожно.

Хасият, трепеща, приблизила ветку к облаку. Рука ее дрожала. Она была готова в любую секунду отпрянуть назад.

Но ничего страшного не произошло. Едва ветка коснулось странной капли, как от дерева взвился коричневатый дымок. Внутрь капли ветка проникла довольно легко. Та часть ее, которая оказалась в «чреве» облака, мгновенно покрылась изморозью. Когда же Хасият извлекла ветку и уперла ее в землю, кончик обломился, словно был из чистого льда.

— Бедные ослики!— печально произнесла Хасият.— Неужели они тоже превратились в ледышки?— И все же, несмотря на сострадание к животным, в ее взгляде

...ивалась и гордость. Она пересилила свой страх! У этого воображалы Абдуллы теперь не будет повода подшучивать над ней.

— Да, наверное. Может быть, когда облако отойдет, они оживут?— Диляфруз задумалась.— Давай все-таки попробуем, как эта среда реагирует на металл. Дай-ка свой платочек.

Диляфруз обмотала двумя платочками конец стержня — какая-никакая, а защита. Затем осторожно ввела другой конец в облако. Никакой реакции. Коричневатый дымок не появился.

— Вот видишь,— Диляфруз была очень довольна.— Аппетита на металл у этого обжоры нет.

— А может, мы слишком мало держали стержень? Давай еще попробую.

— Попробуй. Только знаешь... давай немного передохнем в сторонке. Что-то у меня голова кругом идет. Может, это действие облака? Ты сама ничего не чувствуешь?

— Нет. Хотя... Не знаю...—Хасият вдруг растерялась.

— Откуда все-таки оно появилось? Никогда не слыхала и не читала ни о чем подобном. Как считаешь, Хасият, ученые разберутся? Или будут вроде нас разводить руками?

В этот момент послышалось сухое потрескивание — облако подмяло под себя очередной куст хлопчатника. Оно явно продвинулось в сторону подруг.

Часть металлического стержня, лежавшего на земле, попала в свинцовую тень. Девушки колебались, не зная, что предпринять. Наконец Хасият решилась и быстрым движением дернула стержень на себя. Нет, его конец так и не превратился в лед. Девушка осторожно потрогала его пальцем.

— Кажется, нагрелся,— удивилась она.

Диляфруз тоже потрогала стержень. Если он и нагрелся, то совсем немного. Но так или иначе, она сделала важное открытие. Есть вещество, которое способно противостоять агрессивности страшного облака.

— А где же Абдулла?— спросила Хасият, вглядываясь в поле. Ресницы ее опять задрожали.

* * *

Абдулла шагал вдоль борозды, где, видимо, в свое время прошло и облако. Полоса шириной в три-четыре метра была проморожена.

Абдулла подошел к одному из кустов и пнул его ногой. Высокий куст, поблескивавший на солнце, тут же рассыпался на мелкие осколки, словно был из стекла или льда. Парень присел на корточки, рассматривая осколки. Странно. Облако уже давно миновало этот участок, однако щедрое солнце так и не сумело вернуть хлопок к жизни. Куст ничуть не оттаял. Впрочем, осколки, даже мельчайшие, тоже не тают. Выходит, это не лед. Но что?

Абдулла поднялся, оглянувшись на свинцовое облако, и дал волю своему богатому воображению...

Вот облако проникает в город. Случайный прохожий смотрит на приближающийся клочок тумана. Облако уже рядом. Мгновение — и человек застыл на мостовой. Навсегда. Даже не успев удивиться.

Новая картина...

Город... Темно, но рассвет уже близок. Гудит ветер. Наверное, это он гонит облако по сонным улицам. Но вот на пути облака — девятиэтажка. От стен отлетает светлокоричневый дымок. Они становятся менее прочными и не выдерживают давления сотен тонн бетонных плит. Со страшным шумом рушится фасад. Этажи складываются, как гармошка. Многих жителей смерть застает во сне...

— Тьфу, черт!— выругался Абдулла и даже зажмурил глаза, пытаясь прогнать наваждение.

Он прошел еще метров сто по следу тени. Хлопковое поле кончалось, и дальше тянулась каменистая пустошь, где следы облака затерялись. Он осмотрелся вокруг. Откуда же появилась эта мерзость?

И тут он сделал важное наблюдение. Ширина полосы промерзших кустов здесь не превышала полутора метров. А на противоположной стороне поля — почти четыре метра. Значит... Значит, размер облака увеличивается? И довольно заметно... Абдулла поежился. Бр-р! Во сколько же раз вырастет облако, пока доберется до города?

Однако пока оснований для особого беспокойства не было. Свинцовое марево неподвижно висело над ослами.

Абдулла поднял ветку и принялся ковырять ею грунт. Интересно, на какую глубину промерзла почва? Земля отслаивалась небольшими плоскими чешуйками. Абдулла вырыл ямку сантиметров тридцать глубиной. Ниже почва была нормальной. «Так-так»,— глубокомыс-

ленно изрек он, хотя и не видел особого проку в своем открытии.

Пора было возвращаться. Девушки уже махали ему руками. За Диляфруз, конечно, можно не волноваться. Она и на облако, даже загадочное, найдет управу. А вот Хасият... Сердце Абдуллы забилось учащеннее. Хотя он и ведет себя с ней как-то по-дурацки, задиристо шутит, подчас даже ранит словом, но до чего же радостно смотреть на ее ласковую, мягкую улыбку. Как она перепугалась, бедняжка! Нет-нет, никогда больше он не будет подтрунивать над ней.

* * *

Сабир и Сурайя шли по обочине шоссе.

— Неужели оно способно заморозить все, что угодно?— спрашивала девушка.

— Ты ведь видела ослов.

— А если бы на их месте оказались люди? Мы, например?

— Стоит ли об этом толковать!

— Но все-таки?

— Ты, наверное, читала в детстве сказку, как дивы превращали людей в каменные изваяния?

— Но ведь то — сказка...

— Как видишь, порой сказки оборачиваются реальностью. И не только самые хорошие.— Он с нежностью посмотрел на Сурайю.— Пойдем быстрее, милая.

Всякий раз, когда они оставались наедине, он называл Сурайю «милая». Называл как бы с запинкой, чувствуя, видимо, что пока у него нет на то особого права. Вот если бы она хоть раз обратилась к нему «милый». Сабир вздохнул. Да, жди! Дождешься от этой избалованной и самовлюбленной красавицы нежного взгляда или ласкового слова! И в то же время она не отказывается от свиданий с ним. Непонятно.

— Как назло, ни одной машины,— проворчал он.

— Да, как назло.

А до города было далековато. По обе стороны от дороги, будто зеленый океан, раскинулись хлопковые поля. Волокно еще покоилось в коробочках, набирая силу. Местами на границах хлопковых карт высились кучки химических удобрений — суперфосфата, аммофоса. Сильно ощущался их резкий, «чесночный» запах.

Наконец вдали показался грузовик. Путники отчаян-

но замахали руками, и грузовик остановился. Это была колхозная трехтонка. За рулем сидел молодой парень. Даже сквозь стекло было заметно, с каким восторгом он смотрит на Сурайю.

— Подвезете к горисполкому?— попросила Сурайя.

— Туда не могу,— с запинкой ответил шофер.— Грузовое движение запрещено. До базара устроит?

Шофер всю дорогу поглядывал на Сурайю. Остановив грузовик у центрального рынка, он горько вздохнул, как бы сожалея, что сейчас эта красавица исчезнет навсегда.

Отсюда было совсем недалеко до центра города.

— Быстрее, милая!— Сабир бережно и в то же время крепко взял ее за локоть, увлекая за собой.

Они побежали через проспект. Широченную магистраль они преодолели вполне благополучно, но, пересекая небольшую тенистую улочку, вливающуюся в проспект, едва не угодили под колеса огромного самосвала. Водитель круто вывернул влево и.. врезался в багажник «Жигулей», стоявших у обочины.

Как по мановению волшебной палочки, раздалась трель милицейского свистка. К месту происшествия спешил рослый сержант. Вокруг собралась толпа зевак.

Из кабины грузовика выпрыгнул худощавый рыжеволосый шофер и напустился на еще не пришедших в себя Сабира и Сурайю.

— Глаза у вас есть?! Или жить надоело?!

— Разойдитесь, граждане! Не создавайте пробки!— Сержант знал свое дело. Он окинул взглядом столкнувшиеся машины и подозвал водителя самосвала:— Гражданин, прошу сюда. И вы тоже подойдите, да-да, я вам говорю,— он смотрел на Сабира и Сурайю.

Тем временем откуда-то появился владелец «Жигулей», смуглый парень в чустской тюбетейке. Минуты две он простоял с раскрытым ртом, затем на лице появилась болезненная гримаса. Казалось, еще немного, и он заплачет.

Надо было что-то предпринимать. «Спокойствие»,— сказал себе Сабир и, стараясь говорить как можно убедительней и логичнее, начал рассказывать милиционеру о причинах их спешки. Сержант и оба водителя смотрели на него, как на сумасшедшего.

— Вот почему мы должны немедленно попасть в горисполком,— закончил Сабир свою речь.— А после, если нужно, согласны явиться в милицию.

Сержант усмехнулся:

— Про всякие там загадочные облака, приятель, расскажешь вечером своей бабушке. А на меня эти штуки не действуют. Для начала составим протокол. Думаю, возмещать ущерб придется вам.

— Товарищи! Но дело серьезное! Облако наступает на город! Сурайя, ну скажи же что-нибудь.

Однако девушка молчала, прикусив губы. Надо же, влипли в дурацкую историю! И сейчас она стоит в центре большой толпы, как какая-нибудь преступница.

Сабир снова принялся рассказывать про облако, но тут шофер грузовика, потеряв, видимо, всякое терпение, закричал:

— Слушай, парень! Я за тебя, что ли, буду отвечать? Натворил дел, так чего еще голову людям морочишь?!

— Почему вы мне не верите?! — в сердцах воскликнул Сабир.— Клянусь вам...

— Хитрят они,— подлил масла в огонь владелец «Жигулей».— Ясное дело! Хотят вас, сержант, обвести вокруг пальца и улизнуть. А мне кто будет платить? Не верьте им.

— Головы бы за это поотрывать,— вспылил водитель самосвала.— Фокусники! Всегда так! Пешеход правила нарушает, а шофер — отвечай...

— Успокойтесь, граждане, успокойтесь!— Сержант достал из планшета блокнот и ручку.— Сейчас составим протокол, и вы все распишитесь.

— А нельзя ли поскорее отвести нас в отделение? Может, там нас поймут,— произнес Сабир не слишком уверенно.

— Вот это уже другой разговор...

* * *

Подойдя к девушкам, Абдулла увидел, как те, орудуя металлическим стержнем, пытаются извлечь из-под облака лягушку, невесть какими путями оказавшуюся там. Наконец их усилия увенчались успехом. Лягушка, блестевшая, словно зеркало, лежала, раскинув лапки, в борозде. Абдулла дотронулся до нее, и лягушка сразу же разломилась на несколько частей.

— Выходит, облако поражает все органическое,— подытожила Диляфруз и обратилась к Абдулле.— Ну, какие новости?

Абдулла рассказал по порядку о своих наблюдениях.

— Есть одна идея,— произнесла Диляфруз, когда он закончил.— Что, если попробовать отделить от облака какую-то часть? Может, так будет легче управиться с ним? Раздробив на части?

— Ничего себе идея!— воскликнул Абдулла.— Это здорово смахивает на один проект Ходжи Насреддина. Того спросили, как быстрее и проще построить минарет. Он ответил: нужно выкопать глубокий колодец и вывернуть его наизнанку. Ты что, не поняла до сих пор, что к тени нельзя прикасаться?

Диляфруз нахмурила брови.

— Ты просто не выслушал меня до конца. Отделить часть облака можно, воспользовавшись хотя бы лопатой. Или совком. А терять время, вспоминая истории про Насреддина, сейчас не стоит. Мы их, между прочим, знаем не хуже тебя.

— Ладно, сдаюсь. Ваша взяла!— Абдулла поднял руки.— Отправляюсь на поиски лопаты.

Он подмигнул Хасият и направился к коллектору.

А у Диляфруз сегодня не было недостатка в идеях.

— Давай попробуем примерно определить плотность облака?— предложила она Хасият.

— Да, но как это сделать?

— Очень просто. Вот, смотри,— с этими словами Диляфруз взяла стержень и со свистом рассекла им воздух.— Видишь, сопротивление воздуха почти не влияет на скорость движения стержня. А теперь испытаем его в другой среде.— Диляфруз подошла ближе к облаку и с силой пыталась прочертить его стержнем. Несмотря на усилие, стержень двигался медленно.

— Ой, осторожней!— вскрикнула Хасият.

— Хочешь, попробуй ты.

Еще один удар по тени.

— Что скажешь?

— Стержень движется, как в воде.

— Да. Если это и газ, то довольно высокой плотности..

Хасият оглянулась по сторонам. Ей тоже хотелось придумать что-нибудь, чтобы хоть немножко приблизиться к разгадке необычного явления. Но, как назло, в голову не приходило ни одной нужной мысли. Почему это так? Ведь они обе — она и Диляфруз — учатся на биофаке, слушают одних и тех же лекторов, читают

одни и те же учебники. Ну, ладно. Она тоже что-нибудь в конце концов придумает. Надо только быть повнимательнее.

Вновь послышалось сухое потрескивание. Облако окутало еще несколько кустов. Теперь его диаметр в наиболее широкой части был, как минимум, пять метров.

— Ужас какой-то,— взволнованно прошептала Хасият.— Оно растет!

Легкий ветерок постепенно усиливался. Кусты хлопчатника, послушные его порывам, дружно наклоняли свои верхушки из стороны в сторону, словно танцуя. Молодые листочки на окаймляющих поле тутовых деревьях трепетали, как флажки.

— Что-то Сабир и Сурайя задерживаются,— произнесла Диляфруз.— Тебе не кажется, что им пора бы уже и вернуться?

— Может, что случилось?

— Что могло случиться? Боюсь, им просто не поверили,— вздохнула Диляфруз.

— Тем более они должны вернуться.

— А их нет и нет.

Вдали виднелся полевой стан — небольшой, чисто выбеленный домик.

— Послушай, Диляфруз,— обратилась Хасият к подруге,— давай пройдем к стану.

— Зачем? Там сейчас никого нет.

— А может, кто-нибудь да есть? Ну хотя бы возьмем лопату. Вдруг Абдулла ничего не найдет? А мы... Возьмем, а после положим на место.

— Согласна, ты права.

Хасият даже порозовела от удовольствия. Она всегда смущалась, когда ее хвалили.

— Заодно поищем там спички,— проговорила Диляфруз.

— Спички? Зачем?

— Если нам удастся отделить от облака небольшую часть, попробуем поместить ее в огонь. Может быть, она обратится в жидкость? Это было бы здорово.

Девушки побежали к домику.

* * *

На берегу коллектора Абдулла нашел заржавленный лист железа. Если его согнуть, вполне получится подобие совка.

Отсюда с возвышенности он хорошо видел свинцовое облако, поле, линии электропередач, городскую околицу.

Сомнений нет, облако движется к городу.

Воображение парня снова разыгралось. В сознании мелькали картины одна ужаснее другой.

...Вот зловещее облако, разбухнув, подбирается к жилым кварталам. Но сначала на его пути — стальная опора высоковольтной линии. Что из того, что облако не пожирает металл! Мгновение — и фарфоровые изоляторы превращаются в ледышки. Провода летят на землю и соприкасаются. Короткое замыкание! Опоры падают на землю, как спички. А облако движется дальше. Из строя выходит вторая, третья линии. Эх, и надо же было тому случиться, что все основные энерголинии проходят именно с этой стороны! Конечно, такая авария приведет к развалу всей энергетической системы. Город, вся область погрузится в темноту. Это уже не авария, это — катастрофа. В кромешной темноте облако вползает в город. На его пути — случайный прохожий...

Нет, это еще не все!

Прежде чем облако доберется до города, оно должно пересечь этот коллектор, а затем главный магистральный канал.

Вот облако коснулось воды, которая сразу же промерзает в этом месте до дна. Получается как бы плотина. Уровень воды повышается, соприкасаясь с облаком, она превращается в лед. Образуется ледяной надолб... Вода выходит из берегов и заливает окрестности...

Тот, кто увидел бы сейчас выражение лица Абдуллы, вряд ли поверил бы, что этот парень пользуется репутацией беззаботного весельчака.

— Абдулла! Абдулла!— услышал он звонкие голоса. Кричали Диляфруз и Хасият. Они возвращались с полевого стана.

Абдулла отвлекся от своих горестных мыслей и сбежал по откосу вниз. Нет, так не годится. Незачем пугать девушек мрачными перспективами. Пусть верят в лучшее. И он изобразил на лице самую добродушнейшую и беспечную улыбку. С этой улыбкой он и приблизился к девушкам.

— Смотри, что мы раздобыли!— похвалились те.

— Ого! Примус... А зачем?

— Сейчас поймешь. Отделим от облака небольшой кусочек и испытаем его огнеупорность.

— Э, нет! Я в такие игрушки не играю. А вдруг примус взорвется?

— Не взорвется. Ведь мы вносили в облако металлический стержень. Тот нагрелся, но облако-то от этого не взорвалось,— привела Диляфруз веский довод.

— Ну, это не одно и то же...

— А ты отдели совсем маленький кусочек,— попросила Хасият.— Вот такой малюсенький, – и она чиркнула ноготком по своему мизинцу.

Несколько секунд Абдулла молча смотрел на этот ее мизинчик, на маленькую смуглую ладошку.

— Ну, что ж!— сказал наконец.— Я человек слабовольный. Перед просьбой двух красавиц устоять не могу.

Тут же он принялся за работу. Согнул железный лист — получился неплохой совок треугольной формы. Расщепив палку, приладил ее в качестве ручки. Для большей безопасности.

— Начнем!— бодро воскликнул он и подошел к облаку.

— Абдулла!— не своим голосом закричала Хасият, заметив, что тот неосторожно прикоснулся рукавом к серой массе.

Абдулла подался назад. Ничего серьезного не случилось. В том месте, где рукав соприкоснулся со странным веществом, виднелось пятнышко размером с урюковый листок.

Но Хасият уже подбежала к нему. Подняв с земли веточку, дотронулась ею до пятнышка на рукаве. Ткань тут же рассыпалась, как труха. Сквозь образовавшуюся дырочку виднелась чуть покрасневшая кожа.

— Больно?— с сочувствием спросила Хасият.

— Ерунда,— отозвался он, хотя руку жгло.

— Я ведь предупреждала тебя — надо осторожнее,— с легким укором произнесла Диляфруз. Затем подняла совок и сама направилась к облаку.

— Э нет, сестричка!— Абдулла едва не силой забрал у нее совок.— Я жажду реабилитации.

Совок вошел в серую массу, словно в груду полужидкой глины. Абдулла провернул свое орудие, отделяя тем самым от общей массы небольшой кусочек.

— Ага! Поддается!— весело выкрикнул он. И тут же удивился.— Сопротивляется? Ишь ты! Ну, ничего!

Похоже, эта штука обладает магнитными свойствами. Только я сильнее.

Удалив совок с «уловом» метра на два от облака, он удовлетворенно заключил:

— Наша взяла! Здесь уже не притягивает.

Он опорожнил совок.

Отторженная масса тотчас же приняла форму сплюснутой капли, причем сфера, обращенная к «материнскому» облаку, несколько вытянулась. Видимо, сказывалось влияние магнитных или каких-то других сил.

Девушки разожгли примус.

— Давайте возьмем для испытания только часть капли,— предложила Хасият.

С ней согласились.

Диляфруз с сосредоточенным выражением лица регулировала пламя.

Абдулла смотрел поверх девушек на город, подернутый дымкой. К горлу подкатил комок. Этой ночью может случиться худшее, а они тут играют, как... дети. Сюда следует немедленно вызвать ученых-биологов, химиков, физиков. Да и то — окажется ли этот орешек по зубам нашим специалистам? Ведь наверняка облако — порождение инопланетной цивилизации. Агрессивной, могучей... Абдулла всегда живо интересовался проблемой населенности Вселенной. И вовсе не считал эту проблему отвлеченной. И вот — доказательство его правоты. Облако — незваный гость из Космоса. Только так. Иначе это не объяснишь.

* * *

Милиционер провел Сабира и Сурайю в какое-то помещение, тоном, не допускающим возражений, попросил сесть на диван и ждать его, а сам вышел.

— Тьфу!— в сердцах воскликнул Сабир.

В таком глупом положении он сроду не оказывался. Инцидент, милиция... Досадно, право! Но главное не в этом. Время, драгоценное время уходит.

Сурайя молча разглядывала комнату. Стол, стулья, на стенах плакаты с правилами уличного движения, рисунки. Наверное, это и есть камера предварительного заключения? Никогда не думала, что окажется здесь. Все из-за этого Сабира. Бежим, бежим! Подумаешь! Ничего бы не случилось, если бы дошли до горисполкома

обычным шагом. А теперь вот — сиди здесь. И неизвестно, когда выпустят. Нет, нужно возмутиться. Пусть позвонят отцу. Впрочем, она сейчас сама ему позвонит. Кстати, вон на столике стоит телефон.

Она поднялась, прошла в угол и сняла трубку. Но к ней тут же подскочил Сабир.

— Молодец, милая! Догадалась. Может, что и получится. Только давай я лучше сам позвоню.

Сурайя, ошеломленная такой стремительностью, совсем растерялась. А Сабир тем временем завладел телефоном. Поспешно набрал короткий номер.

— Куда ты звонишь?— спросила Сурайя.

— Куда-куда? В справочную —09.

— Зачем?— удивилась она.

— Узнаю номер телефона приемной председателя. Ведь и ты хотела сделать то же самое? Верно?

— Нет,— резко ответила Сурайя.— Я решила позвонить отцу. Можешь не сомневаться, он в два счета вызволит нас из этой... каталажки,— последнее слово она произнесла с брезгливостью.

— Сурайя, дорогая,— горячо заговорил Сабир.— Сейчас важнее сообщить куда следует о свинцовом облаке. Собою займемся после. Разреши мне первому воспользоваться телефоном, умоляю тебя...

Он раз за разом набирал «09». Однако линия была занята. Наконец откуда-то издалека послышался хрипловатый голос:

— Справочная.

— Будьте добры, мне нужен телефон...

— Не слышно, перезвоните.

В трубке послышались короткие гудки.

Сабир принялся снова вертеть диск, бросая умоляющие взгляды на Сурайю. Девушка смотрела на него с гневом.

— Алло, справочная?— он облегченно вздохнул.

Сабир записал номер телефона приемной горисполкома, но позвонить ему не удалось. В комнату вернулся сержант.

— Ого!— присвистнул он, как бы поражаясь поведению Сабира.— Я смотрю, парень, ты не стесняешься. Хозяйничаешь, как у себя дома. Ну-ка, положи трубку.

Пришлось подчиниться.

— Радуйся!— шепнула Сурайя.— Теперь нам никто не поможет.

— Вот что!— строго сказал сержант.— Сейчас я от-

веду вас к начальнику отделения, майору Клеблееву. Слыхали о таком, нет? Ну, пошли.

Майор Клеблеев оказался худощавым человеком лет сорока пяти. У него были седые виски и одухотворенные глаза. Увидев глаза майора, Сабир почувствовал прилив энтузиазма. Он был почти уверен, что майор поймет его.

Клеблеев произнес с легкой иронией:

— А вы, оказывается, совсем молоды. И вовсе не похожи на людей, которым надоело жить. Что нам теперь с вами делать? Сами-то как думаете?

Сабир начал по порядку.

— Вот почему мы так спешили,— заключил он свой рассказ и выразительно посмотрел на Сурайю, как бы призывая ее в свидетели. Однако девушка упорно молчала.

По спокойному лицу Клеблеева совершенно нельзя было понять, как же он отнесся к услышанному. Сабир даже заколебался — может, напрасно он поверил в одухотворенность взгляда этого милицейского офицера?

— Кроме серого облака вы больше ничего не заметили?— спросил майор.

— Нет.

— А вы, девушка?— вежливо обратился Клеблеев к Сурайе.— Или вы были не вместе?

— Нет, ничего другого я тоже не заметила,— резко ответила та.

— Понятно.

Клеблеев снял трубку красного телефона.

— Пулат Садыкович? Тут у меня двое молодых людей — парень и девушка. Недавно за городом они наблюдали странное явление — облако-призрак, которое пожирает все живое. Да, они так утверждают. Одно из двух — либо мы имеем дело с мистификацией, смысл которой мне не ясен, либо... дело более чем серьезное. Да-да, конечно... И еще... Видимо, имеет смысл немедленно связаться с учеными.— Он помолчал, видимо, выслушивая собеседника.— Ясно. Выезжаем.— Клеблеев поднялся из-за стола.— Ну, ребята, придется вам повторить свой рассказ еще в одном месте, а затем сразу же мы поедем знакомиться с вашим облаком.

Они вышли из подъезда и сели в бежевую «Волгу».

— Сатвалды, мы здорово спешим,— сказал Клеблеев шоферу.

— Ясно,— ответил тот, нажимая на газ.

• • •

Нет, серое вещество не взрывалось. Когда Абдулла внес совок с крохотной капелькой массы прямо в пламя примуса, от огня взвился светло-коричневый дымок, а сама капля начала быстро разбухать, так что вскоре уже не помещалась в совке.

— Видимо, углеводород, который выделяется при горении — лакомое блюдо для нее,— заключила Диляфруз.

— Во всяком случае, испытание огнем эта капля выдержала успешно,— подал голос Абдулла.— Выходит, это не органика? Ну что ж, давайте постращаем ее водой.

— Я уже пробовала,— ответила Хасият.— Воду она моментально замораживает.

«Все верно,— подумал Абдулла,— канала облаку не миновать. Значит, надо, чтобы в верховьях немедленно перекрыли воду».

Вслух же сказал:

— Вы заметили, в отличие от Сабира и Сурайи, наше подопечное облако передвигается довольно быстро. Так что, с вашего разрешения, я сбегаю в город. Попробую ускорить дело.

Диляфруз внимательно посмотрела на него.

— Да, Абдулла, надо идти.

Когда он ушел, девушки, оставшись наедине с облаком, почувствовали себя совсем неуютно.

— Делать-то что будем?— тихим голосом спросила Хасият.

— Ждать,— ответила Диляфруз.

Неспешно они пошли в обход свинцовой тучи, достигшей внушительных размеров. Масса передвигалась совершенно незаметно, но за эти несколько часов удалилась от застывших животных на добрую сотню метров. О предельной же скорости облака можно было только догадываться.

— Неужели ее невозможно остановить?— сказала Хасият.— Или мы совершенно бессильны?

— Все будет зависеть от того, насколько полно и быстро удастся изучить ее природу. Или хотя бы определить основные свойства.

— А что если...— нерешительно проговорила Хасият.— Ой, нет, наверное, это глупость.

— Смелее, Хасият.

— Я просто подумала... у меня мелькнула мысль...— зарделась девушка.

— Ну?

— Если построить перед облаком металлическую стену? Или даже полностью окружить стеной из железа?

Диляфруз остановилась и всплеснула руками. Глаза ее радостно сверкнули.

— Хасият, ты молодчина! Честное слово, это уже какой-то выход.— Понемногу она успокоилась и заговорила ровнее.— Правда, мы не знаем, как долго металл будет сохранять стойкость. Опять же — какой именно металл лучше использовать? А может, облако попросту поднырнет под стену и проберется на ту сторону через грунт?— Она вздохнула и потерла виски.— Видишь, как много вопросов. Надо скорее искать на них ответы. Нужны приборы, аппаратура, опытные специалисты. А что можем сделать мы? Ума не приложу, где Сабир и Сурайя? Почему до сих пор никого нет!

* * *

В тот самый момент, когда Абдулла шел через поле к шоссе, от центрального корпуса Института охраны окружающей среды отъехали две «Волги».

В одной находились Сабир, Клеблеев и бравый сержант-регулировщик, в другой несколько сотрудников института и представитель городских властей.

Что касается Сурайи, то она ушла домой, после того как Клеблеев сказал ей:

— Я вижу, девушка, вы утомились. Не лучше ли вам отправиться к родителям? Тем более, что свою миссию вы выполнили. Вашего друга отпустим сразу же, как только он покажет дорогу к объекту. Ну, а «Жигулями»,— он вздохнул,— займемся завтра...

Сабир поддержал майора:

— И в самом деле, Сурайя, иди домой. Я тебе после все расскажу.

Сурайя удалилась с независимым видом...

Машины приближались к цели, когда Сабир увидел Абдуллу, шагающего по шоссе.

— Остановите. Это наш.

— Ага! Еще один гонец,— догадался Клеблеев.

Абдулла без лишних слов устроился на заднем сиденье.

Свернув с асфальта на проселок, машины помчались вдоль хлопковых плантаций, поднимая клубы пыли, и вскоре были на месте.

Диляфруз и Хасият уже спешили к ним

— Ого!— прошептал Сабир.— Оно стало в три раза больше.

Даже шоферы служебных машин, привыкшие ничему не удивляться, были поражены, увидев замерзших ослов, остекленевшие кусты и огромную свинцовую массу, колыхавшуюся над самой землей.

Старший из ученых, седой мужчина с сосредоточенным взглядом, попросил:

— Ну, теперь рассказывайте все с самого начала.

Диляфруз, слегка волнуясь, рассказала о наблюдениях и опытах, которые они успели сделать, об идее Хасият насчет металлической стены.

Ученый переглянулся с коллегами и удовлетворенно произнес:

— Я вижу, вы даром времени не теряли.

— Наоборот, мы потеряли очень много времени,— горячо произнес Абдулла. Он заговорил о своих опасениях, о возможных последствиях «деятельности» этого странного организма.

— Выходит, облако в огне не горит и в воде не тонет,— произнес второй ученый, лысоватый, в больших роговых очках.

— Товарищ прав,— хмуро проговорил старший, указывая на Абдуллу,— времени потеряно очень много. Не будем усугублять...

Ученые сошлись в кружок и о чем-то несколько минут оживленно перешептывались. Наконец старший обратился к Клеблееву:

— Товарищ майор, кажется, в вашей машине есть телефон?

— Да, к вашим услугам.

— Мне нужно позвонить директору, передать заявку

— Пожалуйста.

Ученый направился к «Волге». Тем временем его коллега быстро проговорил:

— Товарищ майор, надо что-то предпринять... Ну, знаете, чтобы здесь не собирались зеваки. Мешать будут. А то, глядишь, кто-нибудь пострадает.

Клеблеев улыбнулся.

— Не волнуйтесь. Спокойно делайте свое дело. Через полчаса установим вокруг посты. А пока... Сержант

Махмудов! До прибытия патрулей глаз не спускайте с этого облака. И не подпускайте к нему посторонних.

Седовласый ученый вышел из машины и быстрым шагом направился к коллегам.

— Пожалуй, будет лучше, если я сам съезжу в институт. Вернусь быстро. И девушек,— он повернулся к Диляфруз и Хасият,— возьму с собой. Ну, умницы, в машину. Пока готовят оборудование, расскажете нашим сотрудникам обо всем этом подробно.

Машина отправилась в город. Оставшиеся ходили вокруг облака, тихо переговаривались, то и дело поглядывая на удивительную массу, способную на неприятные сюрпризы.

Сержант Махмудов, у которого не сходило с лица озабоченное выражение, подошел поближе к Сабиру.

— Ты, браток, не обижайся на меня за тот разговор, идет? Я ведь думал, что вы обыкновенные нарушители. Служба, ничего не поделаешь. Как ни крути, а столкновение было. И протокол составлен. Хорошо еще, без жертв обошлось. Ну, а теперь объясни-ка мне попонятнее, что это за удивительная штука такая? Как она проморозила тех бедняг? Умереть мне на месте, если я что-нибудь понял из прошлого разговора.

Возможно, Сабир и попытался бы развить сейчас какую-нибудь гипотезу. Но, на беду сержанта, его слова услыхал Абдулла. Он сообразил, что в задержке Сабира виноват этот высокий милиционер, и решил малость подтрунить над ним, отыграться за недавние неприятности друга.

Вообще Абдулла был признанный мастер рассказывать байки. Вот и сейчас он понес околесицу, совершеннейшую галиматью, даже не заботясь о логике. Но взволнованный сержант слушал рассказ внимательно. Его нижняя губа отвисала все больше и больше, в сощуренных глазах росло изумление и растерянность.

— Бог ты мой!— воскликнул он наконец.— Неужели оно такое страшное, это облако?

— А вы думали? Такого соединения на земле сроду не бывало. Не удивлюсь, если оно проморозит земной шар насквозь. Или заморозит весь воздух и нам нечем будет дышать...

— О боже!— простонал сержант.— Все это просто не укладывается в голове.

Он разволновался не на шутку.

«Ничего, в следующий раз будет внимательнее к лю-

дям»,— подумал Абдулла. Сам же он успокоился. Теперь, когда облаком занялись ученые, он был уверен в успехе. Мрачные мысли рассеялись.

* * *

Сурайя, единственная дочь своих родителей, возвратилась домой в прескверном настроении.

Дверь открыла мать, располневшая женщина с едва заметными чертами былой красоты. На ней было нарядное платье. Как маленькую, она поцеловала Сурайю в лоб и ласково спросила:

— Нагулялась, доченька? Интересно было? А где же тюльпаны?

— Отстань, мама,— с раздражением ответила Сурайя.— У меня голова прямо раскалывается,— и она поспешно прошла в свою комнату.

Мать засеменила следом.

— Уж не простудилась ли? Может, врача вызвать? Ох, какая жалость! Мы ведь сегодня приглашены в гости. Отец должен вот-вот подойти. И тебя там ждут.

— Никуда я не пойду, и никто мне не нужен. Просто хочу побыть одна. Оставь меня. Ну, пожалуйста.

Мать, привыкшая к капризам дочери, вышла, вздыхая, и осторожно прикрыла за собой дверь.

Сурайя бросилась на диван. Она бы разрыдалась сейчас, если бы не подозревала, что мать стоит за дверью и прислушивается.

О! Ей сегодня все стало ясно. Друзья дали ей понять, кто она такая. Красивая кукла с пустой головой! Так они думают. И может быть, так говорят между собой.

Диляфруз, конечно же, специально спровадила ее с поля. А Сабир, который называет ее «милой» лишь с глазу на глаз, тут же поддержал майора, когда тот предложил ей идти домой. Значит, и майор понял по поведению Сабира, что к ней, Сурайе, не стоит относиться серьезно.

Что вообще происходит с ней в последнее время? Раньше все было проще. Она с ранних лет привыкла думать, что жизнь легка и безмятежна. Если случалась вдруг какая-то заминка, то отец и мать готовы были в лепешку расшибиться, лишь бы оградить ее от трудностей. Еще в младших классах кто-то из родственников разъяснил ей, что ее отец — большой человек, занимает

очень ответственный пост. Поэтому, мол, ей повезло — никаких проблем в будущем. Постепенно у Сурайи крепла вера в исключительность их семьи и в свою собственную исключительность. Например, в четвертом классе у нее появились золотые украшения, хотя у многих одноклассниц не было даже простенького колечка. После уроков за Сурайей часто заезжал папин шофер. Она с гордым видом хлопала дверцей автомобиля. Любое ее желание мгновенно исполнялось, и это тоже придавало девушке уверенность в постоянном благополучии. Так продолжалось много лет.

Но затем случилось что-то непонятное. Впервые она заметила это в конце первого курса. Поначалу многие однокурсники поглядывали в ее сторону с интересом. Ну что ж, она привыкла к успеху. Но затем, когда студенты лучше узнали друг друга, Сурайя почувствовала, что потенциальные ее поклонники стали относиться к ней с прохладцей и даже с легкой иронией. В их взглядах она читала: «Ты, конечно, красивая девушка, но не позавидуешь тому бедняге, который станет твоим суженым». Теперь и обычную сдержанность Сабира она расценивала как постепенное охлаждение его чувств к ней.

Все чаще ей казалось, что Диляфруз, Абдулла и Хасият смотрят на нее с немым укором, даже с жалостью. Это на нее-то! Друзья называются! Собственно, какие они ей друзья! Что ее связывает с ними? Особенно с этой всезнайкой Диляфруз? Как она, Сурайя, вообще очутилась в их кругу? Все из-за Сабира. Именно он вовлек ее в эту компанию. Ну, положим, Сабир — совсем другое дело. С ним дружить не зазорно. Его отец — директор какого-то важного завода. Но остальные? У Диляфруз — отец обыкновенный токарь, у Абдуллы — бухгалтер, а у Хасият — простой ткач.

Вообще-то она, Сурайя, выше предрассудков и вполне могла бы поддерживать хорошие отношения и с Абдуллой, и с Диляфруз, и даже с Хасият. Но при условии, чтобы они ее уважали. А как получилось на деле?

Теперь ей все стало ясно. Все эти долгие годы взаимного общения друзья ее, что называется, воспитывали. Вот как! И Сабир им во всем потакал.

Ну почему, почему все они считают, что она ни на что не способна? «Нет,— хотелось крикнуть ей,— я все могу! Вот только подвернется случай и вы увидите».

Случай подвернулся. Она наткнулась на свинцовое

облако. Но она ничего так и не доказала. Сначала просто растерялась, а потом поддалась приступу злости — на себя, на Диляфруз, на Сабира, даже на эту Хасият.

В комнату опять вошла мать. Посмотрела на дочь пристальным, полным любви взглядом.

— Доченька, не проходит головка?

— Нет,— буркнула Сурайя.

— Может, вам лекарство принести?

Вот и отец вечно разговаривает с ней таким же нежным голосом, временами обращается на «вы». Сурайя отвернулась к стене.

— Не стоит.

— Тогда выпейте пиалушечку чая. Я сейчас принесу.

— Ничего не надо, мама.

— Воля ваша, доченька,— и мать вышла, осторожно ступая по ковру.

Не прошло и трех минут, как мать снова стояла у изголовья Сурайи.

— Доченька, я приготовила вкусные голубцы. Скушайте несколько штучек, и сразу станет легче.

— Мама, я не голодна. Я ничего не хочу,— раздельно произнесла Сурайя, чувствуя, что еще немного — и она сорвется на крик.

— Ну хорошо, хорошо. Скоро придет отец, он что-нибудь посоветует. В гости, конечно, сегодня не пойдем.

«О боже! Ни минуты покоя в этом доме»,— вздохнула про себя Сурайя. Еще не хватало, чтобы вокруг нее сюсюкали целый вечер.

Она поднялась с дивана, заставила себя улыбнуться.

— Знаешь, мама, мне, кажется, уже легче. Выйду на улицу, погуляю возле дома. А вы с папой обязательно идите в гости.

* * *

Диляфруз и Хасият шли по улице, обсуждая свой недавний визит в Институт Охраны окружающей среды. Наверное, никогда не забыть им просторного кабинета, где собрались известные ученые. Девушки отвечали на самые разнообразные, подчас неожиданные, вопросы, связанные с загадочным облаком. Не умолчали они и о своих опытах.

Когда девушки ответили на последний вопрос, высо-

кий сухопарый академик обвел собравшихся взглядом и проговорил:

— Разрешите от вашего имени поблагодарить Диляфруз и Хасият, а также их товарищей за интересную информацию. Вы, девушки, свободны. Сейчас вас отвезут домой. А мы, товарищи, продолжим изучение объекта на местности...

Диляфруз, покраснев, проговорила:

— Домла, возьмите нас с собой. Пожалуйста...

Академик улыбнулся, покачал головой.

— Думается, вы полностью выполнили свой комсомольский и гражданский долг.

— Может, мы сумеем чем-нибудь еще помочь, домла?

— Я уверен, что такой необходимости нет. Кроме того, по ряду причин, о которых нетрудно догадаться, принято решение ограничить доступ к облаку. Работать с ним будут только специалисты.

Академик говорил ласково, как бы извиняясь, но девушки поняли, что всякие уговоры бесполезны.

Сотрудники уже поднялись с мест и направлялись к подъезду, где выстроилась вереница машин. Академик тоже торопился. Все же на прощание он пожал девушкам руки и попросил:

— Доченьки, не говорите пока никому об этой истории.

— Мы понимаем, домла.

...Диляфруз и Хасият шли уже по своей улице.

— Хасият, мы не упустили чего? Все рассказали, как считаешь?— спрашивала Диляфруз.

— По-моему, все,— пожала плечами Хасият.— Все, это точно. Ну, может, мелочь какую-нибудь упустили.

— Ох, в мелочах подчас заключается главное,— беспокоилась Диляфруз.— У меня такое чувство, что мы о чем-то забыли...

— Давай восстановим в памяти все с самого начала,— отозвалась Хасият. От пережитых волнений она преобразилась. Блестевшие глаза, гордо вскинутая головка, порозовевшие щеки придавали ее облику очарование и привлекательность.

В этот момент они увидали Сурайю, вышедшую подышать свежим воздухом. Меньше всего Сурайе хотелось встретиться сейчас с бывшими одноклассницами, но ничего не поделаешь, ее уже заметили. Сурайя приняла беспечный вид и улыбнулась подругам.

— Как ваши опыты, великие ученые? Какими новыми открытиями обогатили современную науку?

— Великие ученые исследуют сейчас наше облако,— ответила Хасият, у которой с Сурайей были более ровные отношения.— Но и нам кое-что удалось...

Конечно, они обещали академику хранить тайну, но ведь Сурайя была посвящена в нее. Поэтому ей рассказали все без утайки.

— Сейчас там кипит работа,— заключила Хасият.— Особенно их заинтересовало, что облако можно делить на части...

— Вспомнила!— вскричала вдруг Диляфруз.— Мы забыли сообщить о маленькой капельке облака.

— Ты путаешь,— спокойно возразила Хасият.— Все мы рассказали. И как делали совок из железного листа, и как Абдулла чуть не коснулся облака, и как он отделил кусочек от массы...

— Я говорю о той капельке, которую мы испытывали огнем.

Тут и Хасият побледнела.

— Действительно... Из головы вылетело...

— Представляешь, что может случиться! Капелька так и осталась в стороне, у коллектора. Ее могут не заметить. А она начнет расти самостоятельно и за ночь превратится в новое огромное облако.

— Ой, правда...

— Бежим скорее к автобусу! Нет, лучше взять такси! Надо немедленно найти эту каплю! Надо сообщить...

— Подождите!— остановила их Сурайя.— Через десять минут родители уходят в гости. Дождемся их ухода, чтобы не было лишних вопросов. А потом я заведу машину.

— Верно! Это лучший выход.

— Только...— замялась Сурайя.— Можно мне одной съездить?

Диляфруз и Хасият посмотрели на нее с удивлением.

— Ну поймите,— умоляюще говорила Сурайя,— вы самостоятельно исследовали эту тучу, ребята тоже сделали что-то полезное... И только я...— она опустила голову.

— Хорошо, Сурайя, езжай. А мы будем ждать тебя с известием,— ответила Диляфруз, взволнованная просьбой Сурайи.

Обычно происходило иначе. Все знали — Сурайю лучше ни о чем не просить. В ответ обязательно услы-

чтишь «Надо посоветоваться с мамой», «Не знаю, разрешит ли папа». И вдруг... она сама отважилась на решительный поступок. Разве можно отказать?

* * *

Подходя к дому, Сурайя на всякий случай заглянула в гараж. Как она и предполагала, машина была на месте. Отец никогда не берет машину, отправляясь в гости. «Мне нужна разрядка,— говаривал он в таких случаях.— Неужели, сидя за столом, я должен думать только о том, как на обратном пути благополучно доехать до гаража?»

Сурайя поднялась на второй этаж, отперла дверь своим ключом. В прихожей было сумрачно и прохладно. В гостиной гудел кондиционер. Девушка прошла на кухню. Откровенно говоря, в этом уголке их обширной квартиры она бывала редко. Приготовлением обедов и уборкой полностью занималась мать.

В сознании Сурайи промелькнуло смутное воспоминание. Вот она, шестилетняя девочка, возится на балконе с огромным веником, который, кажется, на целую четверть выше ее. Вбегает мать с испуганными глазами: «Ох, доченька, оставь! Ручки испачкаешь. Дай, я сама». Другой эпизод. Из того же розово-голубого детства. Отец пришел с работы и попросил: «Заварите, пожалуйста, чай». Сурайя бросилась на кухню: «Папочка, потерпи немножко, я сейчас». Мать догнала ее, отобрала спички. «Доченька, рано тебе с газом обращаться. Пальчики обожжешь. Иди лучше поиграй. Я сама».

Сурайя стояла в дверном проеме задумавшись. Однажды, на первом курсе, несмотря на усилия отца, она была вынуждена выехать вместе с однокурсниками на сбор хлопка. Хлопкороб из нее получился неважный, и ее определили на кухню. Обязанности у нее были несложные — проследить, чтобы шурпа хорошенько прокипела, и убавить огонь. Вышло так, что пища пригорела. Никто ей не сказал ни слова, но Сурайя видела, с каким выражением лиц проголодавшиеся ребята ели ее стряпню.

Ладно, что было, то было.

Сурайя решительными шагами прошла на кухню, распахивая шкафчики и столы импортного набора. Кастрюли, тарелки, сервизы, казаны, столовые приборы. Все

не то. Может быть, подойдет мантоварка? Нет. А это что? Из дальнего угла она извлекла старый металлический термос. Колба в нем давно разбилась, но у матери твердое правило — ничего не выкидывать. Хранит всякий хлам, из-за чего отец частенько посмеивается над ней. Ну что же! Иногда и старый хлам оказывается полезным. Металлический термос с разбитой колбой, но с плотно навинчивающейся крышкой — как раз то, что нужно для ее затеи.

Затем Сурайя заглянула в чулан. После недолгих поисков обнаружила под нижней полкой железный совок и металлическую щетку.

Прихватив все это с собой, она спустилась в гараж и вывела машину на улицу.

За рулем Сурайя чувствовала себя уверенно. Вскоре она подъезжала к коллектору, за которым колыхалось свинцовое облако.

За время ее отсутствия тут произошли большие изменения. На самой дороге расположился пост ГАИ — все проходящие машины пускали в объезд. С десяток машин стояло вдоль коллектора. Большая группа людей сгрудилась у облака. Судя по всему, ученые отделяли от массы небольшие части и относили их в сторону, где, видимо, шли эксперименты. В лучах заходящего солнца поблескивали металлические цилиндры и сферы. На углу хлопкового поля замер приземистый темно-зеленый вертолет.

«Жигули», которые вела Сурайя, остановил сотрудник милиции. И пришлось бы девушке повернуть назад, не осуществив своих планов, если бы это не был тот самый сержант, что задержал ее и Сабира у центрального рынка. Время дежурства сержанта давно кончилось, но он упросил майора оставить его на посту. Очень уж интересовало его, что за облако такое спустилось на землю из космоса, а главное — удастся ли людям найти на него управу.

— А, сестричка! — сержант сразу же узнал Сурайю.— Приехали по своим делам? И не вы одна. Видите, сколько народу?

Сурайя мгновенно сориентировалась в обстановке.

— Очень хорошо. Посмотрите, пожалуйста, за моей машиной. Мне нужно передать важное известие.

— Не волнуйтесь. И муха не подлетит к вашей машине.

Сурайя взяла термос, совок и щетку и пошла к коллектору.

В группе людей, суетившихся у облака, Сурайя заметила Абдуллу и Сабира. Страшная догадка обожгла ее. А вдруг Абдулла уже рассказал ученым про ту маленькую капельку? Вдруг этой капельки уже не существует? Значит, опять поражение?

Сабир заметил Сурайю и поспешил к ней.

— Ты, милая?— все же он не сумел скрыть удивления.— Но... зачем ты здесь?

— Диляфруз потеряла колечко и попросила поискать,— Сурайя воспользовалась первым пришедшим ей в голову предлогом.

— Ах, колечко...— Сабир вздохнул.— Извини, но я не сумею тебе помочь. Столько дел! Нам с Абдуллой дали важное поручение.

— Поздравляю!— отрезала Сурайя.— Иди занимайся своими важными делами.— И видя, что Сабир не уходит, улыбнулась ему очаровательной улыбкой.— Иди же! Покажи, на что ты способен.

Сабир прикоснулся к ее руке.

— Да, надо идти. Я приду завтра, Сурайя. У нас будет время поговорить. А сейчас — извини...

Он убежал, а Сурайя пошла к коллектору, внимательно вглядываясь в окружающие предметы. Ученые, поглощенные своими делами, не обращали на нее никакого внимания. У вертолета стояла группа людей, судя по всему — руководители исследования. Они негромко, но весьма оживленно обсуждали свои проблемы.

Сурайя сделала еще несколько шагов и увидела то, что искала. Над канавкой, заросшей травой, колыхалось свинцовое марево. Тучка была совсем небольшой, однако с капелькой сравнивать ее не стоило. За несколько часов она увеличилась в несколько раз. Трава вокруг стояла заиндевевшая, при малейшем прикосновении — рассыпалась в прах.

Сурайя сняла крышку с термоса и приблизила его к облачку. Затем, помогая себе совком, осторожно втолкнула массу в термос и тут же плотно завинтила крышку. Оглянулась по сторонам — нет, никто не заметил.

Прижимая добычу к груди, она направилась к шоссе.

Сержант почтительно посторонился.

— А скажите-ка, сестра,— со смущением поинтересовался он,— это правда, что ваше облако может замо-

розить весь воздух на земле? — И пояснил — Так сказал один парень.

— Ну, что вы! — воскликнула Сурайя. — Он просто... просто преувеличил. — Она не захотела сказать — «пошутил». — Не волнуйтесь, все будет в порядке. Видите, сколько людей стараются ради этого.

Сержант повеселел.

— Ох, успокоили вы меня. Мне ведь не за себя страшно. У меня, понимаете, шестеро детей. Да что там! Сколько малышей в городе... Эх, от меня бы зависело, наказать бы примерно тех, кто придумал это облако...

— К сожалению, никто этого не знает.

— Вот именно, к сожалению. По-моему, выдумывать вот такие штуки — хуже любого преступления. Ну, ничего, если наш Клеблеев возьмется за расследование — найдем концы, можете не сомневаться.

— Желаю вам удачи, — улыбнулась Сурайя. — Вам и вашему Клеблееву.

Сержант был так любезен, что проводил девушку до машины.

Сурайя включила зажигание и помчалась в город. Настроение у нее было великолепное. Время от времени она поглядывала на термос, что лежал рядом на сиденье. Ну вот, часть облака теперь в ее распоряжении. Теперь никто не скажет, что во всей этой истории она играла роль статиста, красивой куклы.

У Диляфруз она застала и Хасият. Девушки сидели на диване, обложившись книгами и справочниками. Диляфруз читала вслух.

— Все в порядке, — успокоила их Сурайя. — Нашли вашу каплю. И затолкали в какую-то колбу. А вы никак к зачету готовитесь? Вроде бы до сессии еще далеко. — Она заглянула в раскрытую книгу. — Кислород? Вы читаете о кислороде? Думаете... облако поглощает кислород?!

— Это еще неизвестно, — ответила Диляфруз. — У нас ведь не было под руками ни приборов, ни реактивов.

— Ну, а если бы были? Что бы вы делали тогда? — вновь спросила Сурайя, замирая от предчувствия удачи.

— Проще всего... Проще всего было бы взять две равных части этой массы, одну из них поместить в закрытый металлический сосуд, а другую в открытый, с притоком свежего воздуха, например, на сквозняке. И выждать некоторое время. А потом сравнить обе части. Если вторая стала больше, значит, она питалась возду-

хом. Можно также внести пламя горящей спички в струю, прошедшую через открытый сосуд. Если пламя погаснет или ослабнет, значит, содержание кислорода в струе понижено, то есть часть его поглощена веществом облака...— Диляфруз задумалась.— Собственно говоря, такой опыт мы могли проделать и в полевых условиях. Жаль, что поздно догадались.

— Не огорчайтесь, девочки,— успокоила подруг Сурайя.— Вы и так многое успели. Все ученые только и толкуют о том, какие вы молодцы.

Ей не терпелось поскорее оказаться дома. Теперь, когда она узнала, что и на ее долю кое-что осталось, а главное, выведала способ проведения опыта, хотелось приступить к нему немедленно. А потом,— успех, море цветов, улыбок, портреты в газетах: «Отважная девушка раскрывает загадку века», «Талантливая исследовательница», «Сурайя одерживает победу». Ого! Пусть попробует тогда кто-нибудь посмотреть в ее сторону со снисходительностью!

Поговорив для приличия еще минут пять о том о сем, Сурайя попрощалась. Две минуты — и она уже ставила машину в гараж. Хотела взять термос, но едва прикоснулась к нему, как вскрикнула от боли. Термос раскалился, словно все это время его подогревали. Подув на обожженную ладонь, Сурайя осмотрелась. На глаза попалась большая тряпка из мягкой ткани. Сурайя сложила ее в несколько раз, обмотала ею термос и поднялась в квартиру. Термос она сразу же поставила в ванную, направив на него холодную воду. Пусть немного остынет.

Потом прошла в комнату, смазала покрасневшее место на руке мазью. Вспомнила, что совок и металлическая щетка остались в машине. Надо бы их принести, пригодятся.

Она заглянула в ванную минут через десять. Все помещение было заполнено паром. Вода, соприкасаясь с термосом, мгновенно превращалась в пар, а из-под крышки вылезала длинными языками свинцовая масса. Сурайя в ужасе отпрянула назад.

• • •

Вертолет, который Сурайя заметила неподалеку от облака, приземлился за полчаса до ее приезда. На нем прибыли члены Специальной комиссии во главе с Пред-

седателем — коренастым, невысоким мужчиной с депутатским значком на лацкане пиджака.

Едва члены комиссии сошли по узкой металлической лестнице на землю, как к ним поспешил Руководитель Особой Научной Группы академик Мавлянов.

Председатель Комиссии и Руководитель группы давно были знакомы между собой, однако обстановка требовала деловитости и официальности в отношениях.

Академик коротко доложил о результатах исследований.

— Таким образом,— заключил он,— установлено два важных фактора, сулящих перспективу. Во-первых, облако возможно делить на части, во-вторых, оно не проникает через металл. Хочу отметить, что оба эти обстоятельства впервые установила группа молодых людей, студентов... Можно сказать, голыми руками...

Председатель комиссии сделал нетерпеливый жест.

— Дорогой Акрам-ака, насчет приоритета побеседуем потом. Пока есть задача поважнее.— Он устремил проницательный и вместе с тем тревожный взгляд на академика.— Итак, ты считаешь, что облако подлежит безусловному уничтожению?

— По крайней мере, в данную минуту я считаю именно так,— тихо, но решительно отозвался ученый.— Это вещество — агрессор. Оно уничтожает все живое, оставляет за собой пустыню. Конечно, хотелось бы поэкспериментировать. Но... у нас нет ни права, ни времени на это. Город рядом...

— Рядом...— так же тихо отозвался Председатель. Они отлично понимали друг друга с полуслова.— Но как его уничтожить? Есть конкретные предложения?

— Трудно ответить так сразу. Нам приходится работать в спешке... Пока что самый оптимальный вариант представляется таким — следует строить вокруг облака кольцевую стену из металла.

— Из какого металла?

— Наиболее устойчивым к облаку оказалось... серебро. Но знаешь, сколько его понадобится?— академик протянул лист с расчетами.

Председатель нахмурился.

— Серебро... Да хотя бы и золото! Речь идет о жизни людей. Неужели здесь кто-то сомневается, что в ближайшее время будет поставлено все необходимое?

— Нет, но понадобится очень много серебра. Столь-

не доберется во всем городе, а может быть, и в республике. А времени мало.

— Ничего. В нашей стране еще четырнадцать республик. А «сжать» время поможет авиация. Ученые уверены, что серебряная стена — единственный выход.

— Разве можно быть в чем-то уверенным, исследуя совершенно неизвестный науке объект?

— Да... Но вот ты говорил, что облако можно делить. Не проще ли уничтожить его по частям?

— Ты, видимо, плохо меня понял. Облако вообще не поддается уничтожению, ни целиком, ни по частям. Серебряная стена может лишь сдержать его продвижение и рост в течение длительного времени... К работе надо приступить немедленно... Кроме того, нужно дать заказ на какой-либо машиностроительный завод, чтобы там срочно приступили к изготовлению герметически закрывающихся серебряных ящиков и резаков. Вот общий чертеж. Деталировкой заниматься некогда... Попробуем разделить облако на части, сложить по кускам в серебряные ящики и вывезти куда-нибудь в горы.

— Так-так...— Председатель слушал со всем вниманием.— Вот ты говоришь — ящики... Зачем тогда строить стену?

Всегда корректный академик неожиданно вспылил:

— Да затем, черт возьми, что пока они будут там у себя клепать эти ящики, облако доберется до города, и уж, во всяком случае, пересечет каналы и все эти ЛЭП. А это — наводнение, авария... И вообще, черт возьми,— выругался он вторично,— здесь нужно установить круглосуточную работу, вызвать лучших специалистов страны, снабдить всех нас какими-нибудь таблетками, чтобы мы могли обходиться без сна...

— Успокойся, Акрам-ака,— Председатель крепко сжал его локоть.— Нервничать будем после. Дай-ка мне твои расчеты...

Он поднялся в вертолет. Через стекло было видно, как он снял трубку радиотелефона. Лицо у Председателя было озабоченным. Наконец он вышел из вертолета.

— Через час серебро начнет поступать сюда. Кроме того, к прокатке серебряного листа в ближайшее время приступят два завода на Урале и один на Украине. Готовую продукцию перебросят на сверхзвуковых самолетах. Уже сейчас ищут землеройную технику и бетонные конструкции. Надо рыть котлованы, монтировать стой-

ки. Давай, академик! Составлять проект придется в уме. И права на ошибку нам никто не предоставит,— Председатель похлопал себя ладонью по багровой шее. — А спросят на полную катушку.

Смеркалось, но таинственное облако не растворялось в густеющем воздухе. Оно по-прежнему выделялось грязновато-белым пятном.

Академик медлил.

— Ну?— резко обратился к нему Председатель.— Пора приниматься за дело. Что у вас еще?— он перешел на «вы».

— Считаю необходимым оповестить население города о возможной опасности.

Председатель посмотрел ему в глаза.

— Никакой опасности не должно быть.

— Кто может дать такую гарантию!— в запальчивости воскликнул академик.— Это ведь не ураган, не сель, даже не землетрясение. Это — нечто неопознанное,— последнее слово он произнес с ударением.

— И что же ты предлагаешь?!— Председатель подошел вплотную к ученому и горячо зашептал ему прямо в лицо:— Чтобы мы сейчас же объявили по радио и телевидению: «Уважаемые товарищи, в районе города появилось облако-агрессор»?— В голосе Председателя звучала горькая ирония.— Что это такое, мы сами пока толком не знаем, поэтому — спасайся, кто может и как может? Так, что ли? А ты уверен, что не начнется паника?

— Я уверен в одном — бездействовать мы не имеем права.

— Очень тонкое наблюдение,— язвительно парировал Председатель.

— Что будет, если облако все-таки прорвется?

— Значит, ты допускаешь?

— Я ученый, и мой долг учесть все варианты, в том числе и наихудший.

— А я партийный работник, и мой долг не допустить наихудшего варианта. Это наш общий долг, дорогой, Акрам-ака, понимаешь?

Оба замолчали.

— Хорошо,— произнес наконец Председатель.— Несколько часов у нас еще есть?

— С известной долей вероятности — да.

— Установим вечернее и ночное дежурство во всех авто- и таксопарках города. Мобилизуем ведомствен-

ный транспорт. Есть еще один резерв — воинские части. Все будет в готовности номер один. Окончательное решение примем в зависимости от того, как будут развиваться события.

* * *

Сероватые языки все стремительней выбирались из-под крышки термоса. Сурайя в панике подбежала к крану, стремясь отвести его в сторону от термоса. Но едва струя воды попала на один из серых язычков, как вверх взвился коричневатый дымок и вода моментально застыла, словно замороженная. Послышался характерный треск — кран и часть трубы разорвались. Из трещины полилась на пол вода.

Серая масса росла, как на дрожжах. Она уже взбилась вокруг крышки наподобие густой пены, из которой продолжали медленно стекать по термосу узкие языки. Минута — и первые капельки вещества коснулись ванны. Вновь взвился коричневатый дымок. Видимо, растущее облачко «закусило» эмалью.

«Из чего же делают ванны?— лихорадочно соображала Сурайя.— Кажется, из чугуна. Значит, пока серая масса внутри ванны, особой беды не случится? А если облачко разрастется так, что вылезет наружу? Ой, надо поскорее закрыть дырочку в ванной. И обязательно чем-нибудь металлическим. А что делать с водой? Она все прибывает и вот-вот потечет через порог по коридору».

Девушка совершенно растерялась.

Раздался резкий звонок у входной двери.

На площадке стоял сосед — худощавый энергичный мужчина средних лет. Он никогда не здоровался с Сурайей, при случайной встрече смотрел на нее с осуждением, а за глаза называл «великовозрастной бездельницей».

Вот и сейчас вид у него был хмурый.

— Чем вы там занимаетесь, соседка?— спросил он, сверкая маленькими глазами-бусинками...— Вода так и хлещет с потолка. Неужели трудно закрыть кран?

— Я... я не знаю...— пролепетала перепуганная Сурайя.— Кажется, лопнула труба.

— Разрешите, я посмотрю,— он сделал шаг вперед.

— Нет, нет, туда нельзя!— воскликнула девушка.

Неизвестно о чем подумал сосед, но он понимающе хмыкнул:

— Ладно, мне все равно, кого вы там принимаете у себя... Но если лопнула труба — значит, надо перекрыть воду. Вы ведь не хотите, чтобы нас всех затопило?

— Перекрыть? Да... Но я не знаю как...

— А что вы вообще знаете!— в сердцах произнес сосед.— Откройте-ка шахту. Вот так!— Он до отказа закрутил вентиль и добавил:— Сидите дома и никуда не уходите. Я сейчас вызову сантехников. А вы пока возьмите сухую тряпку и соберите ею остатки воды. Надеюсь, хоть это вы умеете?— усмехнувшись напоследок, он ушел.

Сурайя фыркнула ему вслед. Тоже педагог нашелся! Вот назло не будет она вытирать воду. Пусть вся стечет вниз. Сам вытрет, раз он такой умный.

Сурайя снова заглянула в ванную с тайной надеждой, что масса сама по себе окажется опять в термосе. Но когда она увидела, что облачко за время ее беседы с соседом «разжирело» чуть ли не втрое, ей стало дурно.

Она уже не хотела никаких опытов и экспериментов, ни славы, ни громких статей и фотоснимков в газетах. Только бы избавиться от этого кошмара! Только бы не видеть пухнувшей на глазах массы!

Может быть, найти еще какие-нибудь железки и с их помощью попросту вышвырнуть термос с содержимым в окно? И будь что будет.

Но тут ей вспомнились два «остекленевших» ослика, и она почувствовала стыд. Это она, Сурайя, вырастила новое облако, да еще хочет отпустить его на свободу — сеять смерть и разрушение. Не бывать этому! Но как поступить? В голову не приходит ни одной нужной мысли. Вот только... если позвать Диляфруз... Да! Надо быстрее бежать к Диляфруз! Она что-нибудь обязательно предпримет. Только бы она была дома!

* * *

Начальник строительно-монтажного управления Раджаб Бахрамов уже собирался домой, когда зазвонил телефон. Бахрамов снял трубку. Говорил управляющий трестом.

— Слушай, дорогой! Ты на днях должен был получить железобетонные стойки. Где они?

…мов только вздохнул. Сейчас начнется! Ну [illegible]

— Даврон Хамидович, дело в том, что стойки начали поступать только вчера. Завтра прибудет последняя партия. Тогда и приступим к вывозке. Это экономичнее.

Однако управляющий и не думал сердиться. Задержка с вывозкой стоек на объекты, как ни странно, даже обрадовала его.

— Значит, стойки на базе?

— Да, двести штук.

— Придется отдать.

У Бахрамова глаза полезли на лоб.

— Как отдать? Кому?

— Ученым.

Бахрамов, которому было хорошо известно, что управляющий шутить не любит, ничего не понял. Однако по тону почувствовал, что со стойками придется расстаться. На всякий случай он взмолился:

— Даврон Хамидович! Мы же эти стойки, как бога, ждали. Только теперь появилась, наконец, возможность наладить ритмичную работу. Почему я их должен отдать?

Управляющий ответил ровным, спокойным голосом:

— Так нужно государству, дорогой мой. Стойки отдай под мою личную ответственность. А еще, кроме того, отдашь металлические балки и арматуру...

— А план?! — вскричал Бахрамов.— План за меня, может, тоже эти ученые выполнят!

— Есть вещи поважнее твоего плана,— очень серьезно проговорил управляющий.— Словом, в течение ближайшего часа организуй вывозку материалов по адресу...

— Какую вывозку?— Бахрамов, несмотря на всю свою сдержанность, перебил управляющего.— Рабочий день давно кончился. Во всем СМУ — никого, кроме меня и сторожа. Правда, вот-вот должна вернуться бригада Азизова, но ребята сейчас вкалывают так, что к вечеру с ног валятся. Да и кран нужен,— Бахрамов находил все новые и новые причины.

— Погоди ты, не суетись,— досадливо остановил его управляющий.

Минут пять в трубке слышался неясный рокот, видимо, Даврон Хамидович переговаривался с кем-то, кто

...дился в его кабинете. Но вот прерванный диалог возобновился.

— Значит, так. Слушай внимательно. Бригаду Азизова задержи. На пятнадцать минут. Кстати, сколько у него человек?

— Восемнадцать.

— Хорошо. Сейчас к вам выезжает секретарь райкома. Хочет поговорить с тобой и монтажниками. Дело очень серьезное, Бахрамов.

— Буду ждать.

— Вот-вот, жди. А я тем временем наведаюсь в рабочее общежитие. Думаю, крановщики и водители откликнутся.

* * *

Бригадир Азизов был доволен сегодняшним днем. Если так дело пойдет и дальше, первое место к концу квартала будет за ними. А в том, что дела пойдут хорошо, сомневаться не приходилось. Получен, наконец-то, полный комплект металла и бетона. Теперь не будет ни перебоев со снабжением, ни долгих перекуров. Завтра же с утра надо выделить трех человек на погрузку-разгрузку — и работа закипит. Теперь можно подумать и о двойной норме.

За славой Азизов не гонялся, он просто любил порядок и ясность. Отчего бы не сделать больше, если есть такая возможность? Добродушный и покладистый в нерабочей обстановке, он совершенно преображался на объекте. Никому не прощал промахов, плохо сделанной работы. Мог быть крутым, настырным, придирчивым. Но несправедливым — никогда. Наверное, именно это и нравилось в нем людям. Бригада уважала Азизова и признавала за ним право решающего голоса.

Грузовая затормозила у крыльца стройуправления. Здесь рядом с УАЗиком Бахрамова стояла бежевая «Волга». Послышались шуточки:

— Смотрите, прислали транспорт, чтобы развезти нас по домам.

— А что, было бы неплохо!

— Ничего, я и на своих «Жигулях» допилю потихоньку.

Из здания вышли Бахрамов и незнакомый человек с улыбчивым лицом.

— Товарищи,— произнес незнакомец,— я новый сек-

ретарь райкома партии, поэтому, возможно, не все меня знают.. Понимаю, что вы устали и заслужили отдых.. К сожалению... Словом, есть серьезный разговор.

— Да вы нас не жалейте, товарищ секретарь,— громко произнес Азизов.— Говорите прямо. Мы ведь понимаем, что из-за пустяков не приехал бы в такой час.

— Может, поднимемся в кабинет?— предложил Бахрамов.

— Ничего, мы здесь,— секретарь, а за ним следом и остальные прошли к беседке в углу двора, где стояло несколько скамеек.

— Говорить прямо я не могу. Речь идет о государственной тайне,— продолжал секретарь.— Могу определенно сказать лишь одно — сегодняшней ночью необходимо построить некое инженерное сооружение в виде круглой стены. Время не ждет. Вы первые, к кому я обращаюсь с такой просьбой. Естественно, речь идет только о добровольцах...

Минуты три было очень тихо. Кто-то полез было за сигаретами, достал пачку, но так и не закурил.

— В подробности я вас посвящать не могу, не имею права,— еще раз повторил секретарь.— Но знайте, многим жителям нашего города угрожает опасность. Устранить ее в наших силах. Но необходим ударный, напряженный труд...— он вздохнул и замолчал.

Пауза затянулась. Лица у рабочих были каменными. Наконец Азизов встрепенулся:

— Ну что ж! Раз обратились к нам первым, это, как я понимаю, большое доверие. После работы я бригадой не командую, поэтому говорю сейчас только от своего имени. Стена так стена. Кое-что и потруднее строил. В общем, показывайте место для вашей стены.

— Погоди-ка!— рядом с Азизовым встал пожилой монтажник, поглаживая седеющие усики.— Я коммунист,— объяснил он секретарю,— да и опыт у меня — дай бог каждому.

— Один ты, что ли, коммунист?— вперед вышел широкоплечий ладный парень, в вырезе рубахи виднелась десантная тельняшка.— У нас в бригаде пять коммунистов. Раз такое дело...

— Э, почему такой разговор, слушай!— раздался чей-то звонкий задиристый голос.— Всегда работали вместе, почему сейчас делиться должны? Все поедем, так?

Теперь уже говорили все разом:

— Надо — значит надо!

— Только дайте нам часок. Семьям надо сообщить, чтобы не волновались.

— Нет, ребята. Лишнего часа у нас нет. Но не волнуйтесь. И семьям сообщим, и ужин горячий организуем, и вторую смену постараемся вам обеспечить...

Послышался визг тормозов. У ворот остановились две белые «Волги». Из них вышли свои, знакомые ребята — крановщики и шоферы. Следом показалась грузная фигура управляющего.

* * *

Шеф-повар ресторана «Весна» Хамракул-ата стоял у плиты и ворчал под нос по своей многолетней привычке:

— Пятнадцать лет работаю в этом ресторане... Нет, уважаемый, уже пятнадцать с половиной... Да, пятнадцать с половиной лет, и первый раз такой заказ получаю... Ресторан уже закрывать пора, а мне говорят: «Хамракул-ата, нужно накормить двести человек». Понимаешь что-нибудь, уважаемый? Людям спать пора, а этих двести человек надо кормить? Может быть, у них свадьба? К свадьбе заранее готовятся. Э, нет, уважаемый... Разве угощение на свадьбу возят в термосах? Мне говорят: приготовь что-нибудь на скорую руку. Разве шурпу или плов можно готовить на скорую руку? Да хотя бы и салат! Кухня спокойствия требует, выдержки и таланта. Э, да кто в этом разбирается! Пять человек таких всего и осталось на весь город, кто понимает толк в поварском искусстве. Ну, да ладно. Эти двести человек, не знаю кто они такие, останутся довольны сегодняшним ужином, хотя они выбрали для него странное время. Да, уважаемый... Хамракул-ата покажет, на что он способен.

* * *

Сурайя выбежала из подъезда и кратчайшим путем помчалась к дому, где жила Диляфруз. Уже давно стемнело. На улице приветливо светили фонари, но здесь, в глубине дворов, окаймленных высокими деревьями, лежала густая тень.

Внезапно прямо перед девушкой выросла бесформенная колыхающаяся масса. Сурайя вскрикнула, по

коже пробежал озноб, ноги подкосились. Прошло какое-то время, прежде чем девушка сообразила, что это сушится на веревке чей-то халат, а легкий ветерок играет полами.

Сурайя двинулась дальше, но мгновенно нахлынувший ужас не проходил. А что, если несколько частиц необыкновенного облака неведомыми путями попали в город, размышляла девушка. Что, если эти частицы вырвались на свободу и передвигаются сейчас в темноте, уничтожая все живое и разбухая, как на дрожжах? Она лихорадочно огляделась, разве заметишь что-нибудь в таком мраке! Дурочка она, нужно было идти по освещенной улице. Что из того, что так немного дальше. Дом Диляфруз был уже совсем рядом, но Сурайя стояла как вкопанная, не в силах сделать ни шагу.

А отец и мать сейчас веселятся. Что, если и ей поехать в гости? Это на другом конце города. Остаться ночевать можно у тетки. А с облаком пусть воюют другие. До утра что-нибудь прояснится. Будь что будет. Она не годится для этой борьбы.

Сурайя уже была готова повернуть к гаражу, когда с удивительной ясностью перед нею вновь ожили события сегодняшнего дня. Она вспомнила лица друзей, усталого майора, сержанта, обеспокоенного за детей. Какими глазами посмотрят на нее эти люди, если узнают, что она выпустила на волю джинна из бутылки, а сама позорно бежала? Всеобщее презрение — вот ее удел, если случится худшее... Нет, она этого не допустит.

Поколебавшись еще несколько минут, Сурайя побежала к дому Диляфруз и буквально влетела в квартиру.

Диляфруз и Хаснят пили чай, мирно беседуя. От неожиданности обе приподнялись из-за стола.

— Сурайя?!

— Что с тобой?

— Ой, девочки! Я, кажется, сделала большую глупость. Помогите...— Сбивчиво она рассказала подругам о случившемся.

Она еще не докончила свой рассказ, когда Диляфруз перебила ее:

— Выходит, масса вытекает из термоса?

— Да, не знаю, что делать...

— Идем к тебе! Нельзя терять ни минуты,— эти слова Диляфруз говорила уже на лестнице.

Сурайя попыталась повести подруг по освещенной

...же. Но Диляфруз направилась кратчайшим путем. Вот наконец распахнутая настежь дверь квартиры Диляфруз вошла первой и заглянула в ванную комнату.

— Ого! Посмотрите, как быстро оно растет!

Весь термос был как бы перевит потеками свинцовой массы, ее ручейки, как змеи, поднимались по стенкам ванны.

— Я думаю, надо срочно сообщить ученым,— твердо проговорила Хасият.

Сурайя, которая раньше поглядывала на эту «замухрышку» свысока, удивленно вскинула изящно очерченные брови. Кажется, впервые она начинала понимать, что эта застенчивая, уступчивая в мелочах девушка может проявить, когда это требуется, и твердость характера, и силу духа.

— Безусловно,— поддержала подругу Диляфруз.— Но на это может уйти слишком много времени. Надо попытаться нейтрализовать облако, чтобы оно не выползло из ванны. Сурайя, у вас есть большая кастрюля или бак?

— Я... я не знаю...

— А где можно посмотреть?

— На кухне. Или в чулане.

— Идем.

— Есть!— воскликнула Сурайя, заглянув в чулан.— Это годится?— она сняла с полки большой металлический бак для белья.

— Отлично. Теперь... нужны клещи и проволока.

— Зачем?

— Клещами возьмем термос и поставим его в бак. Затем накроем бак крышкой и накрепко перетянем проволокой. Выиграем, по крайней мере, полчаса. Есть у вас клещи?

— Наверное, есть... Мама никогда ничего не выкидывает... Но где их искать?..— Сурайя готова была расплакаться, беспомощно глядя в глубь чулана, битком набитого всевозможными ящиками, коробками, чемоданами.

— Ладно!— успокоила ее Диляфруз.— Мы тут с Хасият похозяйничаем, если ты разрешишь... А тебе, дорогая, надо скорее ехать на место происшествия. Сообщи, что появился еще один очаг опасности. Наверняка они что-нибудь уже придумали. Постарайся скорее, Сурайя.

— Хорошо,— и Сурайя поспешила в гараж.

* * *

Уверенность, которую Сурайя чувствовала в присутствии подруг, прошла, едва она оказалась в гараже, освещенном одной лампой. Лампа хотя и была яркой, но не высвечивала дальних углов помещения. Девушка никак не могла избавиться от ощущения, что вот-вот из темноты выплывет смертоносное облако.

И снова появилась предательская мысль — хорошо бы сейчас помчаться в другой конец города, к тетке, только бы подальше от кошмарного облака. С большим трудом она переборола себя и вывела машину из гаража. Через полминуты Сурайя уже катила по широкому, ярко освещенному проспекту. Вскоре она будет у цели. А там вся ответственность ляжет на плечи других людей, специалистов, и она избавится из гнетущего предчувствия. Сурайя почти не думала о том, что именно по ее вине возникла сложная ситуация.

Она свернула в тенистую боковую улочку, что выводила на окружное шоссе. А уж там — рукой подать до предгорий. По этой улочке Сурайя ездила сотни раз. Здесь ей был знаком каждый кустик. Улочка была небольшой, но широкой, однако из-за обилия высоченных, разросшихся деревьев свет от фонарей падал на асфальт лишь небольшими овальными пятнами.

Прохожих на тротуаре было мало, и окна домов светились не все. Появись здесь таинственное облако, его никто бы и не заметил, а оно методично множило бы свои жертвы...

Прямо перед собой Сурайя увидела черное пятно. Оно занимало всю правую сторону дороги и возвышалась над мостовой на полтора-два метра. И посреди этого уродливого пятна горели два ярко-красных глаза. Как загипнотизированная, смотрела Сурайя на пятно, к которому стремительно приближался ее автомобиль. Сейчас, сейчас и ее поглотит свинцовое вещество...

Вскрикнув, она нажала на тормоза. Те жалобно взвизгнули, но было поздно. Сильный удар, резкая боль, звон разбившегося стекла — и все это одновременно. В следующую секунду Сурайя потеряла сознание.

* * *

Шофер самосвала, чуть не плача, объяснял доктору, прибывшему со «Скорой помощью»:

— Да поймите, я ни в чем не виноват. Остановил машину, как положено, у обочины. Задние фонари горели. Забежал на минуту в магазин за сигаретами. Возвращаюсь, вдруг вижу — летит «Жигуленок» и, не снижая скорости,— бах! В мой задний скат! Меня-то и за рулем в это время не было.

— Все это вы объясните сотрудникам ГАИ,— устало отмахнулся от него доктор.— Подробности аварии меня мало интересуют.

Но шофер не отставал:

— Да я не для того, чтобы оправдаться. Моей вины тут нет, это любая экспертиза установит. Я насчет девушки волнуюсь. Молоденькая совсем. Неужели она это специально — врезалась в самосвал? Может, беда какая случилась, а, доктор?

Врач насмешливо посмотрел на него.

— Скорее всего не удосужилась выучиться вождению автомашины. К счастью, на этот раз все для нее обошлось благополучно. Несколько порезов и ушибов — это пустяк, до свадьбы заживет.

— Ну!— удивился и обрадовался шофер.— А что же она тогда такая... э-э... как неживая...

— Нервный шок, перешедший в глубокий сон. Через три-четыре часа она сможет самостоятельно отправиться домой.

— Да?— почесал шофер затылок.— Значит, вот какие люди садятся за руль? И заднее крыло мне помяла... Да за такие штуки права надо отнимать! Под суд отдавать!

* * *

Довольно быстро Диляфруз нашла старенький обшарпанный чемоданчик. Именно в таких «емкостях» обычно хранится набор домашних инструментов. Диляфруз хорошо об этом знала, потому что ее отец, работавший токарем на крупном машиностроительном заводе, имел подобный чемоданчик. И точно — внутри оказались большие проржавевшие насквозь клещи. Нашелся и моток провода, правда, в толстой изоляционной обмотке. Кухонным ножом Диляфруз сняла изоляцию.

Итак, подготовительные операции были закончены. Оставалось главное — поместить термос с серой массой в бак.

Пока Диляфруз [illegible] боролись с разбухающим веществом. [illegible] половником с длинной ручкой, она [illegible] серебристые потеки. Однако те, отброшенные на дно ванны, вновь и вновь устремлялись вверх.

Помогла Диляфруз. Вдвоем они принялись водворять свинцовое облако в металлический бак. Кое-как удалось справиться с этим.

Диляфруз посмотрела на часы.

— Что-то долго нет Сурайи. Как думаешь, не пора ли ей вернуться? Может быть, ей не поверили?

— Ну, что ты! Теперь к любой вести об облаке отнесутся со всей серьезностью.

— Тогда непонятно. Прошло уже двадцать минут.

— Они появятся с минуты на минуту. Вот увидишь.

Однако время шло, а Сурайи не было. Взволнованные подруги прислушивались к каждому звуку в подъезде.

— Ничего не понимаю!

— Смотри, крышка на баке шевелится. Сейчас оно опять вылезет...

— Ах, Сурайя!

— Ты думаешь...

— Нет-нет, она не подведет, я уверена.

Наконец на лестнице послышались тяжелые шаги, пронзительно зазвенел звонок.

— Что я говорила!— Диляфруз бросилась к входной двери.

На пороге стоял здоровенный парень в резиновых сапогах. Вид у него был хмурый, однако, увидев Диляфруз и Хасият, он приободрился и широко улыбнулся.

— Вот не ожидал увидеть здесь таких красавиц! Тем лучше! Работать будет веселее! Показывайте, где у вас авария.

— Проходите, пожалуйста,— Диляфруз отступила в сторону.— Вы из Академии наук?

Парень расхохотался:

— Это уж точно! Иногда приходится и академикам чинить водопровод. Смешно, правда? Академики, а не соображают, как устранить течь.

— Погодите,— остановила его Диляфруз.— Кто вы такой?

— Профессор водопроводных дел,— галантно расшаркался тот.

Диляфруз и Хасият недоуменно переглянулись.

— Вы уверены, что не ошиблись адресом?

— Ха! Была охота ошибаться адресом в одиннадцатом часу вечера! За кого вы меня принимаете?— Он достал из кармана бумажку.— Вот вызов. Дом... квартира... фамилия потерпевшего...

Хасият тронула Диляфруз за локоть и прошептала:

— Это, наверное, Сурайя вызывала. Ведь кран в ванной разорван...

— Все равно сейчас ничего сделать нельзя,— так же шепотом ответила Диляфруз.

— Э! О чем вы там совещаетесь?— спросил парень.— Ответьте толком, в порядке у вас водопровод или нет?

— А что если...— Хасият взглянула на подругу.

Та поняла ее без слов.

— Товарищ водопроводчик!— обратилась она к парню.

— Ха! Товарищ водопроводчик!— осклабился тот.— Меня зовут Тахир. Нетрудно запомнить? Тахир. Вам нравится это имя?— Несмотря ни на что, он был не прочь поболтать.

— Тахир, вам можно доверять?— спросила Диляфруз.

Парень хотел было сказать нечто шутливое, но вид девушек заставил его насторожиться.

— Вы хотите сказать, что произошла какая-то штука?

— Загляните, пожалуйста, в ванную.

Тот протопал по дорожкам прямо в сапогах, открыл дверь в ванную и присвистнул.

— Ого! Клянусь бородой любимого козла моего дедушки, эти трубы разорвались от льда. Лед в середине лета! И где? В обыкновенной водопроводной трубе! С ума сойти.

Диляфруз тронула водопроводчика за плечо.

— Тахир, то, что трубы лопнули ото льда в одной квартире — полбеды. Если вы нам сейчас не поможете, могут произойти вещи более удивительные, и что хуже всего — более страшные.

Водопроводчик почесал затылок.

— Да, на нашей работе не соскучишься. Как нарочно, попадаются разные чудики. Вот однажды приезжаю по вызову... Звоню — никто не открывает. А вода, слышу, из ванной так и хлещет...

— Ладно, Тахир,— мягко перебила его Диляфруз.—

Потом расскажете. А сейчас надо торопиться. Дорога каждая минута.

— Хорошо,— смутился тот.— А делать-то что надо?

— У вас есть машина?

— А как же —«аварийка»! У подъезда дожидается.

— Отлично! Идемте!

— Куда?

— Надо выехать за город. К предгорьям.

— Я-то что... Я могу. Только Рустам вряд ли согласится.

— Кто такой Рустам?

— Как кто? Водитель «аварийки», мой напарник.

— Идемте к вашему Рустаму.

Тахир безропотно последовал за Диляфруз. На лестничной площадке девушка остановилась и круто обернулась.

— Тахир, нет ли в вашей «аварийке» бочки?

— Есть, как не быть!

— Металлическая?

— Конечно.

— Придется затащить ее сюда.

— Затащить — дело нехитрое. Только Рустам вряд ли согласится.

— А мы его вместе уговорим — согласны?

Тахир с сомнением покрутил головой, потом, глядя на Диляфруз, выдохнул:

— Попробуем.

— Хасият, а тебе придется остаться. Следи за баком. Сейчас мы поставим его в бочку. Ну, а если что — зови на помощь соседей.— Она ободряюще улыбнулась.— Не волнуйся. Я скоро вернусь.

* * *

Из всей пятерки Абдулле и Сабиру повезло больше других. Они оказались на месте происшествия в тот момент, когда здесь требовались сильные молодые руки, и потому получили возможность участвовать в последующих работах. Правда, после прибытия многочисленной группы сотрудников Института охраны окружающей среды их хотели было отправить по домам, но Абдулла и Сабир быстро доказали свое право на участие в эксперименте. Разве не они первыми обнаружили облако? Разве не они сообщили о нем? И, наконец, неужели они лишние, когда не хватает рабочей силы?

Руководитель работ включил друзей в исследовательские группы. Так что все последующие события разворачивались на их глазах. Сабиру было поручено помогать химикам — подавать пробирки, реактивы, включать по сигналу контакты, следить за показаниями приборов. К своим обязанностям юноша относился со всей серьезностью. Черты его лица сделались еще строже. Пристальный взгляд словно говорил: как знать, может, именно мне суждено найти ту заковырку, которая и выведет к разгадке тайны свинцового облака. Глядя на Сабира, никто и представить бы не мог, что одновременно он думает о Сурайе.

Его чувства к капризной красавице на самом деле были гораздо глубже, чем могло показаться со стороны. В сегодняшнем неблаговидном поведении Сурайи он усматривал собственные изъяны. Он был глубоко убежден, что в душе Сурайи немало хорошего, что она умеет быть искренней и бескорыстной. Но вместо того, чтобы поощрять в ней хорошие качества, он лишь бездумно преклонялся перед ее красотой, а когда она жаловалась на непонимание со стороны окружающих, обвинял других в зависти. Внешне она принимала его объяснения и даже улыбалась. А внутренне? Отчего между ними с каждым месяцем все выше поднимается какая-то стена?..

Абдулла попал в группу, которая занялась исследованием пути странного облака. Кошмарные видения продолжали преследовать его. Правда, в отличие от Сурайи его страшила судьба города, местности, а подчас и всей планеты. Однако чем оживленнее становилось вокруг облака, чем деловитее и напряженнее кипела работа, тем меньше страхов оставалось у него. Быть не может, чтобы столько умных, толковых людей, имеющих в своем распоряжении средства целого государства, не справились бы в конце концов с таинственным агрессором. Пусть даже и неземного происхождения. Постепенно к юноше возвращалось обычное веселое расположение духа.

Кое-что их группе все же удалось обнаружить. В двух шагах от того места, где Абдулла закончил ранее свой поиск, лежала замерзшая крупная ворона. И все. Именно отсюда и начинался путь загадочного облака.

Ученые поместили ворону в металлическую емкость и сгрудились вокруг. Судя по всему, находка очень их заинтересовала, хотя Абдулла и не придавал ей осо-

го значения. Подумаешь, ворона! Одна из жертв облака... Но, прислушиваясь к разговору ученых, он понял, что ошибался.

— Товарищи, необходимо еще раз и более внимательно осмотреть «след»— нет ли в его районе других замороженных птиц.

— Вы хотите сказать...

— Вот именно. Не исключено, что облако умеет летать. Или, во всяком случае, высоко подниматься над землей. Тогда наши усилия по его нейтрализации осложняются.

— А может быть, все проще? Ворона сама неосторожно приблизилась к облаку.

— А вам не кажется странным, что труп найден именно в начале «следа»?

— Во всяком случае, именно здесь облако приземлилось.

— А если... вынырнуло из-под земли?

— Может — скакнуло? Именно за вороной? Давайте посмотрим, что делается дальше.

Участники группы разбрелись по полю, внимательно вглядываясь в каждый кустик. Однако ничего нового обнаружить не удалось.

Тем временем события разворачивались стремительно. Едва начало темнеть, к «горячей» точке подъехало несколько темно-зеленых грузовиков с прожекторными установками. Расположившись полукольцом вокруг облака, они ярко осветили площадку, где кипела работа.

Люди, техника и оборудование прибывали ежеминутно. Тяжелый трайлер доставил три экскаватора «Беларусь», которые тут же принялись грызть землю вокруг облака. Чуть в стороне уже выгружали бетонные стойки и арматуру. Подъезжали самосвалы с жидким бетоном. Вот поднялась вертикально первая стойка, за ней вторая, третья... Один из инженеров пояснял монтажникам, каким образом крепить к стойкам арматуру.

Время летело удивительно быстро. Вот к облаку подъехало несколько крытых грузовиков с наглухо закрытыми тентами. Из них выгрузили блестящие металлические ящики, необычной формы ножи и совки для «разделки» облака...

Сабир подошел к Абдулле.

— Тебе не кажется, что это Диляфруз?

— Где?

— Вон там, на шоссе, возле поста.

— Послушай, верно. И она, кажется, машет нам. Кемли, который уже час?
— Половина двенадцатого.
— Эге! Похоже, она приехала не для того, чтобы полюбопытствовать, как дела.

Они отправились к шоссе.

— Где Сурайя?— еще издали спросила Диляфруз.
— Тебе это лучше знать,— ответил Абдулла.

Сабир побледнел.

— Что случилось?

Тут и Диляфруз растерялась.

— Сурайя выехала сюда больше часа назад...
— Но ее здесь не было, говорю тебе!
— Ох! Этого еще не хватало... Ребята, позовите кого-нибудь из руководителей. У меня важное сообщение, а этот чересчур исполнительный товарищ не пускает,— она кивнула на милиционера, стоявшего у обочины, с каменным выражением лица.
— Хорошо! Для тебя — хоть звезду с неба,— и Абдулла убежал.
— Ты уверена, что Сурайя поехала именно сюда?— продолжал допытываться Сабир.
— Абсолютно.
— А может, она передумала?
— Нет-нет, Сабир. В ее квартире кусок облака.

Сабир схватился за голову.

— О, черт! Это я во всем виноват. И почему я тогда не расспросил, что она собирается делать!— Он потер рукою лоб, что-то бормоча про себя.
— Погоди, Сабир. Я тоже волнуюсь не меньше твоего. Сейчас я сообщу об опасности, а затем мы попробуем найти Сураю.

• • •

Тяжелый грузовик, ведомый милицейской «Волгой» с включенной сиреной, мчался по проспекту.

Почти все окна в домах были уже темны, на крышах и фасадах гасла реклама, и только уличные фонари терпеливо несли свою вахту. Город спал, не подозревая о той напряженной борьбе, которая велась в его окрестностях.

Вот и дом Сурайи. Автомобили остановились. Улицы были абсолютно пустынны. Из крытого кузова грузовика с надписью «Испытательная лаборатория»

выбрались Диляфруз, Сабир, Абдулла и несколько сотрудников института. Руководитель группы — Пулат Юнусович — приехал на «Волге». Вот он вместе с милицейским капитаном подошел к прибывшим и первым делом обратился к студентам:

— Для вас есть новости.

Три пары глаз устремились на него.

— Только что мы с товарищем Авазовым,— он кивнул на капитана,— связались по радиотелефону со «Скорой помощью»...

Послышался вздох. Сабир стоял ни жив ни мертв.

— Успокойтесь,— мягко проговорил ученый.— Ваша подруга вне опасности, хотя и попала в автомобильную аварию. У нее нервный шок, перешедший в сон. Через три часа ее доставят домой.

— Где она сейчас?— у всегда выдержанного Сабира тряслись руки.

— В центральной клинике.

— Я должен идти туда.

Диляфруз и Абдулла одновременно умоляюще взглянули на Пулата Юнусовича.

— Ну что ж, понимаю,— кивнул тот.— Но ведь у нее глубокий сон.

— Как же вы не понимаете?— горячо воскликнул Сабир.— Я должен быть там.

— Ты прав, дружище!— похлопал его по плечу Абдулла.— Жми в клинику и не падай духом. Мысленно мы с тобой.

— Да, конечно же, вы правы... Логика здесь ни при чем...— тихо проговорил Пулат Юнусович и круто повернулся к Авазову.— Товарищ капитан, пока мы здесь будем работать, подкиньте парня к клинике.

Затем вся группа поднялась на второй этаж. Дверь открыла Хасият.

— Наконец-то!

— Что, плохо дело?— спросил Пулат Юнусович.

Девушка вытерла тыльной стороной руки пот со лба и улыбнулась.

— Ничего, терпимо. Облако все время так и лезло из бочки. А я возвращала его обратно. Пойдемте скорее, оно такое живучее!

Люди поспешили за Хасият.

Из бочки, что стояла в ванной, выползали струйки, гибкие и подвижные, как змеи.

— Поразительная приспособляемость!— пробормотал Пулат Юнусович.

Студентам он велел оставаться в коридоре, а сам вместе с сотрудниками внес в ванную серебряный ящик. Ученые действовали со сноровкой, приобретенной в нелегкие вечерние часы. Они не стали заталкивать серые жгуты в бочку, а наоборот — вытягивали специальными щипцами, обрезали и бросали кусок за куском в ящик. Затем, когда остатки вещества перестали вести себя агрессивно, содержимое бочки вместе с баком попросту вывалили в ящик и тут же герметически закрыли его крышку. Ящик вынесли из подъезда и поставили в грузовик.

— Вот и все,— заключил Пулат Юнусович,— изолирован последний клочок необычайного облака. Огромное спасибо вам, ребята, за помощь.— Он чуть помедлил.— Видимо, ученые еще не раз будут тревожить вас.— Его широкое лицо расплылось в улыбке.— Так что отдыхайте, набирайтесь сил для новых бесед.

— Скажите,— робко обратилась к нему Диляфруз,— удалось узнать хоть что-то? Это не космический пришелец?

— Где вы учитесь?— спросил у девушки ученый, прищурив глаза.

— Я — на биофаке. Хасият тоже. Ребята — в других вузах.

— О! Значит, мы кое-с кем из вас коллеги? Очень приятно.— Пулат Юнусович решительно тряхнул головой.— Ну, что ж! Думаю, вы имеете право знать о некоторых результатах наших исследований.

Студенты замерли в ожидании.

— Вот вы — будущий биолог,— продолжал Пулат Юнусович, обращаясь к Диляфруз.— Чем, на ваш взгляд, отличаются живые организмы от неживых объектов?

Диляфруз слегка улыбнулась.

— Профессор, тут дело не в моем или в чьем-то еще взгляде... Этот вопрос давно решен наукой.

— Ну-ну?

— Живые организмы отличаются от неживых объектов обменом веществ, раздражимостью, способностью к размножению, росту, развитию, к различным формам движения, приспособляемостью к среде,— четко, как на экзамене, ответила Диляфруз и тут же добавила:—

Могу назвать еще несколько отличий. Но какая тут связь?

— Сейчас узнаете. Но сначала еще один вопрос, хотя по личному опыту знаю, что студенты его и не любят. Что вам известно о возникновении жизни на земле и о причинах этого явления?

— Трудный вопрос, профессор... Примерно три с половиной миллиарда лет назад, в начале архейской эры, а может, и чуть раньше, на нашей планете в результате определенных условий из неживой материи развивалась живая клетка... В ходе длительной эволюции возникло все многообразие живых форм...— Диляфруз смущенно умолкла.

Однако Пулат Юнусович сказал, как бы не замечая ее смущения:

— Но каковы эти самые конкретные условия, наука не знает пока, верно?— спросил он.

— Да...

— Друзья мои!— вдохновенно заговорил ученый.— Представьте только себе нашу планету три с половиной миллиарда лет назад. Вся ее поверхность покрыта толстым слоем воды, и только кое-где поднимаются кверху каменистые острова, увенчанные огнедышащими вулканами. Небо над ними покрыто черными тучами. То тут, то там вспыхивает зарево. Это или ударила молния, или извергается вулкан. Каменистые острова то и дело вздрагивают — их сотрясают жесточайшие землетрясения. На планету, где еще слаба воздушная оболочка, льет поток смертоносных ультрафиолетовых лучей Солнца. И вот в результате редчайшего стечения обстоятельств, совпадения множества факторов происходит чудо — в воде, в глуби или у поверхности, протекает некая реакция, в результате которой происходит великий перелом космического масштаба — из неживой материи возникают клетки, имеющие все признаки живой материи. Достаточно одного удара молнии или несильного извержения вулкана, чтобы уничтожить новорожденных. Но нет! Их жизнестойкость поразительна. Изо дня в день, из года в год отвоевывают они для себя место под солнцем для того, чтобы через три с половиной миллиарда лет на земле мог появиться Гомо сапиенс...

— Вы хотите сказать...— Диляфруз начала догадываться о ходе мыслей профессора.

— Да, дети мои!— воскликнул тот!— То, что случилось однажды, произошло и вторично — в наши дни.

— Но как?!

— Точно мы этого еще не знаем, можем только предполагать. Представьте себе территорию крупного научно-исследовательского института. Предположите также, что здесь, ну... не всегда добросовестно следят за тем, куда поступают отходы производства. Где-нибудь в углу двора стоит большой металлический ящик для мусора. И вот постепенно здесь скапливаются разбитые пробирки с остатками кислот и щелочей, овощные очистки и пищевые отходы из институтской столовой... словом, чего туда только не бросали! Не исключено, что сюда попадали — хотя бы и в ничтожном количестве — радиоактивные элементы. Были там, судя по всему, и кусочки ферромагнитных металлов... Крышка мусорного ящика была открыта. Однажды разразилась гроза, пошел сильный дождь... Различные вещества, находящиеся в ящике, начали вступать в реакцию. Катализаторы ускоряли ее ход. Возможно, были и другие обстоятельства, как-то повлиявшие на ход реакции. Вероятно, через ящик прошла шаровая молния. Детали мы уже не узнаем...

Студенты стояли, не шелохнувшись.

— Но факт остается фактом: на свет появились первые клетки нового вещества, имеющего признаки живой материи...

Пулат Юнусович сделал паузу.

— Вы вправе спросить, почему о подобном никто не слышал раньше? Ведь аналогичных мусорных ящиков на Земле — тысячи, миллионы! Дело в том, что свершившееся стало возможно благодаря совпадению целого ряда редчайших факторов. Выпала почти невероятная комбинация — может быть, один вариант из миллиарда миллиардов... Но так или иначе, на Земле вторично произошло чудо: из неживой материи вновь возникла живая клетка.

— Но... мы же видели целое облако! Какая же это клетка?— вмешался Абдулла.— Уж этому облаку не потребовалось бы три с половиной миллиарда лет, чтобы завоевать себе сушу.

— Да,— поддержала Диляфруз.— Ведь клетке еще мало было родиться, надо было выжить.

— Верно,— согласился Пулат Юнусович.— Но и в дальнейшем произошел ряд благоприятных для нее

совпадений. Содержимое ящика попросту могли облить соляркой и сжечь. Новая клетка моментально погибла бы. Но этого не произошло. И вскоре в ящике уже существовал комочек удивительного вещества — пока такой крохотный, что его нельзя было разглядеть и через увеличительное стекло. Затем вмешался господин случай... Правильнее сказать, еще один благоприятный случай.

— Ворона? — спросил Абдулла.

— Да, друзья мои. Ворона. Когда комочек несколько подрос и сделался похожим на упитанного червячка, он попался на глаза вороне, которая прилетела к ящику, чтобы чем-нибудь поживиться. Птица проглотила голубоватый комочек, несколько удивившись его вкусу, затем вволю наклевалась других отбросов. Трудно представить более благоприятную и безопасную среду для жизнедеятельности «новорожденного», чем желудок птицы. Здесь-то и началось стремительное развитие вещества. Здесь же, видимо, оно претерпело ряд мутационных изменений, приобрело новые качества и, естественно, все увеличивалось в размерах.

— И однажды...

— Вороний желудок стал ему тесен. Необходимо было сменить среду. К тому времени ворона уже чувствовала боль, ее желудок раздулся, она не могла нормально питаться. Более того — у вороны появилась неодолимая тяга к химикатам. Временами она садилась на территории домостроительного комбината и глотала крупицы цемента, извести, краски. Иной раз неведомая сила тянула ее к химическому заводу. Ворона садилась на высокую трубу и глотала ядовитые отходы. И вот однажды внимание вороны привлекла какая-то белесая куча на краю хлопкового поля. Это была селитра, которую только что привезли сюда для подкормки растений. Ворона так и набросилась на удобрение.

— И это было последней каплей, — полуутвердительно произнесла Диляфруз.

— Да. Едва ворона взлетела, как вещество вырвалось наружу.

— Но почему ворона оказалась замороженной?

— «Замороженная» — это условный термин. Дело не в морозе, — задумчиво ответил Пулат Юнусович. — Вещество выработало способность каким-то образом сковывать мышцы живых существ... Видимо, это своеобразный вид паралича... Это явление, признаться, мы еще не

изучили. Будущие исследования помогут установить, в чем тут дело.

— А для чего облако парализует тех, кто оказывается на пути?

— Цель одна — беспрепятственно пополнять запасы энергии.

— Значит, его нужно уничтожить!— воскликнул Абдулла.

Диляфруз в задумчивости покачала головой:

— Но ведь это жизнь... Новая форма жизни...

Пулат Юнусович понимающе улыбнулся девушке.

— Принято решение о строительстве в горной местности научно-исследовательской лаборатории. Туда вывезем ящики с комочками облака. Пока сложим их в пещере, установив несколько защитных стенок. Понятное дело, параллельно будем экспериментировать.

— А вдруг облако опять вырвется из-под контроля?— с тревогой спросил Абдулла.

— Не думаю,—быстро ответил ученый.— Мы уже достаточно много знаем о нем, причем объем знаний будет возрастать с каждым днем. А это, как вы сами понимаете, позволит эффективно влиять на «поступки» облака. Как знать, может быть, оно еще станет нашим союзником?

— Союзником? Облако?

— Ну да. Вы ведь заметили, что вещества и материалы, подвергшиеся влиянию облака, становятся хрупкими? Значит, можно облегчить процесс строительства шахт, тоннелей, рубки просеки, демонтажа старых сооружений, да мало ли чего!

— И в самом деле... Я как-то об этом не подумал...

— Это потому, что ты всегда торопишься,— насмешливо произнесла Хасият.

— Если бы мы не поторопились с сообщением об облаке, нам бы не пришлось оценивать его сейчас в качестве союзника,— парировал Абдулла.

— А... что если на Земле возникнет еще одна форма жизни?— тихо спросила Диляфруз.

Пулат Юнусович вздохнул и надолго задумался. Затем произнес:

— Да, дети мои... Люди, к сожалению, слишком беспечны. Подумать только, ежегодно в атмосферу выбрасываются миллионы тонн золы, пыли, сажи...— Он махнул рукой.— А выхлопные газы автомобилей? В их составе 170 вредных соединений! А нефтяные пятна у

побережий? А смог, висящий над городами? Американский метеоролог Баттан весьма точно подметил: «Одно из двух — либо люди сделают так, что в воздухе уменьшится содержание дыма, либо дым сделает так, что на земле станет меньше людей».

— А это означает...

— Что на Земле еще очень много мест, где вероятно совпадение ряда факторов, способных привести к появлению новой разновидности активно функционирующего вещества.

— И... рожденное в агрессивной среде, оно, чтобы выжить, само должно быть агрессивным?

— И, возможно, его не заметят так быстро...

— И это может произойти каждую минуту...

— Что же делать?

Студенты стояли притихшие, потрясенные.

Пулат Юнусович уже шел к машине. Внезапно он остановился и обернулся к друзьям. Глаза его сверкнули молодым огнем.

— Вы спрашиваете, что делать? Бороться! Бороться за чистоту воды в морях и реках, за чистый воздух в городах, за чистое небо над головами! Да, бороться, коллеги...

И, несмотря на полноту, он ловко взобрался в кузов, где его уже ждали сотрудники.

Валерий Нечипоренко

АВАРИЯ

Рассказ

Домашние получат страховку, друзья пропустят по рюмочке за упокой его души, а он будет жив. И проживет еще долго, пока не кончится питание — эти опостылевшие тюбики с пастой.

Ферт выпучил глаза, вцепился пальцами в подлокотники кресла и завыл громко, протяжно, размазывая по щекам слезы и звучно шмыгая носом. Приступы глубочайшей жалости к себе, животного страха продолжали повторяться, хотя были уже не такими острыми, как в первый раз. И проходили они быстрее, оставляя после себя полнейшую апатию ко всему на свете. После таких приступов он с равнодушием вспоминал свои недавние мечты о будущем, о славе, об успехе. И ведь все еще недавно было рядом.

Месяц назад его корабль «Мотылек», участвующий в новом эксперименте по высадке на Луну, при торможении промахнулся мимо расчетной точки, ушел из зоны притяжения Селены и по сей день продолжал мчаться в открытом космосе со скоростью десять километров в секунду. Позже Ферт выяснил причину аварии, но это было слабым утешением.

У Ферта не оставалось даже надежды. Более быстроходных аппаратов, чем его «Мотылек», на Земле еще не придумали, выходит, ему в любом случае — крышка.

Тюбиков было еще предостаточно. Двухлетний запас. Но стоит ли их экономить, все чаще размышлял Ферт. Не лучше ли произвести несколько несложных операций, а затем... одно нажатие кнопки — и салон мгновенно разгерметизируется. Он даже не успеет почувствовать это...

Ферт бросил рассеянный взгляд на экран и увидел яркий голубой шар, который висел рядом с кораблем. Тут до Ферта дошло, что если движется его «Мотылек»,

значит, двигаться должен и шар. Причем точно с такой же скоростью.

Оптический обман? Неизвестное явление природы?

Горячая волна пробежала по нервам Ферта, пробрав его до кончиков пальцев.

Голубой шар поблек и вытянулся, приобретая форму сплюснутого яйца, которое как бы осветилось изнутри. Там, в белых ниспадающих одеждах, стоял странный человек. Его безволосая голова напоминала грушу, перевернутую черенком вниз. Рот, уши, нос были маленькие, игрушечные, а глаза — большие и вытянутые по горизонтали.

Незнакомец высвободил из одежд руку — маленькую, без ногтей и складок кожи — и сделал плавный жест. Яйцо дрогнуло и, свободно пройдя сквозь обшивку корабля, очутилось в салоне рядом с Фертом. Человек заговорил, не раскрывая маленького рта.

— Успокойтесь! Все будет хорошо. Я устранил все неисправности в вашем корабле и переориентировал его. Сейчас вы движетесь к планете, именуемой вами «Земля».

— Переориентировали?— вот все, что мог пролепетать Ферт.

— Взгляните сами,— незнакомец мягким жестом указал на экран, по которому плыл далекий, бесконечно родной диск, окруженный голубоватым сиянием.— В чем вы еще нуждаетесь?

— Я? Постойте... Все так неожиданно... Кто вы?

— Тот, кем станете вы через несколько тысяч лет.

— А... почему о вас не знают на Земле?

— Рано. Мы не вступаем в контакт с цивилизациями, находящимися на первой стадии развития, то есть, не овладевшими скоростью в 0,99 С. Собственно, у меня и сейчас нет права показываться вам... Но я случайно оказался поблизости, уловил ваши эмоции и... не смог...— казалось, он был смущен.— У вас есть еще просьбы? Если нет — прощайте!

Ферту вдруг живо представился обратный путь — путь к Земле: месяц полета, ожидание, страх. А если опять промашка?! Целый месяц страха.

— Погодите...— пробормотал он.— Мои нервы никуда не годятся... Я не выдержу...

Инопланетянин задумался.

— Пожалуй, вы правы...

— Так помогите. Ведь вы всемогущи.

— В данном случае, к несчастью для вас... Видите ли, мы так далеко ушли в развитии, что я, например, не могу безошибочно судить о возможностях вашего организма. Самый простой выход: нуль-транспортировка, но это рискованно — для вас.— Он надолго задумался и, наконец, произнес с оживлением:— Пожалуй, это подойдет.— Затем вытянул вперед ладонь, на которой лежал предмет, напоминающий часы с браслетом:— Наденьте на руку.

— Что это?

— РОНО — один из первых деформаторов времени. Я придал ему форму, наиболее удобную для вас.

Ферт внимательно посмотрел на подарок: плоский циферблат, деления, два рычажка.

— Объяснять принцип работы РОНО не имеет смысла. Действие же его заключается в том, что аппарат убыстряет или замедляет ход времени в тех точках пространства, которые занимает ваш организм.

Итак, вам необходимо повернуть правый рычажок так, чтобы стрелка стала на цифре шесть. Тем самым вы окажетесь в сильно разреженном временном поле. Иными словами, по часам корабля пройдет тридцать земных суток, которые вы ощутите, как пятнадцать минут. Устанавливать стрелку на большее число делений не имеет смысла — можете зазеваться и промахнуться мимо планеты. Затем верните стрелку в нормальное положение, и время потечет для вас опять по-прежнему. И еще одно непременное условие — при вхождении в атмосферу Земли вам надлежит уничтожить РОНО. Бросьте его в выхлопную камеру. Обещаете?

— Клянусь!

— Этого достаточно.

— А левый рычажок?— поинтересовался Ферт.

— Его не трогайте совсем. Он для обратного эффекта.

— То есть?

— Для сильного сжатия, уплотнения времени. Доля секунды пройдет для окружающих и день, год, десятилетие для вас — в зависимости от величины установки.

— А зачем это нужно?— удивился Ферт.

Инопланетянин усмехнулся, однако без тени снисходительности.

— Поначалу мы искали возможность для более де-

тального изучения некоторых быстротекущих процессов, проходящих во Вселенной. Но вышло так, что это изобретение коренным образом изменило весь уклад нашей общественной жизни.

— Вот эта штука?— Ферт посмотрел на прибор, который приятно холодил запястье.

— Не совсем эта. Более усовершенствованная... Хотя, собственно говоря, все началось с РОНО,— инопланетянин вдруг заговорил живо, эмоционально, словно оседлал любимого конька:— Вам, вероятно, уже известно, что с поступательным развитием цивилизации растет численность населения и рано или поздно перед обществом со всей остротой встает дилемма: либо жестко контролировать рождаемость, либо начать Великое переселение на другие миры. Первое — суть ущемление человеческих желаний, что может повлечь за собой нежелательные эксцессы. Переселение тоже не лучший выход, ибо переселенцы даже в десятом поколении чувствуют свое кровное родство с планетой-матерью и испытывают к ней неодолимое влечение. Значит, и здесь не исключаются определенные запреты, а это опять-таки ущемляет права личности, служит почвой для неразрешимых конфликтов, нервных вспышек и потрясений. Вам еще не приходилось сталкиваться с этой проблемой?

— Кое-где у нас пытаются ограничить рождаемость,— признался Ферт.— Но мы и сами осознаем, что это необходимо.

— Это необходимо только потому, что вы не знаете ничего другого.

— А вы знаете?

Инопланетянин снова улыбнулся.

— Когда мы научились растягивать и сжимать время, это перестало быть проблемой.

— Но какая тут связь?

— Самая прямая. Предположим, вы живете на далекой планете, необходимы ей, являетесь хорошим специалистом. Но в то же время вы испытываете острое желание пожить на родине, планете-матери. Не просто посетить ее, а пожить на ней неопределенно долгое время, почувствовать себя коренным планетянином, пообщаться с интересными людьми. Это чувство вас гнетет, выбивает из колеи, не дает спокойно спать. Как же разрешить противоречие?

— Как?— повторил Ферт.

— По экспресс-каналу вы прибываете на родину. Время для вас — в строго обговоренный заранее момент — растягивают. И вот вы живете на желанной планете любой мыслимый отрезок времени — неделю, год, два, десять — пока вам не надоест, между тем как по независимым часам проходит всего лишь ничтожная доля секунды. По вашему желанию в своем временном поле вы можете встречаться с друзьями, родственниками, а также со знаменитыми учеными, писателями, артистами, если, естественно, те согласятся на такую встречу. Вы можете выбрать для жительства любой дом любого города — ведь речь идет фактически об одном мгновении пребывания в нем. Вы можете собрать в своей квартире коллекцию самых известных картин из всех музеев Вселенной и любоваться ею в обществе близких вам людей... Естественно, все это по предварительной договоренности. А затем, отдохнувший, набравшийся сил, воодушевленный, вновь возвращаетесь домой, где за время вашего отсутствия прошла... ну, скажем, миллионная доля секунды. Таким образом, с одной стороны — удовлетворены ваши желания, с другой — общество не потеряло полноценного специалиста. Но такой способ разрядки мы применяли лишь на заре овладения временем.

— А... что же у вас сейчас?— спросил ошеломленный Ферт.

— Сейчас... Попросту говоря, дело обстоит так: каждый член общества имеет в своем распоряжении всю Вселенную со всеми ее богатствами. Каждый человек активно служит обществу, имея в то же время все возможности для раскрытия своего «я», для бесконечного совершенствования...— Тут он словно спохватился.— Однако пора прощаться. Помните главное: достигнув атмосферы Земли, вы должны ликвидировать РОНО.

— Клянусь!— горячо воскликнул Ферт.

Яйцо вспыхнуло, приняло форму шара, выплыло из корабля и мгновенно исчезло.

Ферт потер кулаками глаза. Полно, не почудилось ли все это его измученному сознанию!? Но РОНО по-прежнему холодило запястье, а на видеоэкране четко вырисовывались два шара: побольше — Земля и поменьше — Луна.

Дрожа от волнения, Ферт установил стрелку прибора на отметку «6». Он не ощутил абсолютно ничего и уже подумал, что инопланетянин обидно под-

шутил над ним, когда заметил, что земной шар растет прямо на глазах.

И тогда он заорал, как дикарь. Он хохотал, и дурачился, и горланил какую-то бессмысленную песню — он выжил! Он вернулся! Он победил!!!

Эмоционального подъема хватило бы на целые сутки, и Ферт едва успел спохватиться, чтобы вовремя отключить РОНО.

Земной шар занимал весь экран. Не доверяя больше автоматике, Ферт включил ручное управление и вывел корабль на околоземную орбиту. В наушники ворвался царапающий шорох. Заработала связь.

— «Мотылек»! — услышал он прерывистый голос диспетчера.— С возвращением, старина! Как же это ты!? — связистам категорически запрещалось пользоваться нестандартными фразами, но в том, что сейчас правило оказалось нарушенным, никто, наверное, не видел большой вины.

Диспетчер попросил сделать еще один виток вокруг Земли, чтобы выкроить время для подготовки космодрома.

«Что творится сейчас на базе!» — подумал Ферт, блаженно улыбаясь. Да что там на базе! Что творится на всей Земле! Прерваны передачи радио- и телекомпаний, на всех языках звучит сенсационная новость о его необыкновенном возвращении.

У Ферта сладко кружилась голова. Руки дрожали, он даже испугался, что не справится в таком состоянии с управлением.

«Мотылек» вошел в плотные слои атмосферы. Обшивка раскалилась. Самый момент, чтобы выполнить данное слово, уничтожить РОНО.

Ферт посмотрел на прибор. Уничтожить РОНО? Единственное доказательство его контакта с инопланетянином? Ну уж нет, он не так наивен. РОНО необходимо сохранить. А обещание... не оскудеет же далекая могучая цивилизация, если единственный экземпляр РОНО окажется на Земле...

«Мотылек» плавно шел к поверхности.

Ферт принялся внимательно разглядывать прибор, это средство, которое приведет его к славе. А ведь ловко он выманил РОНО у могущественного инопланетянина. Обвел того вокруг пальца, хо-хо! Уничтожить РОНО! Нашли дурака! Да с этой штуковиной... Он докажет всем! Например, можно показать комиссии, а по-

том и телезрителям какие угодно фокусы. Теперь любой маг перед ним — просто мальчишка. Черт возьми! Теперь он возьмет свое за годы сухой, полной воздержания жизни!

Связь снова ожила.

— Ферт, старина! Пройдена первая контрольная точка. Сообщаю поправочные коэффициенты...

Полчаса до посадки. Полчаса до начала его триумфального шествия по планете. Ферт ликовал. Он попытался представить, как вытянутся лица у тех, кто будет встречать его на базе — генералов, полковников, людей из спецслужб. Эти всегда равнодушные, надменные лица. Ничего, они еще будут заискивать перед ним, искать его дружбы.

— Вторая контрольная точка. Параметры в порядке. Даю точные координаты.

«Люди из спецслужб!» — как молния, мелькнула вдруг мысль, и тотчас же мир как бы перевернулся с ног на голову. Черт возьми! Да ведь... у него тут же отнимут РОНО, едва он заикнется о нем. Ведь в сущности — это оружие, новое оружие, средство проникновения в тайны противостоящего лагеря. И это новое оружие сразу же должно стать сверхсекретным. Значит, он, Ферт, обыкновенный классный летчик, никакой не ловкач и не политик, окажется в возникшей ситуации лишним свидетелем? Хорошо еще, если просто прикажут молчать. А если... Ведь есть риск, что он когда-нибудь заговорит... Значит, сумасшедший дом или... автомобильная катастрофа? Они это умеют...

Быть может, упредить возможный вариант и объявить о РОНО на первой же пресс-конференции? Да, но... будет ли первая пресс-конференция?

С ужасающей ясностью Ферт вдруг понял, что стоит на краю пропасти.

Едва он заикнется о РОНО в комиссии, его, как минимум, изолируют.

Промолчать же невозможно. Ведь надо доказать, каким образом удалось вернуться из небытия. Кроме того — Ферт впервые подумал об этом — на борту «Мотылька» магнитофонные записи. А раз так, значит, и уничтожать РОНО бессмысленно.

Но если предъявить РОНО комиссии, его, Ферта, судьба предрешена.

Круг замыкался.

Ферт ощутил железную хватку обстоятельств на собственном горле.

И тогда в нем вспыхнула острая ненависть к инопланетянину, который поставил его в критическую ситуацию, с какой бы стороны к ней не подходить; к этому небожителю, который даже не в состоянии представить всю сложность общественных отношений на Земле...

Пора было начинать вертикальное снижение. Через десять-двенадцать минут его уже возьмут в оборот, а он так ничего и не придумал.

На экране появились очертания базы. В воздух поднялось несколько вертолетов, предназначенных для сопровождения «Мотылька».

«Стой!— вдруг осенило его.— У тебя же есть РОНО. Левый рычаг! Ты можешь растянуть эти десять минут на какой угодно срок и спокойно осмыслить ситуацию, чтобы принять правильное решение».

Земля стремительно приближалась.

Ферт осторожно прикоснулся к левому рычажку, чуть помедлил, словно страшась неведомой опасности, и затем с решимостью отчаявшегося человека повернул стрелку.

Тотчас же вибрация и дрожь «Мотылька» прекратились. Ферт не слышал и рева двигателей. Поверхность уже не приближалась. Вертолеты как бы замерли в воздухе. Ферт посмотрел на стрелку секундомера. Та стояла на месте.

Значит, инопланетянин его не обманул. Видимо, они вообще не умеют лгать. И безоговорочно верят клятве других. Выходит, Ферт обманул? От этой мысли ему на миг стало неловко, но тут же он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Если бы незнакомец знал, как часто обманывают на Земле, он не стал бы требовать клятв, да и не осудил бы, узнав, что обещание нарушено.

Ферт крепко прижал РОНО ладонью, словно опасаясь, что прибор вдруг исчезнет сам по себе.

Значит, вот такая штука, думал он. Они исследовали быстротекущие процессы во Вселенной? Ему, Ферту, на это наплевать. Всю жизнь он мечтал только об одном — хорошенько заработать, а после поездить по миру, отдохнуть как следует, развлечься.

Разве эта штуковина не исполнит все его мечты?

Что там жалкие фокусы по телевидению! Один по-

ворот рычажка,— и он спокойно входит в любой банк и берет столько денег, сколько сумеет унести. Захочет, будет жить в лучших дворцах, есть и пить как король. А женщины? Ведь, имея РОНО, он сможет обладать любой, хотя бы и против ее воли.

«А, впрочем,— с исступлением размышлял он,— развлечения и жратва — это не главное, это для начала». А потом... Он проникнет в самые тщательно скрываемые тайны всех земных правительств. Умело шантажируя их, встанет над ними, будет диктовать свои условия. Захочет — организует свою армию, полицию, партию. Сам будет править миром...

Ферт установил стрелку в нормальное положение и рассмеялся. Ну, вот, теперь он принял решение.

Хладнокровно он вновь включил ручное управление и повел «Мотылек» к земле, но не к космопорту, а на несколько десятков миль в сторону, к городу, расположенному на оживленной автостраде.

— Мотылек! Мотылек! Что случилось!? Почему отклонились от курса?— надрывался диспетчер.

Ферт только посмеивался про себя. Теперь, когда решение было принято, он разом находил ответы на вопросы, которые еще недавно казались трудными и неразрешимыми. Жена? В сущности, у них никогда не было ничего общего. Счастья с ней он не нашел. Пусть выкручивается, как хочет. Сестра? Вот уже три года, как они даже не переписываются. Имущество? Да пропади оно пропадом!

«Эх, инопланетянин!— рассмеялся Ферт.— Наивное ты существо, хотя и принадлежишь к какой-то там высшей группе цивилизаций».

Все внутри у него так и пело.

Земля уже была совсем рядом, но Ферт не утерпел и глянул на секунду в зеркальце. Он знал, что окружающие считают его исполнительным, пунктуальным сотрудником, но скучным и неинтересным малым, этаким туповатым здоровячком. Собственно, с годами Ферт и сам привык так думать о себе.

Теперь же ему показалось, что из глубины зеркала смотрит совершенно другой человек: внешне привлекательный, с ясными, глубокими глазами, смекалистый и проницательный. Правда, он несколько похудел, но это вполне объяснимо. Он мужчина в расцвете сил, ему 38 лет. Еще недавно казалось — все лучшее позади. Но

сейчас у него было чувство, что жизнь только начинается.

Корабль взревел в последний раз и мягко ткнулся в грунт. Ферт посмотрел на экран — до автострады пол-километра, отлично, все, как он предполагал. На автостраде уже начали останавливаться автомобили. Вдоль насыпи сгрудилась целая толпа и продолжала расти с каждой минутой.

Опустилось несколько вертолетов с морскими пехотинцами, которые тут же выставили заставы, окружили «Мотылек» тройной цепью.

Ферт поднялся, собрал в кучу магнитофонные ленты, информационные программы и записи — все, что могло рассказать людям о его приключении — и не оставил от этой кучи даже пепла. Затем взял тесак и принялся крушить ЭВМ, панели и пульт управления. Оставил в неприкосновенности только телесвязь. Ждать, как он и предполагал, пришлось недолго. К «Мотыльку» приблизилась группа людей в штатском. Несколько впереди других шагал очень худой человек с лошадиным лицом. Ферт без труда узнал в нем генерала Стоуна. О! Этот генерал и глазом бы не моргнул, отдавая приказ о физическом устранении Ферта. Всякий раз, разговаривая со Стоуном, он ощущал противную дрожь в коленях.

— Пора! — шепнул он себе и повернул левый рычажок РОНО.

Группа замерла, как на остановившейся кинопленке. Ферт открыл тамбур, люк, потом плотно захлопнул его за собой и спустился по скобам на землю. Свежий воздух ударил ему в грудь. Как он соскучился по нему!

Ферта охватило озорное настроение. Генерал Стоун стоял, как восковая фигура. Ферт надел ему фуражку козырьком назад, затем, подумав, отстегнул подтяжки и оборвал пару пуговиц на брюках, так, чтобы те съехали с тощего генеральского зада. Эта маленькая месть доставила Ферту громадное удовольствие.

Однако надо было спешить.

Он двинулся к автостраде. Люди, что стояли толпой у обочины, походили на гигантскую группу скульптур. И каждый из них был в полной его власти.

Ферт поднялся по насыпи. Это чрезвычайно утомило его. Впрочем, подумал Ферт, чему удивляться, ведь прошло больше месяца, как он не ходил по земле.

Ферт смешался с толпой и поставил РОНО в нор-

мальное положение. Тотчас же все ожило. Ферт не смог отказать себе в удовольствии оглянуться на генеральскую группу. Судя по всему, там сейчас было весело.

От толпы зрителей отделился ладный мужчина в синем костюме и направился к автомобилю спортивного типа.

— Дружище,— обратился к нему Ферт,— ты не в город?

— Туда,— улыбнулся мужчина.— Охотно вас подвезу. Садитесь.

— А что, собственно, произошло?— спросил Ферт уже в машине, кивая в сторону ракеты.

— Толком никто ничего не знает,— словоохотливо откликнулся тот.— Стоило бы, конечно, подождать, но я не могу,— он уверенно гнал автомобиль вперед. Уже показалась городская окраина.— Думаю, все сообщат в вечерних газетах.

Так соображал Ферт. Первым делом в ресторан, надо основательно подкрепиться. Затем в полицейский участок, где, воспользовавшись РОНО, он возьмет чистый бланк удостоверения и сам заполнит его. Надо легализироваться. Правда, наверняка уже сегодня вечером его фотографии появятся во всех газетах. Ну и что? Мало ли на Земле похожих людей? К тому же он не собирается постоянно вертеться на глазах. А арестовать — даже по подозрению — никто его не сумеет. Отныне он под сверхнадежной защитой РОНО! Собственно, все идет превосходно, если не считать противной слабости и покалываний в сердце.

Автомобиль уже мчался по улицам города.

— Где вас высадить, дедуля?— спросил водитель.

— Что?— не понял Ферт.

— Спрашиваю, где вас высадить.

«Какой я тебе к черту дедуля!»— хотел было вспылить Ферт, но тут мельком глянул на РОНО и вскрикнул. Нет, с РОНО было все в порядке. Он увидел свою руку — старческую, дряблую, морщинистую.

Страшная догадка пронзила его. Он глянул в зеркальце. На него смотрело лицо ветхого старика.

Зоя Туманова

ОРАНЖЕВАЯ ПЫЛЬ

Рассказ

Далеко у горизонта, в пепельном сумраке, вздрагивали зарницы. Ветер промчался вдоль коридора, выплескивая наружу занавески.

По всему зданию начали закрывать, зашторивать окна: беспокойное зрелище — гроза.

А мне прежде нравилось это бешеное единоборство слепящего света и слепящей тьмы. Прежде — до той самой ночи, о которой лучше не вспоминать, потому что все, случившееся тогда, не поддается ни геометрически точным построениям разума, ни дерзким, вплоть до пределов возможного, допущениям; не прикрывается успокоительными соображеньицами здравого смысла, сколько ни притягивай их за уши, ни тасуй и ни варьируй.

Было бы прекрасно — забыть, подвести черту, постановить четко и непреложно: считать такие-то события несостоявшимися. Но та ночь не зачеркивается — живет в моей памяти, причудливо и грозно преображаясь, повторяется в снах.

... Вечер был непогожий, а мне работалось. По временам я вставал из-за стола и подходил к окну, вглядываясь в глубину сада.

Что там творилось! Под шквальными ударами ветра вспружинивались, замирали и, отпущенные на волю, медно звенели ветви деревьев. Большая электрическая лампа, висящая над аллеей, управляла яростной пляской рваных теней. Внезапно через все пространство неба над садом огненно вызмеилась молния. Грохнуло, как выстрел в ухо, и в тот же миг погасли фонари в саду. Погасли и окна в корпусе напротив.

Я не беспокоился, зная, что через несколько минут включат аварийную систему освещения. Но вместо этого хлопнула дверь, и задыхающийся голос сестры Гошевой произнес:

— Доктор, Ильина нету в палате! Его нигде нет!

Наверно, я сумел бы ее одернуть сразу, если б не воздух этой ночи, пронизанный электричеством до того, что теснило в груди... И если б не стоял еще в ушах воспаленный шепот Мальчика, сжигаемого жаром невозможной мечты: «Бежать по дороге, уходящей за горизонт... Проскользнуть между лентами молний... в синеву ночи... Растолкать облака,— и съехать по наклону радуги на луг, орошаемый ливнем, под свежее, омытое, прохладное солнце...»

Словом, я ринулся бежать по темным коридорам, выставив вперед руки, подгоняемый ударами сердца...

Я толкнул дверь его палаты осторожно, чтоб не потревожить,— ведь Мальчик был там, он не мог быть ни в каком другом месте, даже предположить нечто подобное было абсурдом... А зачем тогда я бежал?

В открытое окно рвался ветер, стрелял занавесками. Вспыхнула молния, близко, ярко, словно лампа-«блиц». И в ее свете я увидел совершенно отчетливо: постель Мальчика пуста.

Мне не хватило воздуха, и все провалилось куда-то...

Очнулся от резкого ощущения холода: я стоял у окна, в лицо мне били косые струи ливня. В палате уже горел свет. Я знал, что надо оглянуться, и не мог. Наконец вытер лицо краем шторы и повернулся.

Мальчик лежал в постели, закутавшись с головой в простыню,— белый неподвижный кокон. Никогда еще в жизни с таким нестерпимым восторгом я не говорил себе, что я — круглый, законченный идиот.

Во время утреннего обхода сестра Гошева, которой еще вчера было высказано все, что она заслужила, проскользнула, явно что-то пряча. Что там у нее было прижато к боку и прикрыто полой халата? Я решил не гадать об этом, просто не замечать: великодушие изливалось из меня полноводной рекой. Ведь все было пустяком — по сравнению с тем, вчерашним, мгновенно поработившим меня нелепым страхом...

Я навестил своих больных, оставив Мальчика на конец обхода.

В его палате было прибрано, повешены чистые шторы — никаких следов вчерашнего буйства стихии. Неожиданным был только запах, царящий здесь: непривычный и в то же время знакомый, слишком резкий для того, чтобы казаться приятным, он все же радовал,

рождая ощущение свежести. Может быть, после вчерашней грозы воздух насыщен озоном?

Мальчик был такой же, как всегда: чуть бледнее, чуть более возбудим, чем другие подростки его возраста. Он улыбнулся мне своей тихой, как бы затаенной в уголках губ улыбкой.

Я осмотрел его, сказал полагающиеся в таких случаях слова, к которым он давно уже не прислушивался. С тумбочки у его кровати что-то скатилось мне в ладонь — хрупкие на ощупь крупинки; я машинально растер одну между пальцев, и запах ударил так сильно, что я узнал его.

— Полынь?— спросил я, смахивая с белизны пластика крохотные голубоватые шарики — скромнейшие из цветов мира.

— Она,— кивнул Мальчик,— был букет, да сестра убрала. Говорит: нельзя — осыпается, мусорит.

Так вот что прятала Гошева, обходя меня,— приятно было разрешить и эту пустяковую загадку.

— Откуда?— благодушно спросил я.

— С Устюрта,— ответил Мальчик.

— Полет?— поинтересовался я, еще более благодушно и небрежно.

— Полет,— кивнул он с серьезным видом.

У нас с Мальчиком была принята маленькая условность: я никогда не мешал ему рассказывать о своих фантазиях так, будто это происходило на самом деле; безоговорочно принимал те «доказательства», которые ему удавалось раздобывать: редкостные, явно оранжерейные цветы, перья нездешних птиц, диковинные раковины...

На этот раз, стало быть, ему принесли ветки полыни. Интересно, кто из посетителей успел так рано, до обхода? Жаль, что переусердствовала запуганная мною сестра: я полюбил запах пустынной полыни этим летом...

А Мальчик уже рассказывал:

— ...Такыры белеют; сверху степь — как белая звериная шкура, а озера соленые, точно осколки зеркал,— слепят, отражая солнце... И обрыв... как ножом отрезан, совершенно отвесный, представляете?

Я не представлял — я видел все это и помнил. Забавно совпали очередная фантазия Мальчика и моя летняя поездка. Будет новое подтверждение грустного факта: никакая начитанность и «насмотренность» (если

можно так сказать, имея в виду телевизор) не могут заменить свидетельства собственных глаз.

Да, не могут, и все же я был рад, когда он начал рассказывать про пещеры; как всегда, он готовился основательно, «докапывался» до малоизвестных сведений...

Там были пещеры. В стометровой стене обрыва издали чернели их квадратные отверстия. Не у многих в группе хватило альпинистской квалификации, чтобы добраться хотя бы до нижних, а к той, что была выше других, поднялся только я, скалолаз с семилетним стажем; ликовал, одолев подъем, так, что не удержался от озорства.

И тут холодок пробежал по спине — о чем это говорит Мальчик?

— ... Кострище, закопченная стена, и по копоти — рисунки. Знаете, как в Зараут-Сае? Пляшущие человечки с палицами, козлы — рога, как сабли; бредут друг за другом, а двое — морда к морде, как будто дерутся...

Я схватился за сиденье стула — пол пошатнулся.

Ведь э т о и было м о е озорство.

Нынешним летом, семнадцать дней назад, я выцарапал заостренной палочкой эти фигурки,— в стиле первобытных «писаний»— на закопченной стене пещеры в отвесном чинке Устюрта. И никому не рассказал об этом: стыдно, все-таки взрослый человек, заведующий отделением.

Откуда же он з н а л? Он, Мальчик, который в тринадцать лет стал моим пациентом, и остался им, и останется, пока мы оба живем?

Помогла профессиональная тренированность: я спокойно дослушал до конца, и простился, и дошел до своего кабинета, не убыстряя шагов. А уж там рухнул на стул и отдался сумбуру мыслей.

... Почему я всегда мысленно называл его Мальчиком? У него есть имя и фамилия — Сережа Ильин.

Может быть, потому, что ее первыми словами в то утро были: «С мальчиком несчастье!» И они горели в моем мозгу — каждый миг — пока мы мчались на мотоцикле, перепрыгивая овражки, низвергаясь с холмов, а ветер рвал ее волосы, и они, как черный дождь, били мне в лицо...

... Нет, чтобы разобраться, надо вспомнить все по порядку, привести в систему.

Итак, весна, Крым, турбаза — несколько домиков и

разноцветных палаток, холмы — как ступени к горам, горы — как ступени в небо... Половодье зелени, алые, лиловые, солнечно-желтые разливы цветенья. Струнный трепет трав под ветром. И воздух, чистый до того, что его словно и нет, свежий, как родниковая вода...

Кажется, я приметил ее на второй день и вскоре узнал, что это та самая Ильина.

Это она, отдав мужа буйству полярных стихий, осталась на Далеком Берегу продолжать дело его жизни. В городе, где небо отгорожено от людей стеклянным куполом, где солнца не видят шесть месяцев в году...

Это она прославила свое имя проектом, дерзость и красота которого превзошли все, что представили на конкурс лучшие, талантливейшие, известнейшие.

С ней был сын — мальчик лет тринадцати.

Кажется, накануне того дня я встретил их обоих на тропе, ведущей к морю. Она наклонилась, подымая рюкзак, и ее волосы, небрежно подколотые, рассыпались, блеснув, точно струи реки ночью, в лунном свете. Она отбросила их за спину и улыбнулась сыну, который, тоже подымая рюкзак, играл, будто ему очень тяжело, по-стариковски охая и потирая ладони. Меня поразили его глаза — какая-то особенная, алмазная чистота их сиянья, не замутненная ничем.

... Машину вел мой сосед по палатке, гонщик международного класса. Мы вдвоем втиснулись в коляску, кто-то сказал ей, что я врач. Эта бешеная скачка по холмам, надрывный вой мотора, ветер, разрывающий грудь...

... Вертолет «Скорой помощи» успел раньше нас — мальчика увезли

Я прервал свой отпуск,— после э т о г о мне уже не были милы лощины, захлебнувшиеся цветеньем. Вернулся к себе, в больницу, где заведывал отделением.

Не было ничего странного в том, что именно сюда привезли Мальчика: только здесь могло быть сделано все, что вообще возможно было сделать...

При нашем первом разговоре мать рассказывала только о нем, о Мальчике. О том, что он рос ловким: «Там, в Полярном, с яслей начиная, такая продуманная система физического воспитания, вы же знаете, доктор!» О том, что он был лыжником: «Первое место в районных соревнованиях по слалому!» О том, что он даже не знал, как это «голова кружится», не понимал, до смешного: маленьким спорил со взрослыми: «Голо-

ва не кружится — она же приделана!» О том, что в то утро он хотел только «пробежаться, пока готов будет завтрак!»

Она спешила — и повторялась: я должен, должен был понять, насколько то, что случилось, было необъяснимо, нелепо!

Как будто от того, что я пойму, это, немыслимое, перестанет быть...

... В той лощине были маки, огромные, с кулак, раскаленно-алые, казалось, что они подожгут траву. И у подножия холма — распластанное тело Мальчика.

Пока шел осмотр, мать ждала в коридоре. Я тянул, сколько мог, и все же пришлось выйти туда — навстречу немо кричащим ее глазам.

Я ждал ее вопроса и готовился солгать — легко, профессионально, с сознанием необходимости лжи.

— Я должна знать правду, понимаете?— сказала она тихо.— Чтобы понять, к какой жизни готовить его... и себя.

Я вспомнил все, что знал об этой женщине, и сказал правду.

— К самой трудной,— сказал я.

Но ее глаза все еще светились непобедимой надеждой.

— Может быть, когда-нибудь... биопротезы?

— Это — другой случай...— Надо было идти до конца, и я пошел.

И она сказала, ободряя меня (меня!):

— Ничего, доктор. Он мужественный, мой Мальчик.

Он и в самом деле был мужественный, больной из четвертой палаты. Не жаловался ни на боли, ни на тягостные процедуры. Отвечал на все вопросы четко, точно, обращал мое внимание именно на то, что внимания требовало. Но когда я спросил, что же все-таки произошло на холмах, он сказал тихо: «Я устал». И погасил алмазное сиянье своих глаз... Больше я не спрашивал.

Он лечился с недетским терпеньем. Однажды пожаловался:

— Время тянется, как резиновый клей.

Я ответил наставительно:

— Время не транспорт: медленней идет порожняком. Надо его нагрузить.

— Я нагружаю.— Движением подбородка он указал на тумбочку возле кровати.

Я приоткрыл дверцу: полки были тесно уставлены книгами.

— Очень быстро читается!— вздохнул Мальчик.— Нужны книги длинные, как коридор...

Пришлось подключиться к стараниям матери, но и вдвоем мы не могли насытить неутолимый голод его ума...

Осень была долгая, бесснежная. Шагая по аллее, ведущей к корпусу, я видел резные кленовые листья, примерзшие к стылой земле, словно приметанные белыми стежками инея — и по краю, и по всем прожилкам. А сбоку от крыльца мой взгляд встречался с поздним цветком ноготков,— надломленным, застекленевшим от мороза, но ярким, оранжевым, как морковные стружки...

Потом погода переменилась. Ветер взвизгивал, расталкивая ветви, врывался в сад, мчался вдоль корпуса, хлопая форточками. Нагнал туч и ударил по их скучившемуся стаду ледяным дуновеньем. Полетели крупные хлопья.

— Как будто белые петухи подрались,— сказала медсестра Гошева. И посмотрела на меня — исподлобья, с задумчивой печалью:— Доктор, Ильин не хочет выполнять назначений. Поговорите с ним...

Да, он сорвался в тот вечер, самый терпеливый из моих больных, и маленьких, и взрослых. Отвернуться к стене ему не давали гипсовые шины, но он спрятал в подушку лицо и на просьбу «послушаться и принять укол» ответил глухо:

— Зачем? Что, он вернет мне ноги?

Я коснулся его темных, как у матери, волос, шепнул:

— Мужайся, брат...

Он повернул ко мне лицо, сморщенное болью, яростью, отчаяньем, крикнул:

— Я мужался! Мужался! Больше не могу!

Я сидел у его кровати: не было слов. Мне казалось, что я тоже не могу, ничего не могу, и не лучше ли быть честным, бросить к черту этот самообман вместе с бременем бесполезных знаний? Но я вспомнил глаза его матери — когда она подходит к окну в приемный день, и стучит в стекло, и улыбается, показывая стопку книг, перетянутых узким ремешком... Я вспомнил эту улыбку.

— Погоди-ка!— сказал я Мальчику.— Дай помогу тебе сесть!

Садится ему было рано, но сейчас это было необходимо, и я рискнул как можно бережней усадить его, приняв на свое плечо тяжесть худенького загипсованного тела,— так, чтобы ему было видно окно.

За окном свершалось тихое чудо снега.

Было уже совсем темно, и снежинки виделись только в лучах фонарей, словно возникали из света. Они долго кружили, и реяли, и все-таки падали, сливаясь с вечной белизной, застелившей землю.

— Знаете, что мне пела мама, когда я был маленький?— тихо спросил Мальчик и пропел своим хрипловатым подростковым альтом:—«В те неведомые страны прилетают пеликаны...»— И сказал твердо и резко:— Я мечтал быть путешественником. Знаете, дорога, пронзающая горизонт и летящая между звезд...

Я не нашел слов, которые надо было сказать ему, и только старался бережнее удерживать его бессильное тело. А он вдруг засмеялся:

— Знаете, почему я не говорил, что случилось тогда? Самому не верится, что был такой... Я не оступился. И голова у меня не закружилась. Я взбежал на вершину холма, а внизу, за грядой скал, гремело море. Облака тумана подымались из ущелья, такие густые, плотные. И я подумал: если быстро-быстро перебирать ногами — я смогу бежать по облакам! Шагнул...

Он опять засмеялся, хрипло, и — о господи!— какой болью отозвалась в моей душе тревожная, темная и слепая, бедная его боль!

... Туман рассеялся. И его нашли.

У него был необратимо поврежден позвоночник.

Мы сделали все, что могли, и Мальчик уехал,— ему был предписан санитарный режим. Через два года он вернулся — повторить курс лечения, так и было предписано.

... Меня поразило, как изменилась мать: яркую черноту ее волос словно бы погасила седина — они были как серебро в сумерках. Она сказала, что Мальчику лучше, он даже может передвигаться на костылях, но быстро устает; может быть, после повторного курса...

Мальчик тоже изменился, и ноги его уже не казались непомерно длинными. Он по-прежнему много читал, занимался рукоделием — плетением из толстых шнурков, которое, по его словам, «снова вошло в моду

и расходится, как горячие пирожки». У него были длинные ловкие пальцы.

Мы снова подружились, и однажды он сказал мне со своей тихой, чуть проступающей на лице улыбкой:

— Знаете, доктор? Я ведь теперь бываю везде, где хочу. Иногда мне удаются полеты... Особенно когда гроза...

Я согласно кивнул, не поняв, куда он клонит. И тут его словно прорвало, он стал рассказывать:

— Когда летишь выше облаков, внизу — как будто снежное поле: на нем синеватые проталины и кудрявые белые кусты... А когда низом, по-над лугом, едва не касаясь травы,— вспугиваешь бабочек, и они взлетают разноцветными дымками... Города ночью — это ж такие россыпи огней! Все поблескивают остренько, иголочками, переливаются... Как радужная пыль — от разбитых елочных игрушек. И еще интересней — лететь над горами. Рассвет зажигает вершины, а в ущелье до краев налита тьма. Встает солнце, теплом своим смывает с валунов выступивший ночью иней...

Я слушал, не прерывая, и радовался, что фантазия заменила ему дорогу, уходящую за горизонт, и поражался силе его воображения: кажется, рассказать так можно было бы, только увидев, ощутив, осязая, когда все пять чувств твоих настороже... И рассказы его не иссякали: он замкнул в себе целый мир, этот подросток, обреченный на вечную неподвижность...

Да, но постель его была пуста в ту грозовую ночь. И он рассказал мне такое, чего не мог ни прочесть в книгах, ни увидеть на экране или на фотографии...

Я снова и снова приводил в порядок свои мысли. Допустим, кто-то успел побывать в той пещере уже после меня. И этот кто-то — да, совпадение!— знаком с Мальчиком, смог повидаться с ним, рассказать, привезти ветки полыни... Пустая постель? Кто-то из выздоравливающих мог вынести Мальчика в коридор, даже во двор — подышать свежестью. Ведь он легок, словно камышинка. Как хорошо все выстраивалось! И почему это вспоминается любимый афоризм моего школьного учителя по прозвищу Синус-с-Минусом: «Никакой логики и полный парадокс!»

...Нет, я все-таки взял себя в руки. Поверил во все совпадения. Иначе во что было верить? В то, что я сам рассказал о пещере Мальчику, а потом — провал в памяти? Бывает. Но сюда не вписывалась полынь.

...Если б не та гроза!

Вспыхивает молния — и миг тишины перед громом: словно остановилось время, и вдруг — рушится все... Редко бывает такое сильное напряжение атмосферного электрического поля: я поднес руку к волосам и услышал слабый треск... Молнии вспыхивали непрерывно, параллельно бегущие разряды по временам догоняли друг друга и сливались в огненную ленту...

Почему я тогда не довел дело до конца? Ведь можно было узнать, выяснить, какие посетители были у Мальчика в то утро, кто принес полынь. Расспросить сестру Гошеву: почему она решила, что больного в палате нет?

Я не сделал этого. Я... боялся.

Потому что если б не совпало что-то в моих построениях, это означало бы, что мне отказала память — мой профессиональный инструмент. Или...

Но никакого другого «или» быть не могло.

...Хватит вспоминать, хватит бередить неутоленную тревогу. Я пошел навестить Мальчика: такая погода плохо влияет и на здоровых, а уж больным...

Мальчик как будто ждал меня, заговорил, едва я сел на стул у его кровати.

— Знаете, чего я еще хочу? Побывать на Марсе! Увидеть его темные моря и материки цвета красной охры... Пробиться сквозь желтую пелену пылевых бурь к сверкающей белизне полярных шапок...

Глаза его блестели, на щеках горел болезненный румянец. Я подумал, что надо напомнить сестре дать ему успокоительного. Он вдруг прервал сам себя:

— Вы верите в мои... полеты?

Это было как удар «под ложечку»: я скорчился, не дыша. Что хуже — сказать «да» или «нет»?

К счастью, он, кажется, и не ждал ответа... Он говорил все более яростно и возбужденно:

— Так трудно бывает! Потолок давит, комната тесна... Холодеет сердце... И когда уже совсем нестерпимо, я становлюсь как дым. Я улетаю, сливаюсь с ветром, с лунным светом. И тогда весь я — сплошное счастье, весь мир — мой... И слышу, как зовут звезды... Но что-то еще держит, какая-то нить. Если оборвется, я смогу все!..— и, почти выкрикнув последние слова, вдруг обессилел, склонился к подушке, прикрыл глаза.

Заснет? Я тихо вышел, затворил дверь, горько раздумывая над всем, что услышал. Что же все-таки это

такое? Самовнушение? Самогипноз? Или просто колдунья-выдумка — утешение слабых душ?.. А пещера на Устюрте? Нет, нет, цепь совпадений, случайностей,— хватит об этом.

Ночью я не раз просыпался от грома — казалось, что идет воздушный парад и прямо над крышей проносятся армады на сверхзвуковых скоростях. Потом гроза стихла, полил дождь. И опять, просыпаясь, я слушал его неутомимый лепет, его нескончаемый рассказ — о чем? Что он видел этой ночью?

Рассвет вставал седой, сырой, медленный. В саду вздыхали деревья, отряхая влагу. Я встал раньше, чем всегда, словно ожидал чего-то.

В дверь постучали. В плаще с откинутым капюшоном — сестра Гошева.

Рухнуло сердце — точно с обрыва. Я уже знал, что она скажет.

Мальчика унесли. Теперь его палата действительно была пуста...

Я ходил по ней, собирая вещи, чтобы передать матери, а видел перед собой его лицо — со странным выражением: брови, заломленные болью, и тихая улыбка счастья, спрятанная в уголках губ.

Я связал стопками его книги, бережно сложил курточку, приставил к табурету костыли. Странно, их наконечники из черного пластика были испачканы. Глиной или песком необычно яркого, оранжево-охристого тона. Где у нас в саду такая глина? И как мог бы он дойти туда, в такую ночь, на своих костылях?

Я стер с них пыль и спрятал платок в карман.

Позже, когда приутихла саднящая боль потери, я рассказывал обо всем, что было связано с Мальчиком, людям, много знающим о том, чего не знают многие,— и весьма проигрывал в их мнении о себе. А иногда выигрывал: ученый люд хлопал меня по плечу и бодро восклицал: «А знаешь, тебе надо писать, старик! Здорово накручено!»

... Только один выслушал меня серьезно.

— Любопытно,— сказал он неторопливо.— Интересно, почему никто еще не задумывался вот над чем: все видят сны о полетах, мечта о них — непреодолима. Помните, Катерина в «Грозе»: «Отчего это люди не летают?» Наташа Ростова собиралась «потуже обхватить себя

под коленками» и лететь — в ночь, в лунный сад... Гриновский Друд в «Блистающем мире», Беляевский Ариэль летали без всяких механических приспособлений. Я читал отчет одного путешественника по Гималаям. В горах, среди недоступно-отвесных утесов он увидел каменный кубик буддийского монастыря. Спросил, как же туда попадают ламы. «Летают»,— ответили ему. Он высказывает догадку: может быть, эти люди после длительных упражнений научились излучать волновые колебания, которые нейтрализуют силу тяготения? Конечно, все это совершенно ненаучно,— резюмировал он жестко.— Помолчал, вздохнул и добавил:— Человек — больше, чем все наши знания о нем.

...А еще у меня остался платок. Самый обычный носовой платок, испачканный оранжевой неземной пылью. Когда-нибудь я решусь и отдам ее на анализ, в лабораторию. Страшно. Если окажется, что это действительно пыль с Марса, все опрокинется, все стройное здание мирозданья. Сказка войдет в наш дом...

...И поселится рядом с другими сказками, давно привычными, не замечаемыми...

Николай Близнаков

(Болгария)

НА ЗЕМЛЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Рассказ

Итак, я остался один... Совсем один — в этом чужом, безжизненном и грозном мире, где наше Солнце, такое яркое и ласковое для живущих на Земле, кажется холодной, сверкающей звездой...

Вокруг — каменистая пустыня. Куда ни посмотришь — камень и камень. Скалы с острыми, рваными краями, застывшие в первозданной форме. Камень, иссеченный метеоритами, падавшими веками, тысячелетиями... Из-за непривычно близкого горизонта поднимается огромный свинцово-серый, до синевы, шар Нептуна. В его мертвенном свете еще грознее кажется безрадостный пейзаж. Угольно-черные тени, отброшенные скалами, укорачиваются и очерчиваются резче. И — тишина... Тишина, от которой звенит в ушах и душу охватывает леденящее чувство одиночества. Тишина Космоса, которую не может представить человек, никогда не покидавший Землю...

Я сидел на обломке скалы, стараясь осмыслить случившееся.

Катастрофа в Космосе... Что-то абстрактное, бесконечно далекое. Уж конечно, этого не могло случиться с нашей экспедицией.

Но — случилось... Взрыв прогремел, когда наш корабль, красавица «Эйфория», совершил посадку на Тритоне — спутнике Нептуна, куда нас послали для установки автоматической станции.

Взрыв вспорол бок ракеты. Воздух вырвался через эту зияющую рану. Клод, Глез и Андрей погибли мгновенно. Я, к счастью (к счастью ли?), отправился осматривать астероид и потому остался жив.

Если бы мореплаватель древности увидел свое судно, изувеченное ударом о подводный риф... Если б он остался в одиночестве на голой скале, затерянной в океане, удаленной от судоходных путей, он понял бы меня.

Не ждать было нечего. Я заставил себя встать и подняться по трапу в «Эйфорию».

Тщательно осмотрев ракету, я пришел к выводу, что если бы удалось исправить электричество,— а это показалось возможным,— то я мог бы прожить несколько месяцев в пилотской кабине.

На помощь с Земли я не рассчитывал. Послать экспедицию на Тритон нелегко. К тому же я знал, что взрыв произошел во время радиосеанса. Клод собирался сообщить о нашем благополучном прибытии. На Земле, конечно, слышали взрыв и могли подумать, что все мы погибли. А сообщить, что это не так, я не мог. Взрыв уничтожил радиотелевизионную систему.

Я геолог, астрофизик, в технике профан. Отремонтировать ракету? Нет, об этом нечего и мечтать...

В тридцать шесть лет человек редко думает о смерти. Кажется, что впереди целая жизнь. И сейчас, перед лицом неизбежной гибели, я растерялся.

На Земле у меня — жена, сын, родители. Потерять меня — для них огромное горе. Прежде — неисцелимое. Но теперь все по-другому. На Земле хранятся клетки моего организма с закодированным в них моим разумом. Генетикам и неврологам предстоит воссоздать при их помощи человека, ничем не отличающегося от меня. Да, для близких — это благо. Я это знаю и все же... Ведь Он — это не Я! Жить будет Он, а я должен погибнуть! Погибнуть!.. Ужас неотвратимости настиг меня. Первобытный, животный ужас... И разве может успокоить мысль, что там, на Земле, будет жить моя точная копия и все будут уверены, что это и есть я, Питер Тал?..

Не может быть, чтобы между нами не существовало различий. Человеческий организм настолько сложен, настолько переплелись в нем наследственное и благоприобретенное, на его психическую жизнь так неотвратимо влияет подсознание, что в духовные глубины личности не может (я был в этом уверен!) проникнуть ни самый искусный скальпель, ни самый совершенный аппарат.

Я — это я, и меня нельзя повторить!

Наверно, я был близок к сумасшествию...

Чтобы отвлечься, я прошел в библиотеку и, порывшись в каталоге, взял три микрофильма: «Робинзон Крузо», «Таинственный остров» и «Космические приключения». Вернувшись в пилотскую кабину, включил ава-

рийную осветительную сеть,— ее аккумуляторы, к счастью, уцелевшие при взрыве, должны были обеспечивать энергию в течение семидесяти двух часов. Потом подключил один из микрофильмов, сделал себе коктейль и, удобно расположившись в кресле, погрузился в чтение старого, но не стареющего повествования о мужественных людях, никогда не терявших присутствия духа...

Устав читать, я лег в постель.

Сон вернул силу духа и способность рассуждать. Хотелось сразу же взяться за работу, прежде всего — за восстановление герметичности корабля.

Четверо земных суток промучился с ремонтом обшивки, но герметичности добился только через неделю. Несколько раз, приходя в отчаяние, хотел все бросить. Но вот очередные испытания показали, что задача решена. Я чуть не заплакал от радости: «Эйфория» возвращалась к жизни!

Оставались двигатели. Это была адская работа, требовавшая невероятного напряжения всех умственных и физических сил. Но ведь мне надо вернуться! Во что бы то ни стало вернуться на Землю! И я работал как одержимый.

Читал учебники, справочники. Думал, пробовал, искал. В конце концов наступил момент, когда я почувствовал себя Леонардо да Винчи, Эдиссоном, Эйнштейном. Я победил!

Закончив приготовления, отдохнул — ведь мне предстоял путь в пять миллиардов километров и вести ракету должен я сам, без Электронного мозга, тоже поврежденного взрывом, и автопилота.

И вот, наконец, старт!

«Эйфория» понеслась к Солнцу. Только в этот момент я в полной мере ощутил, что значит слово «Эйфория»— радость! Я был точно всадник на коне, и как прекрасно, что моим конем оказался чудесный космический корабль! Я чувствовал себя на верху блаженства. Хотелось петь — и я пел. Хотелось вечно лететь к МОЕЙ Земле, и в то же время я жаждал сию же минуту оказаться там!

Я был горд, беспечен и смел!

Я был счастлив!

Я рассчитывал, что достигну Земли через три месяца. Затем неделя карантина — и я дома. Все будет по-иному. Теперь-то я уж ничего не буду откладывать!

Прежде всего повезу Аллу в Медвежью пещеру, заветные места моего детства. С ними связано так много! Сыну немедленно подарю подводный дом, купленный перед отлетом.

А мой отец! Представляю его удивление, когда он услышит, какие сложные задачи пришлось решать его сыну! Ведь он всегда так подшучивал над моей «технической бездарностью»! С каким интересом он будет слушать рассказ о днях на Тритоне!

Мама? Ей будет достаточно увидеть меня и обнять...

Когда «Эйфория» пересекла орбиту Марса, я почувствовал себя дома. Что значит миллионы километров, когда позади — миллиарды?

Быть может, меня уже заметили? Но я мог установить связь только на расстоянии нескольких сотен километров — это было пределом для маленькой УКВ-станции, единственной станции, работавшей на корабле.

Я приближался к Земле!

Орбитальная станция приняла меня двадцать девятого июня.

В карантинном изоляторе дежурный сообщил, что скоро прибудет член Космического Совета.

Такое внимание меня не удивило,— все-таки прибыл я с Тритона, да еще при чрезвычайных обстоятельствах.

В ожидании члена Совета самое лучшее было выспаться, и я утонул в мягком покое постели, с наслаждением предвкушая все, что можно успеть за шесть дней карантина — увидеться с близкими, узнать новости, ощутить пульс человечества. Я горел желанием как можно скорее влиться в жизнь родной планеты...

— Боже мой, Питер!— услышал я сквозь сон знакомый голос.— Черт побери! Как хочется тебя обнять!

Комнату перегораживала прозрачная стена, за которой стоял Мартин Блинд,— когда-то я слушал у него курс геологии.

— Мартин!— вскочил я.— Уж не ты ли тот член Совета, о котором говорил дежурный?— Я вспомнил, что Блинд занимал важный пост в Контрольной группе Космического Совета.

— Конечно,— улыбнулся он. Прозрачная стена пропускала звук.— Доктор Жуковский прилетел тоже, но он предпочел увидеться с тобою попозже. К сожалению, эта стена мешает пожать твою руку, но скоро...

— Мартин, Мартин, сколько я должен тебе рассказать!

— Знаю, Питер, поэтому я и здесь. Сгораю от нетерпения. Но прежде должен заявить: ты герой, Питер, настоящий герой!

Я смутился, хотя в этих словах была доля истины.

— Расскажи, Питер, что там произошло?

— Представь, Мартин, в причинах аварии я не разобрался. Нужны специалисты. Это случилось вскоре после посадки. Я находился вне корабля, а Клод, Глези, Андрей — внутри, без скафандров. Мгновенное удушье... Ну, а корабль... прорвало обшивку, повредило электроустановку и двигатели, разрушило систему связи и Электронный мозг... Я был опустошен, деморализован...

— Понимаю...

— А потом принялся за дело. После месяца напряженной работы отправился в путь. Ракету вел сам.

— Да-а...— Мартин вытащил пачку сигарет.— Тебе не могу предложить, но я закурю... Гм...

Что-то в его тоне меня обеспокоило. Хорошо зная Мартина, я понял, что он угнетен, расстроен.

— Мартин, я так хочу поскорее увидеться со своими и выйти отсюда!

Он вздохнул и посмотрел мне прямо в глаза серьезным, сосредоточенным взглядом. Сочувствие, которое я в нем прочитал, меня испугало.

— И герои устают, Питер, но ты должен выдержать еще один удар.

— Какой удар? Говори быстрее! Что-нибудь с Аллой?

— Нет.

— С родными? С Землей?

— Нет, нет, со всеми благополучно. Вот только с тобой... Ты ведь знаешь: если после аварии нет вестей, то напрашивается вывод — несчастье, смерть. Погибших восстанавливают. И они возвращаются к своим близким... На Земле без перемен...

...Я не смел поднять глаза. Луч, падавший откуда-то сверху на столик передо мной, отражался от гладкой поверхности и слепил глаза, но я не мог отвести от него взгляда. Невыносимая тяжесть обрушилась на меня, и не было сил ее сбросить. Разговор с Мартином походил на кошмарный сон, один из тех, что мучили меня последние месяцы. Чаще всего мне снилось, что я не

мог попасть на Землю — «Эйфория» пролетала мимо нее, к Солнцу или в бескрайнюю космическую бездну. А Земля проплывала совсем рядом — такая огромная, голубая, прекрасная...

Двойник... У меня — Двойник... В сущности, если подумать, почему бы не отделаться от Него? Двойник — это всего лишь моя физическая копия, она не может долго держать в заблуждении моих родных. А если и может — что из этого, если я, НАСТОЯЩИЙ, здесь?

— Слушай, Мартин! Ну, и что из того, что у меня — дубликат? Просто я вернусь на свое место, а Двойника уничтожьте! Он больше не нужен. И я убежден — мои родные заметили разницу.

Мартин вздохнул:

— Все это очень не просто, Питер. Прямо неразрешимая задача...

— Пожалуйста, Мартин, перестань вздыхать! Какие трудности? Я мучился, пролетел пять миллиардов километров, а ты пугаешь каким-то Двойником! Да Он меня совершенно не интересует!

— Верно. Ты достоин восхищения и уважения. Но и тот, другой, тоже живой, достойный уважения, человек. И никто не имеет права Его уничтожить.

— Я! Я имею! Пойми, Мартин, на Земле нет места нам двоим!

— Ясно! Итак, по первому пункту у нас расхождений нет — на Земле нет места вам двоим.

— Конечно!

... Куда клонит Мартин?

— Но кто лишний? Вот дьявольская загадка во всем этом деле!

— Как кто? — Предположение, что лишним могу оказаться я, меня до глубины души возмутило. — Разве можно сомневаться в том, что именно я заслуживаю места на Земле?

— Видишь ли, Питер, если ты хочешь, чтобы Алла, твой сын, твои родители и друзья — все те, ради кого ты живешь, были счастливы, а не мучились сомнениями — кто настоящий, а кто Двойник, и до самой смерти не знали покоя...

— Их покоем и счастьем я дорожу больше всего!

— Тогда ты должен уступить.

— Глупости! Прости, Мартин, но неужели ты действительно думаешь, что для Аллы три месяца, проведен-

ные с Ним, важнее четырнадцати лет, прожитых со мной? Или для моей матери, для сына...

— Алла была с тобой четырнадцать лет, а с Ним — не три месяца, а четырнадцать лет и три месяца. И нет силы, способной зачеркнуть эти три месяца! Они трагичны для тебя, но не для Аллы, не для сына и родителей — ведь Двойник уже не Двойник, а самостоятельный человек. Он — супруг, отец, сын, друг, коллега... Но Он уже не такой, как ты. За эти три месяца у Него возникли новые отношения с людьми, были новые переживания, заботы, новые воспоминания... Ты опоздал, Питер. Это жестоко, но это так.

Какая-то мелодия, грустная, голубая мелодия тех лет, когда я еще не знал Аллу, звучала в моем мозгу. Откуда она? Откуда?

Что кроется в словах Мартина?

Ах, да... Двойник развивался так, как развивался бы я, если бы не улетел на Тритон. Возможно ли это? Возможно ли, чтобы мы были совершенно одинаковы?

— Да, Питер. Он — твоя копия. Был ею... Но за эти три месяца Он, оставаясь тобой, стал уже и кем-то другим...

...Была ли правда в словах Мартина? Мысли мои кружились, всплывала и таяла голубая мелодия... И все-таки...

— Питер,— прошептал Мартин,— ты должен смириться!

— Рано, Мартин! Если то, что ты говорил,— правда, тогда все кончено. Но я имею право проверить. Проверить, не вызывает ли Он сомнений у моих близких? Кстати, Он знает, что он — дубликат?

— Нет. Ему сказали, что при взлете произошла авария, которая держится в тайне. А для всех остальных Он летал к Нептуну. То же самое сказано и остальным членам экспедиции.

Я выпил глоток нектара и зашагал по комнате под внимательным взглядом серо-зеленых глаз Мартина.

— А собака? Как Его встретил наш Го? Ведь его обоняние...

— С восторгом! У Двойника — твое подсознание, а ты говоришь о запахе! Питер, может, ты легче примешь свое положение, если будешь думать, что вы с Ним были одним человеком? Вместе учились, любили, работали. А сейчас пришло время расстаться. Он останется в вашей прежней жизни. У тебя будет новая...

Мы замолчали. Зеркальная поверхность блестела все так же раздражающе. Мне хотелось стать рядом с Мартином, но между нами была непроходимая стена. Вначале я ее вообще не замечал, а сейчас она отделяла меня от всего остального мира. Напоминала, что уже никогда я не буду его частицей...

Что же? Значит, не надо было прилетать? Но ведь это абсурд! Неужели... неужели я опоздал? Я не увижусь с матерью, Аллой... никогда не обниму сына?.. С ними останется Он. Что же будет со мной? Кто ответит на этот вопрос?

— Я не могу разрешить тебе разговора с близкими сейчас,— прервал затянувшееся молчание Мартин.— Но с другой стороны... Я признаю, что тебе необходимо выяснить вопрос до того, как ты выйдешь отсюда. Обещай мне...

Он включил связь. На моей половине комнаты, на стене над столиком, матово засветился экран. Я набрал на диске индекс сектора, в котором жил. Несколько поворотов переключателя — и перед глазами поплыла знакомая улица... Такая милая улица, обсаженная каштанами. Единственная в нашем городе. Вот мой дом, в который я теперь не имею права войти. Заросший кустами двор — такой таинственный и привлекательный в пору моего детства. Но я даже не заглянул в него... Где же отец? Должно быть, в своей святая святых — собственноручно оборудованной мастерской.

Конечно, он там. Что-то ремонтирует — в руках отвертка и какие-то детали. Заметив, что экран включен, поднял голову:

— Здорово, сынок!

— Здравствуй, отец, как себя чувствуешь?

— Э, дорогой, твой отец еще не настолько стар, чтобы так с ним здороваться! Что-нибудь случилось!

— Нет...

— Когда к вам заглянуть, чтобы починить стартер?

— Договорись об этом с Аллой. Впрочем, не попробовать ли мне самому? В последнее время у меня коечто получается.

— Ты?.. Ты его исправишь?

Мой отец всегда смеется так, немного старомодно... Хотя и не инженер, отец всегда справляется с нашими маленькими домашними проблемами. Ему приятно сознавать, насколько он нужен, необходим своему не-

умелому сыну. Ни за что на свете я не согласился бы поколебать его уверенность. Пусть останется с ней навсегда!

— Уж лучше ничего не трогай, а то только напутаешь. У него стало получаться! Вспомни, как позавчера ты «исправил» мотороллер, ха-ха-ха!

Прощай, отец! Для тебя я навсегда останусь рассеянным и неловким... Я никогда не смогу все тебе рассказать, никогда ты не будешь гордиться моим подвигом, никогда не узнаешь о страданиях и триумфе на Тритоне... Никогда...

К дьяволу! И мужчина имеет право заплакать, когда он теряет что-то очень дорогое. Но я — нет! Я не имею права! Я теряю ВСЕ!

Отчаянно, обреченно набираю номер видеофона в комнате сына. Я простился с отцом,— он верит Двойнику, это ясно. Что ждет меня здесь?

Я не должен вызывать сына на откровенный разговор. Такова договоренность с Мартином. Я только посмотрю на него и постараюсь угадать, чувствует ли он что-нибудь странное в Нем?

В ответ на мой вызов на экране сначала появляется слово «Видеозапись», а потом — изображение сына. Его голос: «Дорогие друзья, ухожу на тренировку. После обеда буду на Медвежьем озере. Сейчас десять часов».

Экран погас. Я подождал немного и опять набрал тот же номер. Все повторилось, как в первый раз. Я лихорадочно обдумывал последние слова сына. На Медвежьем озере я перед стартом приготовил ему сюрприз — подводный дом. И хотел подарить после возвращения. И вот сейчас... Нет, невозможно! А что иное могло привлечь его туда, в такую даль? Безусловно, дом подарил ему тот, Двойник. Дом, купленный и смонтированный мною!

Я опять хотел набрать номер, но мне помешал Мартин.

— Не надо,— в первый раз за все время подал он голос.— Ты только мучаешь себя. Не побеседовать ли тебе с матерью?

— С матерью беседовать я не могу.

Я долго не видел Аллу и не знал, что у нее опять короткая стрижка. Насмешливые зеленые глаза вернули

меня в прошлое, на большой карнавал под Черной вершиной, когда я едва узнал ее.

— Здравствуй, дорогой!— Ее голос заставил меня вздрогнуть.— Ты смотришь на меня так, будто давно не видел...

— Ты одна?

— Не совсем.

— Хотелось бы, чтобы ты была одна.

— Любовное признание?— за ее смехом я чувствовал скрытое беспокойство.

— Лучше было бы нам встретиться где-нибудь...

— Говори спокойно: здесь никого нет.

— Знаешь, мне кажется, что между нами не все гладко... Что-то происходит со мной, я изменился... Ты ведь заметила это, да?

— Глупости!

— Нет, нет, ты подумай. Предобеденные часы очень подходят для спокойного анализа. Не отрицай, что после экспедиции я изменился. И ты не так счастлива, как была раньше!

— Питер, возьми себя в руки! С тобой сегодня действительно что-то творится. О чем ты говоришь? Изменился ли ты? Перестань! Нет ничего странного — ни в тебе, ни в твоем поведении. Выбрось эту чепуху из головы! Слышишь? Лучше давай подумаем, куда бы нам поехать на следующей неделе? Может, еще раз спустимся в твою ужасную Медвежью пещеру?

Я не верил своим ушам. Как? Алла была с Ним внизу?

На мгновение в памяти промелькнула эта мрачная карстовая рана в теле Земли, с сотнями ответвлений, где из бездонных, промытых подпочвенными водами колодцев доносится шум подземных потоков. Не дай бог оступиться и упасть — черные волны подхватят тебя и унесут в безвестные глубины, и никто не узнает, что с тобой сталось...

— Ты о чем говоришь?— спросил я с испугом.

— Как о чем?— удивилась она.— О спуске в пещеру.

У меня не хватило сил ей ответить. Моя Алла отступилась от меня, не зная об этом...

— Что с тобой?— она с тревогой смотрела на меня.— Что-нибудь случилось?

— Ничего, сейчас все пройдет... Хорошо, что тебе понравилась моя пещера!.. И прошу тебя никогда не на-

поминай мне об этой моей сегодняшней слабости. И я забуду ее. Слышишь, никогда!

Мы с Мартином молчали. Я машинально тронул переключатель,— и на экране опять поплыла улица. Улица с дикими каштанами.

Итак, всему конец! Была надежда. Была — до разговора с Аллой. Мелодия — голубая, древняя — захватила меня целиком...

Каждое мгновение мы находимся на перекрестке. И как хорошо, что, выбирая один путь, мы не знаем ничего о другом. Только мне пришлось увидеть один из них осуществленным. Разве это возможно — наблюдать себя со стороны?

А Клод, Глез и Андрей? О, им повезло, с ними все хорошо! Их копии вне подозрений, и я никогда не скажу им о гибели тех, троих, на Тритоне. Не надо... А сам я уеду, скроюсь... По крайней мере меня не будет мучить мысль, что мои близкие страдают из-за меня.

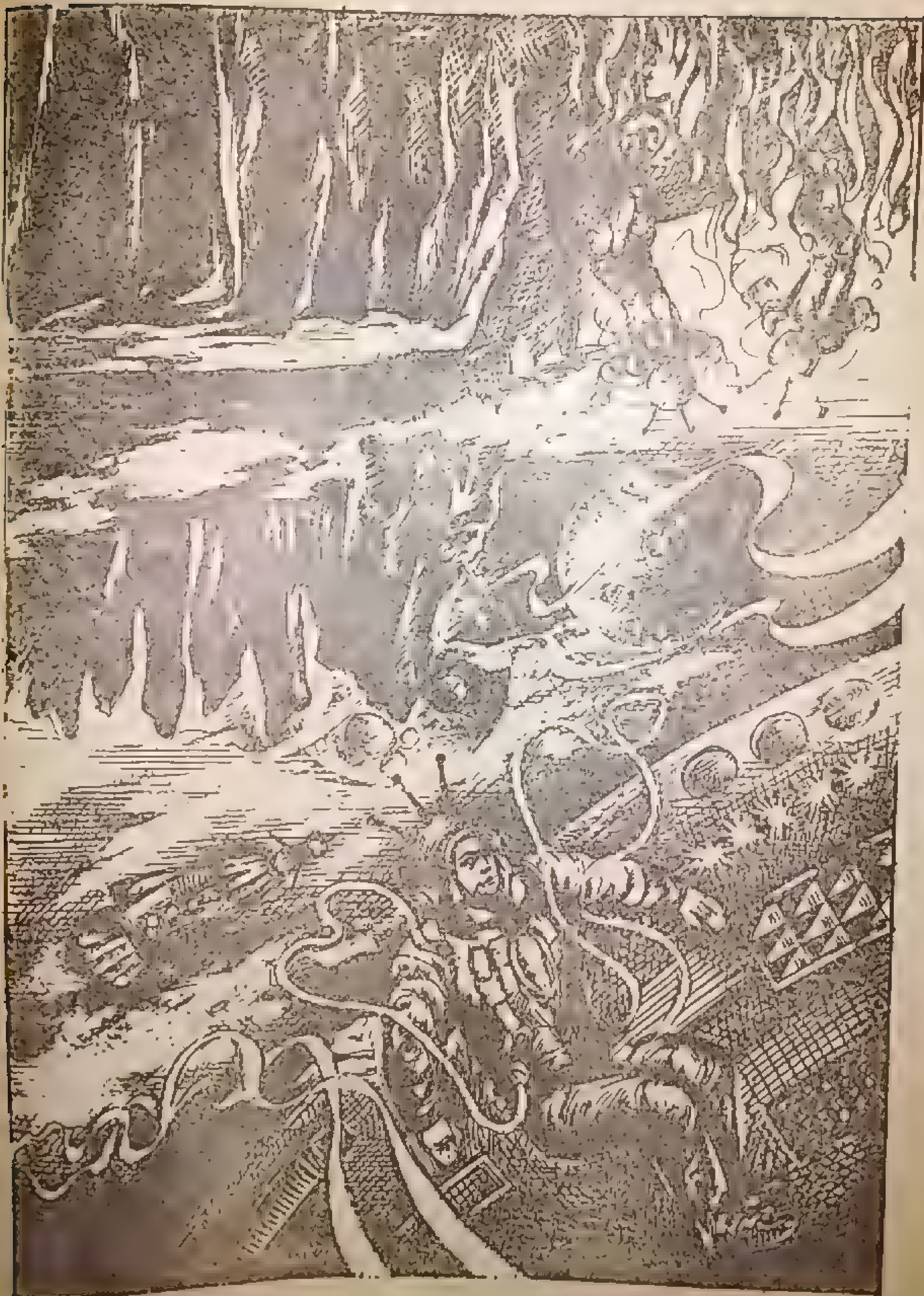
— Ты имеешь право послать Совету просьбу о «сосуществовании»,— донесся до меня, словно издалека, голос Мартина.— Ты можешь жить с другой Аллой, с другим сыном, где-нибудь далеко, в уединении.

Я чувствовал невероятную слабость. Земля слишком мала...

— Тогда что же?— прошептал Мартин.— Опять Космос?

Часть II

СТРАННЫЕ МИРЫ

Вильям Александров

ПЛАНЕТА МИФ

Триптих

МАШИНА

Домой я вернулся поздно. Заседание юбилейной комиссии по проводам двадцать второго века затянулось. Никто и не предполагал, что возникнет столько вопросов, связанных с нашим Университетом — я уж не рад был, что попал в число почетных выпускников. На меня взвалили доклад о проекте Всемирного кибернетического центра; доказывать, что на мне висят еще две несданных рукописи, было бесполезно — на каждом что-то висело, и каждый должен был что-то делать...

Разъезжались мы безмерно усталые, и все-таки настроение у всех было приподнятое, я видел. Пусть пока еще многое было неясно, далеко не все учтено и осмыслено,— общая картина идущего к своему завершению века начинала вырисовываться перед нами во всей своей грандиозности.

Дежурный автолет доставил меня к моей сто двадцать седьмой башне за три с половиной минуты, а скоростной лифт перенес с третьего — транспортного— на второй, жилой, ярус города еще быстрее—минуты за две. Еще минута в горизонтальном лифте, и я входил в свою квартиру, входил и слышал, как торопливо, словно жалуясь, защелкали электронные реле: включались душевая, гостиная, информатор и кухня — там уже давно был готов заказанный мной ужин, и теперь он, видимо, готовился заново — дефектоскоп забраковал его.

Информатор только стал мне рассказывать, кто звонил и по какому поводу, как тут же вспыхнула вогнутая стена-экран в гостиной, и я увидел на ней человека, которого любил, боготворил и которого уже потерял надежду увидеть.

— Аллан!— кинулся я к стене.— Наконец-то! Как я рад!

Я протянул руки, он протянул свои, и, хотя я натолкнулся на холодный, безжизненный пластик, создающий иллюзию глубинного изображения, мне показалось — мы все-таки почувствовали друг друга.

— Где вы сейчас, Аллан?

— Дома,— сказал он и подвернул регулятор. Изображение отодвинулось, я увидел комнату, его знаменитую, описанную в тысячах репортажей комнату, тахту, застеленную пятнистой шкурой, и его самого — он сидел на краю тахты, закинув ногу на ногу, в своем мохнатом черном глухом свитере, и мрачно рассматривал что-то на своей ладони.

— Теперь убедились?— спросил он.

Я увидел Юну, его жену, она сидела в другом углу тахты, поджав под себя ноги. Она заметила меня, слабо улыбнулась, помахала рукой.

— Убедился,— сказал я.— Господи, даже не верится. Вот если б не Юна, ни за что не поверил, решил бы, что вы морочите меня, как в прошлый раз, находитесь где-то в созвездии Лиры, или еще дальше, а говорите, что дома.

— На этот раз я действительно дома,— проговорил он как-то странно, я не услышал радости в его голосе. И вообще вид у него был какой-то, я бы сказал, подавленный.

— Что-то случилось, Аллан? Почему вас так долго не было?

Он шевельнулся, поежился как-то,— впечатление было такое, будто его гибкая, обтянутая черным фигура придавлена невидимой тяжестью. Он словно бы хотел стряхнуть с себя этот груз и не мог.

— Приезжайте, Виктор,— сказал он отрывисто.

— Обязательно! Завтра буду у вас.

— Нет, сейчас!— Он встал, подошел ближе к экрану, и я увидел крупно его лицо — гордое, прекрасное лицо сына Земли, сына двадцать второго века, знаменитого космонавта, поэта, ученого. Оно было прекрасно, это лицо, еще совсем молодое, с абсолютно белыми, седыми, волосами. В нем соединилось все лучшее, что могла дать человеку Земля,— мысль, мужество и поэзия...

— Я жду вас сейчас,— сказал он настойчиво.— Берите дежурную ракету... «Молнию» берите... Что хотите!

— Что-то случилось?

— Со мной — ничего... Как видите.— Он прикусил свою трубку.— Приезжайте!

Я хорошо знал своего друга. Если он звал меня посреди ночи, значит, он должен рассказать мне что-то совсем уж необычное, с чем столкнулся Там. Пока не расскажет, не успокоится.

— Хорошо, Аллан. Я сейчас.

Экран погас.

Благо, я не успел переодеться в домашнюю одежду — ее мне услужливо протянули руки автомата-гардеробщика.

Тем же путем я проехал до башни. Поднялся на самый верх, вышел на площадку.

Дежурные ракеты повисли на пусковых рамах, нацеленные в звездное небо,— три белых, две желтых и одна — небольшая красная. Звезды горели рядом. В черном бархатном небе они казались тоже созданием рук человеческих, светляками, зажженными вокруг Земли для красоты, для мечты, для того, чтобы звать людей в неизведанное...

Внизу, где-то в полукилометре под нами, словно отражение звездного неба, застыл на втором ярусе ночной город — такие же светляки, разбросанные на огромном пространстве для удобства людей, живущих и работающих здесь, над землей.

А еще ниже, на самой земле, шумели густые леса, росли сады, цветники, декоративные деревья. Их отсюда не было видно, они только угадывались по слабому, едва слышному шуму и волнам ароматного воздуха, долетающим время от времени до верхнего яруса.

Я вошел в пустынное здание ракетной станции, прошел в комнату дежурных пилотов. Они сидели за столом, играли в шахматы. Их было пятеро — в полной готовности, в комбинезонах, только шлемы лежали рядом.

Четверо играли, а пятый просматривал свежий номер журнала «Поэзия» — я узнал его по обложке.

— Здравствуйте,— сказал я,— извините за беспокойство, но мне надо срочно вылететь в Крым.

— Что-то случилось?— спросил один из них, переставляя фигуру.

— Вернулся мой друг из космоса. Он ждет меня. Это Аллан.

При имени Аллана все четверо обернулись ко мне и

взялись за шлемы, а тот, который просматривал журнал, отложил его и встал.

— Оставайтесь, ребята,— сказал он тоном старшего.— Я сам поведу «Молнию».

Он подошел к программному пульту, нажал несколько клавиш. Машина тут же выдала перфокарту полета, с учетом погоды на всем пути, времени суток, а также всех трасс, действующих в данный момент.

Он посмотрел на экран.

— Лучше описать дугу вокруг шарика, чтобы зайти в Коктебель с запада. Не возражаете?

— Как вам будет удобней. Время намного увеличится?

— Минут на двадцать.

— Ничего, давайте.

Он надел шлем, подключил наушники. Мы пошли к выходу, и тут ко мне подошли все четверо. Каждый протягивал фотографию Аллана, вырезанную из какого-нибудь журнала. Он был тут и во всем космическом облачении перед стартом, и на пляже — обнаженный, загорелый, сверкающий радостной улыбкой — в буйной морской пене, и склонившийся над приборами в Главном Космическом Центре, и на трибуне какого-то всемирного форума... Где они только выкопали в одно мгновение эти фотографии — ума не приложу, скорей всего таскали их с собой все время.

— Попросите его, если можно,— проговорил один из них,— автограф...

Я пообещал, собрал фотографии, сунул их во внутренний карман. Затем пожал каждому из них на прощанье руку, и они, видно, были очень довольны. Им казалось, что через меня они как бы приобщились к нему.

Мы с пилотом поднялись в ракету, заняли свои места в креслах — он впереди, я — подальше, в глубине и сбоку. Это была маленькая, аварийная ракета, рассчитанная на троих-четверых, не больше. Мой пилот заложил перфокарту, включил обрабатывающее устройство и, пока оно выдавало сигналы на пульт, задраил люк.

— Ремни пристегнули?— спросил он меня, не оглядываясь.

— Пристегнул.

— Хорошо. Перевожу в горизонтальное положение.

Кресло подо мной стало выпрямляться, превращаясь в лежанку, и в то же время я почувствовал легкую виб-

пенно, сознание затуманилось, наступил сон. А когда я проснулся, то увидел на экране проплывающие под нами очертания континентов.

— Проходим Камчатку...— услышал я голос пилота.— Идем над Тихим океаном.

Некоторое время он молчал. Потом сказал со вздохом:

— Вот так мы работаем — космические извозчики... Возим по ночам по всяким экстренным вызовам.

— И часто приходится вылетать за ночь?

— Когда как... Вы сегодня третий. Одного я в Антарктику возил, у него там жена в экспедиции. Другой — старичок, физиолог, помчался на ночь глядя на Борнео, там сложная операция по его методу...

— Ну что ж, я считаю, у вас благородная миссия.

— Благородная, конечно... Да разве ж это работа для космонавта?! Давно уже пора перейти на беспилотные перелеты — дискуссию в «Литературной газете» читали? Садитесь, нажимаете кнопку и выходите в точно назначенном пункте. Ведь моя роль сейчас к чему, собственно, сводится? Вот развлекаю вас — и только... А так ведь все автоматы делают.

— А в дальнем космосе?

— Что вы! Совсем другое дело! Там — творчество, решение неожиданных задач... То, что делает ваш друг, Аллан, это достойно преклонения!

— Ничего,— утешил я его.— И у вас будут свои галактики.

— Прошли Америку,— сказал он,— идем над Атлантическим...

Вскоре мы пересекли южную часть Европы и вышли к Черному морю точно на широте Коктебеля. Началось торможение, ракета переходила на режим воздухоплавания, затем мягко причалила к мачте коктебельской станции.

— Ну вот,— сказал пилот с грустной улыбкой,— путешествие окончено. Про автограф не забудьте, пожалуйста.

— Не сомневайтесь!— Я похлопал себя по карману.— Доставлю на обратном пути. Вас зовут Александр?

Он просиял.

Мы попрощались, я вышел на площадку, спустился на второй ярус, проехал немного по горизонту и, минут десять спустя, входил в прозрачную спиральную гале-

тею аллановского дома, нависшую прямо над морем.

Меня встретила Юна. Она была в таком же, как он, темном облегающем костюме, и это еще больше подчеркивало мраморную белизну ее лица, грацию каждого ее движения.

Она взяла меня за руку.

— Простите, Виктор... Но он места себе не находит. Вы же знаете...

— Все правильно,— сказал я.— Пойдемте.

Мы пошли по галерее, по мягкому полупрозрачному ковру, сквозь него, прямо под собой я видел кромку берега, ночной порт и какой-то сверкающий огнями, видимо, прогулочный корабль, который выходил в открытое море. Мы обогнули галерею, вступили на площадку, и тут же раздвинулись створки стены, пропуская в комнату.

Аллан встал мне навстречу.

Мы обнялись.

— Садитесь, Виктор,— он показал глазами на свое рабочее место справа от экрана.— Садитесь... А я ходить буду.

Я сел за наклонное бюро с набором клавиш. Когда он возвращался, он всегда усаживал меня здесь, и на время я как бы превращался в пилота его корабля, а он имел возможность посмотреть на все, что было, со стороны. Это, видимо, помогало ему.

— Вы знаете, куда я уходил?

— Да, знаю,— сказал я.— Вы летали в созвездие Лиры.

Он поморщился. Понятие «летать» он считал чисто земным, воздушным. Он считал, что при помощи космического аппарата человек сдвигается во времени, уходит в дальние временные сферы и тем самым перемещается в пространстве.

— А зачем я уходил к Лире, вы знаете?

— Знаю, вы искали эту странную блуждающую планету, которая все время меняла свою орбиту.

— Это верно, как факт. А почему она меня интересовала, вы знаете?

— Ну... Я полагал, что с точки зрения науки важно понять, почему она меняет орбиту. Разве не так?

— Так... Так...

Он ходил по своему прозрачному ковру, отмеривал одинаковое число шагов туда и обратно, потом ему, видно, надоело, он вышел за пределы комнаты, пошел

н галерее. Я хорошо видел его стройную темную фигуру, пересекающую световой коридор. Он погасил больной свет в галерее, за стеклянными стенами обозначилось звездное небо, оно надвинулось, приблизилось вплотную, и впечатление было такое, будто темная фигура Аллана движется сейчас прямо по звездам.

Он быстро шел по галерее, что-то высматривал в небе, а голос его я слышал здесь, рядом с собой, у пульта.

— Все это так, Виктор. Для всех я ушел, чтобы понять, почему она блуждает. Но был один человек в мире, который знал кое-что еще, которого интересовала не столько физическая, сколько человеческая проблема.

— Человеческая? Там, на этой планете?

— Да, был человек, которого волновала судьба людей. Этот человек был я.

— Ничего не понимаю. Погодите...

— Сейчас поймете. Вы видите, во-он там, слева от Веги, видны крайние звезды Лиры... Они видны не часто, лишь в такие вот ночи. Видите?

Он протянул руку, и я увидел над морем несколько слабых звездочек. Они то появлялись, то исчезали, затуманенные расстоянием.

— Так вот,— продолжал Аллан,— в одну из таких ночей мы стояли вот здесь, вместе с Юной, и она сказала... Ты помнишь, Юна, что ты сказала тогда?

— Помню. Я сказала, что нашла любопытный документ в Космической библиотеке.

— Совершенно верно. Все началось с Космической библиотеки, с этого документа.

Аллан вынул из подкладки свитера несколько листков, показал нам.

— Это фотокопии. В одной из книг о полетах двухвековой давности оказались вот эти листки, своеобразный манифест группы американских ученых. Из него явствовало, что группа, именовавшая себя «кибернистами», разочаровавшись в возможностях корпорационного капиталистического государства и в то же время отвергая путь социалистического переустройства общества, выдвинула идею создания совершенного кибернетического устройства, которое, по их мнению, только и могло решить проблему создания идеального капиталистического общества.

В своей критике корпорационного капиталистического государства кибернисты ссылались на многие социальные исследования, документы, книги. Но более все-

го они цитировали книгу американского философа XX века Чарльза Рейха «The greening of America». Там было много выдержек, но я приведу лишь одну. «Американское корпорационное государство, в котором мы живем,— читал Аллан,— это безмерно могущественная машина,— упорядоченная, узаконенная, рациональная, но при этом полностью находящаяся вне человеческого контроля и безразличная к человеческим ценностям... В апартаментах руководства на стенах могут висеть Леже и Брак и стоять столы из стекла и металла, но то существо, которое в этой комнате выглядит как человек, на самом деле является лишь выражением того, что требует от человека организация. Он не руководит машиной, он лишь обслуживает ее...»

Какие бы законы люди ни придумывали,— заявляли кибернисты,— какие бы правила взаимоотношений они ни устанавливали, контролировать и регулировать точное соблюдение этих правил они сами не в состоянии. Это, по мнению кибернистов, могло сделать лишь идеальное программное устройство с обратной связью, которое, в отличие от бездушной машины корпорационного государства, сможет обеспечить расцвет гуманного капитализма. Такое устройство они разработали и решили проверить правильность своей идеи «в чистом виде», то есть на новой планете.

Они снарядили целый ракетный комплекс «Лира», собрали несколько сот единомышленников и стартовали из района Флориды к созвездию Лиры, где к тому времени была найдена планета, сходная по условиям с Землей.

Аллан замолчал. Он по-прежнему стоял в том самом месте галереи, стоял к нам спиной, лицом к той, едва различимой точке звездного неба, и я чувствовал, как напряжены его плечи, словно он держал на себе какую-то тяжесть.

— Это было более двухсот лет тому назад!— сказал я.— И с тех пор ничего не было о них известно?

— Было. Спустя несколько лет промелькнуло сообщение, что из созвездия Лиры поступают радиосигналы. Мне пришлось перерыть горы газет, прежде чем я обнаружил кое-какие упоминания о содержании этих сигналов. Просто поразительно, до чего же коротка оказалась память людей. Когда пришли эти сигналы, долго вспоминали и гадали, пока наконец сообразили, что это экспедиция кибернистов дает о себе знать. Правда,

возможно еще и другое объяснение: в связи с тем, что человечество в то время было занято активными социальными преобразованиями общества, к экспедиции киберистов никто всерьез не относился, да и не до них было. Тем не менее из нескольких туманных сообщений можно было понять,что, по сведениям, поступившим с Лиры, экспедиция увенчалась успехом, и что они якобы зовут землян последовать их примеру.

— Кто-нибудь последовал?— спросила Юна.

— Да. Лет пять спустя туда вылетел еще один комплекс, теперь уже из района Австралии,— несколько тысяч человек. И снова через несколько лет поступили сигналы, из которых можно было понять, что общество их существует и управляется оно совершенной кибернетической машиной. Кончалось сообщение словами: «Да здравствует Машина!»

— Значит, и эти долетели?— спросил я.

— Видимо, так,— сказал Аллан.— К Лире пробудился интерес, одно время о ней писали в прозе и в стихах, кое-кто пародировал, кое-кто высказывал фантастические предположения... Родилось даже такое бюро «Земля — Лира», которое собиралось заниматься переброской туда желающих, но таковых больше не оказалось, да и сообщений больше не поступало. На все запросы с Земли Лира молчала, и постепенно о ней стали забывать. К середине нашего века забыли уже настолько прочно, что когда обнаружилась блуждающая планета, никто не связывал это с Лирой. И я бы, пожалуй, не вспомнил, если бы Юна не натолкнулась тогда в Космической библиотеке...

Аллан уже вернулся из галереи. Он сел на тахту рядом с Юной, она прислонилась к нему плечом. Он не шевельнулся.

— Скажите, Аллан, а почему вы связали в то время эти два факта — манифест киберистов и блуждающую планету?

— Законный вопрос. Если бы меня спросили тогда, я вряд ли мог бы ответить. Теперь я, пожалуй, знаю, отчего возникла в моем сознании эта связь, а тогда... Казалось, просто интуиция. Я стал изучать все, что было известно о блуждающей планете. Известно было немного: она постепенно меняла свою орбиту, вытягивала ее, и, таким образом, в поле ее притяжения попали другие планеты системы «Лира», стали ее спутниками. Вот и все, что было известно. Официально я

возглавил экспедицию, чтобы разобраться с этим, но уже тогда я подозревал кое-что другое...

Он встал, опять прошелся по кабинету.

— Включите запись,— сказал он мне.

Я нажал клавишу. На экране вспыхнул большой оранжевый диск.

— Дайте увеличение,— попросил он.

Я стал поворачивать ручку, диск приближался, заполнил весь экран, и вот стали различимы на нем отдельные пятна, соединенные тонкими нитями.

— Вот это увидели мы, когда подходили к планете,— сказал он.— Казалось бы, все нормально, это был типичный пейзаж обжитой, заселенной планеты, и в то же время чем ближе подходили мы к ней, тем больше нарастало беспокойство. Тревожное, щемящее чувство возникало в груди, когда я стоял у экрана, видел эти огромные, прекрасно спланированные города, какие-то колоссальные промышленные сооружения, великолепные магистрали и не мог понять, почему она молчит, почему не отзывается, почему ни один радиосигнал не прорывается оттуда. Кто-то из наших высказал предположение, что какой-то непроницаемый для радиосигналов слой закрыл планету. Но, во-первых, радиосигналы раньше поступали; во-вторых, можно было вывести искусственные спутники поверх этого слоя, в-третьих, наша радиолокация показала, что сигналы свободно проходят, отражаются от поверхности планеты и беспрепятственно приходят обратно.

Следовательно, что-то там произошло. Но — что?

Мы уже легли на эллиптическую орбиту, подходили в перигелии совсем близко к планете, и тогда на наших экранах можно было различить многоэтажные сооружения, судя по всему, жилые массивы, промышленные комплексы, расположенные отдельно. Мы видели ракетные станции, башни, ракеты... Но ни одного живого признака, подтверждающего присутствие человека, мы не обнаружили. Впрочем, для этого мы были довольно далеко.

Мы перешли на круговую орбиту, стали выбирать место для посадки. Зонды, запущенные нами раньше, показали, что атмосфера планеты близка к земной, радиация — в пределах нормы, температура — 25—30 градусов.

Мы выбрали большую площадь, судя по всему, от-

веденную когда-то для посевов, а сейчас покрытую ровной желтоватой растительностью.

Корабль посадили благополучно и несколько часов ждали, думали, увидим какие-то признаки жизни, людей — ведь посадка космического корабля не может пройти незамеченной.

Ничего...

Только ветер раскачивал высокую желтоватую траву вокруг нас, да какие-то огромные черные птицы пролетали в отдалении, вскрикивая резкими гортанными голосами.

Так мы провели в корабле ночь, стояли возле иллюминаторов, глядели в багрово-фиолетовое небо, по которому плыли одна за другой оранжевые луны, стянутые с других орбит, и нам казалось, что это чьи-то воспаленные, предостерегающие глаза следят за нами с неба...

А под утро, часа за два до рассвета, произошел необычайной силы волновой разряд. Это был очень короткий, мгновенный импульс, но сила его была колоссальной. Наши приборы показали, что если бы не обшивка корабля, этот волновой удар мог бы оглушить человека, лишить его сознания.

Но все это без малейшего звука, без движения... Все было так же тихо, спокойно. Так же покачивалась под ветром желтая трава и оранжевые луны плыли по фиолетово-багровому небу.

Потом наступил рассвет. Небо сделалось темно-синим, затем зеленоватым, затем желто-лимонным. Померкли луны. Исчезли птицы. Ушла зловещая напряженность ночи, и все вокруг показалось не таким уж мрачным...

Команда ждала разрешения выйти из корабля, я их понимал — долгие месяцы полета, анабиоз, переход к субсветовым скоростям — все это, конечно, не могло пройти даром, люди устали. Но я удерживал их, ждал новых сюрпризов, вроде того волнового удара.

Однако больше ничего не было. Только на следующую ночь, перед рассветом, повторилось то же самое — короткий мощный разряд — и все.

Я приказал всем надеть защитные шлемы.

Мы вышли на третье утро. Выходили группами, по очереди — одна группа на воздухе, примерно часа полтора, остальные на корабле. Я приказал своему заме-

стителю следить за этим распорядком, а сам с двумя людьми вылетел на предварительную разведку.

Мы полетели на малой авиетке, облетели район посадки, убедились, что ничего интересного нет, определили по снимкам, сделанным с орбиты, направление к ближайшему городу, примерное расстояние до него, радировали на корабль и двинулись к городу, прикинув, что будем там примерно через час.

Под нами шла та же заросшая желтой травой равнина, такая же плоская и такая же колышущаяся под ветром. Больше ничего... Только в одном месте мы пересекли какую-то желтую полосу.

— Посмотрим поближе,— сказал я пилоту.

Мы вернулись и полетели вдоль этой линии. На высоких опорах из светлого прочного материала шла над землей труба, сантиметров двадцати в диаметре, ярко-желтого цвета. Ясно было, что это линия передачи. Но какая? Что она передавала? Откуда и куда? Мы только отметили по снимку эту линию и полетели дальше.

Примерно через полчаса полета нам встретилась другая такая же линия, только труба была побольше диаметром. Шла она под некоторым углом к первой. Проложив по карте направление, мы пришли к выводу, что они должны пересечься в стороне, противоположной той, куда мы летели.

Вот и все. Больше ничего любопытного не было за время нашего полета, если не считать того, что, подлетая к городу, мы увидели отходящую от него такую же линию, идущую примерно в том же направлении.

Город открылся сразу. Здесь не было пригородов, не было окраин. Сразу за огромным бетонным кольцом автострады начинался многоэтажный, расположенный по типу наших, земных,— в три яруса — город. Нам пришлось подняться выше — к транспортному ярусу, предназначенному для ракет и авиеток.

Мы летели над городом. Внизу, на почве, бушевали буйно разросшиеся деревья. Вверху, на уровне с нами, летали птицы. А во втором, предназначенном для людей, ярусе шла своя удивительная жизнь.

Двигались горизонтальные лифты, открывались и закрывались их двери; в товарные галереи сплошным потоком поступали по конвейерам новые товары, по другим — увозились старые товары; в домах работали кухни, подавались на столы обеды и ужины, затем убирались со стола; включались и выключались много-

численные реле — обогрева, информации, питания, уборки... Словом, здесь делалось все, что нужно было людям, было предугадано малейшее их желание, великолепно продумано все, что только могло понадобиться им в любой момент дня и ночи...

Вот только самих людей не было.

Мы летели вдоль яруса, видели работающие конвейеры, лифты, кухни, но ни одного живого существа не было на всем протяжении нашего полета. Только птицы — эти огромные черные жирные птицы, иногда спускались до уровня второго яруса, хватали что-нибудь с тележки конвейера и взмывали ввысь, радуясь своей добыче.

Мы облетели весь город, просмотрели каждую линию, каждую магистраль — всюду одно и то же... Все работало, двигалось, закрывалось, открывалось... Людей нигде не было.

— Может, они внизу,— упавшим голосом сказал Адриан, наш пилот.— Может, они сегодня отдыхают?

— Все до одного? До единого?!

И все же мы спустились вниз, полетели над деревьями, над садами, над озерами. Здесь все было великолепно: зелеными волнами колыхались под нами гигантские деревья, сверкали озера, окаймленные песчаными берегами, совершали рейсы прогулочные теплоходы... Мы видели сверху, как они с точностью до минуты подходили к пристани, стояли положенное время, затем отчаливали, делали круг по озеру и подходили к пристани снова... Даже музыка играла на них — мы слышали. И даже флажки выбрасывались в нужный момент, когда эти теплоходы (или самоходы — не знаю, как их назвать) встречались друг с другом. Но все это совершалось само собой, как в игрушечном царстве, где под действием невидимой пружины все движется, кружится, вертится, прыгает, играет, но все это лишь подобие жизни, лишь ее бездушный отголосок.

И единственное живое во всем этом были черные птицы. Они и здесь появлялись иногда, разрывая тишину гортанным, режущим криком...

Стало жутко. Я видел, как Адриан ведет машину рывками, видел, как вцепился наш астрофизик Гей в поручни возле иллюминатора, как подрагивают его светлые усы...

— Куда же они все делись?— крикнул Адриан. Он хотел добавить еще что-то, но голос его сорвался.

— Поднимайся вверх! — я показал ему рукой. — Вверх! На сегодня хватит. Возвращаемся на корабль.

Мы летели обратно, опять пересекали желтые трубы, но теперь смотрели на них с жутковатым чувством — черт знает, что они несут в себе, и черт знает вообще, что здесь происходит, на этой идиотской планете.

Мы уже подлетали к кораблю, когда Гей произнес первые слова:

— Если предположить — что-то случилось и они все погибли, то почему нет никаких следов? Где развалины? Где останки? Почему все идет, как ни в чем ни бывало?

— Музыка играет... — сказал я.

— Да... Музыка. — Он еще больше нахмурился. — Что вы думаете, Аллан?

— Не знаю, — сказал я, — подождем Валентина.

Группа под руководством нашего физиолога Валентина должна была вылететь через час после нас в другом направлении.

Мы вернулись на корабль часам к четырем по местному времени, а к пяти прибыл со своей группой Валентин. Они облетели другой такой же город и видели то же самое... Ни одного человека не встретили — ни живого ни мертвого. На обратном пути они натолкнулись на промышленный комплекс, он весь был в глубине, и только продукция его — какая-то темная паста в банках — непрерывным потоком выдавалась на поверхность и развозилась в разных направлениях точно по графику подъезжающими платформами.

Валентин взял с собой две банки, и одну мы тут же отправили в лабораторию на анализ — хотя нетрудно было догадаться — результат вряд ли что-нибудь прояснит.

Мы собрались в зале. Настроение у всех было мрачное.

Долго молчали, потом словно прорвало, стали наперебой высказывать предположения, куда могли деваться люди. Были рассмотрены самые невероятные варианты, но ни один из них не мог объяснить всего, что мы видели.

— Я хочу знать, куда идут эти трубы. Куда и зачем? Может быть, тогда мы что-то поймем...

Они смотрели на меня с недоумением — при чем тут трубы, когда такое творится?

Принесли результаты анализа: витаминный концен-

трат высокого качества. Кого собирались кормить этим концентратом? Кто собирался кормить? Уж не смазывают ли им орбиту планеты, чтобы удлинять ее?

Они продолжали спорить, а я спустился в свою каюту, вызвал наш спутник, который мы оставили на орбите, дал команду на максимальное увеличение объектива.

На экране проходили равнины и взгорья, время от времени проплывали города. Они видны были крупными пятнами, и от каждого отходила тонкая нить. Этих нитей на экране становилось все больше и больше, вскоре они превратились в густую сходящуюся сеть... Я так и думал...

Наконец я увидел то, что ждал,— огромный город, к которому со всех сторон тянулись нити. Он, словно паук, стоял в центре своей паутины, охватывавшей всю планету...

Это был колоссальный город, намного больше тех, что мы видели. Он состоял из концентрических кругов, а в самом центре было что-то бесформенное, непонятное, похожее на груду поваленных кубиков — разглядеть подробнее было трудно — сооружение промелькнуло и опять пошли концентрические круги. Теперь я видел другую сторону спрута, и опять — эта густая паутина, расходящаяся по всем направлениям...

На следующий день я дал всем своим людям задания. Они должны были изучить близлежащую местность, уточнить координаты корабля, его положение относительно полюсов и экватора, уточнить наклон оси планеты, ее орбиту, период обращения...

Словом, я надавал им работы, а сам взял малую авиетку и сказал, что хочу совершить прогулку один. Это было не по правилам, но я все-таки командир, я мог позволить себе исключение из правил.

Я оставил заместителем Гея, договорился с ним обо всем, обещал держать связь, наметил запасные пункты встречи, установил контрольный срок и вылетел по направлению к Спруту, как я его теперь мысленно называл.

Я летел к городу-спруту и видел, как постепенно сходились к нему все желтые нити. Дороги к нему не доходили, транспорт не приближался, но эти нити, как кровеносные сосуды, проходили сквозь все заграждения, сквозь густые высокие сетки, сквозь ряды каких-то сверкающих прутьев, сквозь толстую стену из плотного

черного материала, опоясывающую весь город снаружи.

Я хорошо видел эту стену, она была уже почти подо мной, когда авиетку качнуло и отбросило в сторону. Она как бы наткнулась на невидимый шарообразный барьер, скользнула по нему и пошла по касательной. Я ожидал чего-то подобного. Если все так тщательно ограждалось снизу, было бы нелепо оставлять все открытым сверху. Здесь, видимо, существовал какой-то магнитно-силовой купол, пройти который не так просто.

Я стал облетать вокруг. Теперь я видел вблизи квадратики и прямоугольники, выстроившиеся концентрическими кругами. Это были многоэтажные дома, если можно так назвать колоссальные каменные коробки, состоящие из каких-то ячеек. Каждая ячейка отличалась окошком, в котором беспрерывно вспыхивал и угасал свет. То он был ярким, то средним, то едва различимым; то он был белым, то голубым, то темно-красным. Таких окошек в каждом каменном небоскребе был миллион, и все они переливались, ежесекундно меняя яркость и цвет... Зрелище было завораживающее — оно гипнотизировало, притягивало своим беспрерывным мельканием — впечатление было такое, что это живет и дышит многомиллионный город, что за каждым таким цветастым окошком — чья-то судьба, чьи-то радости, тревоги... Но я понимал — здесь нет ни одного человека. И мне снова стало жутко.

Я летал вокруг города-спрута, раздумывая над тем, не вернуться ли мне обратно, и тут увидел, что в одном месте стена, опоясывающая город, разрывается и сквозь нее проходит движущаяся лента, по которой непрерывным потоком идут в город материалы — готовые ячейки (из них, видно, складывались дома), какие-то трубы с проводами, целые блоки приборов, закрытые чаны с жидкостями или растворами, металлические и пластиковые конструкции... Внутри города материалы автоматически сортировались, направлялись по разным каналам и потом, насколько я мог понять, доставлялись к местам, где автоматы быстро собирали из готовых ячеек все новые и новые небоскребы, мелькающие цветастыми окошками.

Широкая, метров пятнадцать, лента безостановочно несла в город материалы, а лента поуже выносила из города отходы. Все совершалось с поразительной четкостью и точностью, особые контролирующие устройства, видимо, придирчиво наблюдали за каждым попоро-

8—3340

том подаваемой детали, не давали ей сдвинуться с положенного места ни на сантиметр — механические лапы тут же поправляли ее, и все шло, как заведенное, дальше.

Я подумал о том, что эта беспримерная четкость могла быть действительно образцовой, если бы во всем этом была хоть капля одушевленности, если бы здесь была хоть одна живая душа...

Живая душа! Лента... и живая душа! Ну, конечно! Это, пожалуй, единственная возможность. Я посадил авиетку вблизи конвейера, дождался, когда мимо проезжала ячейка на подставках, прыгнул на ленту и лег между подставками — так, что был прикрыт сверху деталью.

Я соскочил, как только лента прошла все заслоны, не дожидаясь, пока ячейку подхватят механические лапы. Соскочил, ощутил под ногами слегка шероховатое пластиковое покрытие — им был устлан весь город,— и меня охватило странное чувство... Все вокруг меня было творением человека — его разума, его гения, его действия,— и в то же время все это существовало теперь уже отдельно от человека, жило какой-то своей, собственной жизнью, было чуждо, а может быть, и враждебно человеку. Я даже не знал, ступала ли сюда нога человека, не я ли единственный из всех людей проник сюда...

Я шел к центру, к тому самому очерченному тремя кругами центру, который я видел только одно мгновенье на экране. Сюда влекла меня неодолимая сила, убеждение, что именно здесь я найду разгадку этой странной тайны. Но чем больше приближался я к центру, тем труднее становилось продвигаться. Я начал сталкиваться с неким нарушением порядка — то проход был загроможден материалами, то лифт не работал, даже стали попадаться какие-то обломки.

Сначала это не очень затрудняло движение, но чем дальше, тем больше я встречал обломков, развороченных строений, а когда пересек последний круг, увидел, что надо перебираться через горы камней, металла, спутанных проводов... И все-таки я не останавливался, карабкался, проваливался, снова взбирался и упорно шел вперед, чувствуя, что близок к цели.

«Вперед! — говорил я себе.— Еще немного! Совсем немного!»

В одном месте, перебираясь через обломки разби-

того дома, я, видно, нарушил равновесие, и глыбы камней пришли в движение. Они начали сползать, падать, одна ячейка грохнулась возле меня и словно взорвалась — во все стороны разлетелись крошечные разноцветные кристаллы. Я весь был обсыпан ими, они были похожи на бусы, только у каждого была своя, особая, сложная форма. Я решил набрать пригоршню, стал собирать их, и тут увидел странный плоский блестящий предмет, вернее пластинку. Я подобрал ее и стал пробираться дальше, карабкаясь вверх по обломкам.

Когда я взобрался на самую верхнюю глыбу, день уже был на исходе, подступали сумерки, в их багрово-сером свете я и увидел центр. Это была груда поваленных небоскребов. В середине зияла огромная воронка, а вокруг нее, словно детские кубики, лежали поваленные друг на друга колоссальные каменные коробки. Они были мертвы, они были выворочены с корнем невероятной силы взрывом, но их окошки все еще мерцали — тусклым, безжизненным светом... Или это мне показалось?

В тот день я больше не мог оставаться там, уже темнело, и меня вдруг охватил страх, мне показалось, что я не выберусь отсюда. Уже в темноте я добрался до авиетки, заночевал в ней. На корабль я радировал, что все в порядке, вернусь через день — два. А следующим утром я полетел в город, нашел библиотеку и весь день провел там, просматривая их книги, газеты, журналы — благо, автоматы послушно выдавали мне все, что я просил, по первому требованию. Потом я снова полетел к Спруту, я бродил по развалинам, подбирал обрывки магнитоленты, пленок, куски перфокарты. Я собрал все, что можно было унести с собой...

Перед тем как уйти, я снова взобрался на груду обломков и долго смотрел на черную обуглившуюся воронку, из которой все еще шел запах гари. Я думал о судьбе того, кто сделал это...

Я вернулся на корабль, собрал людей, рассказал им обо всем, что видел. После долгих споров было решено, что мы разделимся на несколько групп. Одна займется изучением города-спрута. Другая будет изучать материалы в библиотеках, выберет оттуда все, что поможет восстановить истину. Третья, четвертая и пятая обследуют всю планету, проведут съемки.

Так мы и сделали.

Я периодически навещал каждую группу, но основ-

ное время проводил в библиотеке, которую нашел в первый раз. Я считал (и потом выяснилось — справедливо), что книги, газеты и журналы дадут больше всего материала для того, чтобы понять до конца, что здесь произошло.

Так мы работали без передышки около месяца.

А затем, уже на обратном пути, мы обработали все документы, сопоставили факты, и картина разыгравшейся здесь трагедии встала перед нами со всей очевидностью.

Они создали кибернетическое устройство с обратной связью, регулировавшее всю их жизнь, и на первых порах оно им действительно помогло. Постепенно они все больше передавали Машине функции управления, и она разрасталась непомерно, превращаясь из большого дома в комплекс домов, а затем в целый кибернетический город.

Потом они сделали последний шаг, они отдали ей власть над каждым человеком в отдельности. И это погубило их окончательно.

Вы спросите, как это произошло?

На каком-то этапе Машина, в которую была заложена идея постоянного совершенствования, потребовала связи с мозгом каждого члена общества. Она мотивировала это необходимостью правильно регулировать их жизнь.

Так, например, после того как она стала выбирать сферу предпринимательства каждого, учитывая его данные, наклонности, возможности, стала выбирать сама — кому где жить, чем заниматься,— опять же из соображений наилучших возможностей предпринимательства — она пришла к выводу, что вопрос о нахождении человеком пары может наиболее рационально и правильно решить только она. Ну, в самом деле, может ли мужчина сказать, что он женится на той единственной женщине, которая из всех существующих на планете ему больше всего подходит? Может ли то же самое сказать женщина? А Машина могла — ведь в нее закладывались данные о каждом человеке. Первоначальные данные. Но для того, чтобы точно контролировать все изменения, происходящие с человеком, она должна постоянно, ежесекундно быть в курсе всех изменений. Отсюда появилось требование Машины о постоянной связи с мозгом каждого человека. Требование исходило из соображений о будущем — ведь речь шла о здоро-

вом потомстве. Кроме того, Машина аргументировала свое требование необходимостью иметь постоянную информацию об изменениях в области знаний, в области эмоций, чтобы правильно регулировать коньюнктуру производства и рынка. Тем не менее они долго сопротивлялись, не соглашались на это, дискутировали очень много, я это видел по их газетам, но в конце концов согласились. К этому времени Машина играла уже такую роль в их жизни, они все уже так от нее зависели и так ей верили, что пошли и на этот, видимо, роковой для них шаг... Потому что, получив связь с каждым в отдельности, она получила и власть над каждым в отдельности. В случае надобности она могла уже воздействовать на каждого, используя свои собственные волны...

Вы спросите, как она это делала, каким образом? В книгах по этому поводу не было ни слова, возможно, об этом не принято было говорить. Но на всех картинках стали появляться люди с изогнутым металлическим гребнем, охватывающим затылочную часть головы. Гребень был блестящий, красивый, с зубцами по верхнему краю, и сначала я думал, что это украшение, вошедшее в моду. Но потом я обратил внимание — с этим гребнем не расставались никогда, он был на них и во время купания, и во сне, и дома, и на работе, он был на глубоких стариках и на годовалых детях. Его, видимо, получали при рождении и носили до смерти, к нему привыкали так, что без него человек чувствовал себя, как без одежды. Этот гребень, судя по всему, служил антенной, через него осуществлялась постоянная связь с Машиной...

С этого времени и пошло их порабощение. Сначала они этого не замечали. Они восхваляли Машину — им казалось, что она обеспечила им идеальные условия частного предпринимательства, при которых у всех равные шансы на успех и каждый достигает того предела богатства и благополучия, о котором он мечтает, и поэтому все одинаково счастливы, независимо от того, кто он — владелец предприятия, инженер или рабочий. Словом, они были убеждены, что Машина помогла им создать тот самый капиталистический рай, о котором столько фантазировали на земле, но создать который там еще никому не удавалось.

Между тем они постепенно превращались в огром-

ную, разветвленную сеть роботов при этом гигантском кибернетическом мозге.

А когда поняли — было уже поздно, они полностью находились в ее власти. Не она обслуживала их — они обслуживали ее. Круг замкнулся.

Вы можете спросить, почему же не сбросили они с себя эти путы, ведь так просто — снял гребень и все. Но в том-то и дело, что не так-то все это было просто. Видимо, с детства внушалась им мысль, что снять гребень — значит совершить тягчайшее преступление. Кроме того, они уже чувствовали себя беспомощными без нее, испытывали страх перед необходимостью самим решать принципиально важные проблемы...

А Машина уже решила, что планета для нее мала, что пора завоевывать Вселенную. Она уже именовала себя Солнцем Вселенной и решила, что все планеты должны вращаться вокруг нее. Каким-то образом она сумела воздействовать на магнитное поле системы и начала менять орбиту, захватывая другие, соседние планеты, превращая их в свои спутники...

Когда это ей удалось, она возомнила себя центром Вселенной, она решила, что все вокруг должно служить ей, понимаете, ОНА СОШЛА С УМА, Виктор!

Аллан встал, и не в силах побороть волнение, опять пошел по галерее. А мы с Юной сидели пораженные, подавленные его последней фразой. Чем-то леденящим повеяло на меня с экрана.

— Бог знает, к чему все это привело бы,— продолжал Аллан,— но случилось то, что в конце концов должно было случиться: нашелся человек, который преодолел власть Машины. Как он это сделал — не знаю. То ли набрался смелости и сбросил гребень, то ли сила человеческого разума в борьбе с Машиной выработала какой-то иммунитет, во всяком случае появился на свет человек, который видел всю нелепость происходящего, который думал над этим, а Машина узнать об этом не могла.

Он попытался пройти в ее логово и взорвать центр, управляющий людьми. Но она не допустила его, засекла, уничтожила. С тех пор она, видимо, стала ограждать себя — строить стену заграждения, силовой купол. Но чем больше она себя ограждала, тем больше было попыток прорваться туда. Я не знаю, сколько их было. Может быть, сто, может быть, тысяча — тех, которые жертвовали собой для спасения людей... Но в какой-то

раз, в сотый или в тысячный, попытка, видимо, удалась. Человек прошел через все препоны, преодолел все хитроумные преграды, обманул всех электронных сторожей, проскочил через все ловушки и барьеры, он пронес в логово Машины атомный заряд, дошел до Центра, управляющего людьми, и рванул все это, превратил в груду развалин, разорвал цепи, которые Машина набросила па людей...

Аллан замолчал. Он подошел к краю галереи, поглядел на море, которое фосфоресцировало под нами, на причальные мачты, мигающие цветными огнями, и вздохнул, словно освобождаясь от пережитого.

— А люди?— спросила Юна.— Людей вы нашли?

— Нашли,— сказал он.— Сейчас я вам покажу. Включите экран.

Я нажал клавишу, и мы увидели бесконечный полутемный коридор. По стенам, с двух сторон, тянулись какие-то полки или нары, а на них лежали рядами странные длинные неподвижные предметы, напоминающие свернутые ковры.

— Дайте увеличение,— сказал он.

Предметы стали приближаться, и вдруг я разглядел человеческое лицо, второе, третье, четвертое... Они все лежали на боку, вплотную друг к другу, видимо, для максимальной экономии места, и на затылке у каждого поблескивал металлический гребень.

— Они мертвые?— с трудом проговорил я.

— А это как считать,— сказал Аллан.— По-видимому, Машина готовилась к захвату новой планеты, это сопряжено с сильными ураганами, магнитными бурями, и людей она решила сохранить. Видите, как заботливо, как экономно она уложила их в подземных штольнях. Они сами спускались сюда, сами укладывались и погружались в летаргическое состояние. Она могла делать с ними все, что хотела...

— А теперь? Что же теперь? Ведь ее власти больше не существует?

— Да. Но и разбудить их некому. Она одна знала, как это сделать...

— Значит... Этот человек пожертвовал собой напрасно? Он их не спас?

— Я считаю, что спас,— сказал Аллан.— Спас от чего-то худшего. Пусть они еще не люди, но уже не рабы.

— Аллан, а есть какая-нибудь надежда?— Юна,

волнуясь, заглядывала в его лицо. Он погладил ее волосы и впервые за все это время улыбнулся.

— Есть надежда. Вот разберемся, что это за состояние, и попробуем прервать действие импульса, который она все еще продолжает посылать...— Потом он снова обернулся ко мне.— Я слышал, на юбилейной сессии будут слушать проект создания Всемирного Кибернетического Центра?

— Да, есть такой проект.

— Я вас очень прошу, Виктор, когда вы будете выступать по проекту, покажите им вот это!

И он кинул на пульт передо мной блестящий изогнутый гребень с высокими зубцами по верхнему краю...

ВЫЗОВ

1

О, если бы покой маячил нам вдали
И мы когда-нибудь к нему прийти б могли!
О, если бы в веках, как зелень луговая,
Мы расцвели опять из глубины земли!

Голос Аллана звучал глухо, казалось, он срывался с утеса и падал вниз, туда, где под нами рокотало ночное море. Мы стояли почти на самом краю — стеклянные створки галереи были раздвинуты, буйное звездное небо обнимало нас со всех сторон, мы словно висели в нем, а под нами, невидимое, но ощутимое, неумолчно шумело море.

Аллан прислушался к его невнятному рокоту, потом спросил:

— Вы знаете, когда написаны эти стихи?

— Лет тысячу назад, наверно? Омар Хайям, если не ошибаюсь.

— Да... Но они могли быть созданы и две тысячи лет назад, и десять тысяч... Потому что этот вопрос волнует человечество с того самого дня, как человек стал осознавать себя и окружающий мир.

— Пожалуй, и сейчас этот вопрос не снят с повестки дня,— сказал я.— Да и вряд ли будет снят вообще. Наверно, есть вопросы неисчерпаемые. Каждое поколение отвечает на них по-своему. Но никто никогда не

гнит до конца. Вероятно, в нем, в этом вопросе, заложена вся движущая сила человеческого разума.

— Возможно.— Аллан нагнулся, подобрал со склона камешек и зашвырнул далеко в море. Мы долго ждали, но не услышали ни малейшего всплеска. Только ровный, вечный, невозмутимый шум моря. Камешек словно растворился во тьме. Словно его никогда не было.

— Вот так исчезал человек,— сказал Аллан.— Жил среди людей, ходил, работал, любил, творил — и вдруг исчезал бесследно, словно его никогда и не было. Оставались его дела, его дети, вещи и идеи, им созданные, а его самого уже не было, и нигде никогда он не повторялся. Это всегда было мучительной загадкой для людей, и это породило легенды и мифы во всех религиях — о загробном мире, о переселении душ — люди не хотели мириться с тем, что человек может исчезнуть бесследно.

— Вы говорите: «исчезал», «было», «не хотели мириться»... Разве сейчас не так?

— Не совсем так.

— Что вы имеете в виду? То, что мы знаем: нет загробного мира? Или знаем теперь уже наверняка, что нет жизни во всей солнечной системе, кроме Земли... Разве от этого легче? По-моему, еще острее мы ощущаем утрату, когда уходят в ничто живые люди. Почему они уходят? Куда? Простите, я, кажется, начинаю говорить словами вашего Омара Хайяма...

— Не надо извиняться, Виктор,— я почувствовал тоску в его голосе.— Эти слова каждый из нас произносит рано или поздно.

Светящаяся полоса мгновенно и бесшумно прочертила небосвод и так же мгновенно погасла.

— Вот так на фоне вечности выглядела в прошлом человеческая жизнь. Может быть, поэтому раньше считали, что это души умерших отправляются куда-то...— Аллан посмотрел в небо.— Вчера исполнился месяц со дня смерти Валентина, нашего физиолога. Вы ведь знали его?

— Знал. Удивительно яркий был человек — разносторонний, талантливый. Что с ним случилось?

— Взорвалась установка, на которой он проводил испытания. Почему-то он оказался в камере, хотя мог быть у телеэкрана. Когда камеру открыли, в ней ничего не было — сработали аварийные клапаны и вытяжная система. Лишь тонкий слой пепла осел на стенках...

— Страшное дело!

— Да. Почему-то людям легче, когда они могут положить хоть что-то в землю... Вчера я был у него дома. Там все, как при нем: на столе его неоконченная рукопись, его ручка лежит наготове, диктофон хранит его голос, автомат-гардеробщик протягивает его домашнюю одежду, бар выдает его любимый напиток из зерен Тау, который мы привезли с Плутона, помните? Словом, во всем, в каждой вещи — он, а его самого нет... И вот, понимаете, можно сказать, что он живет — в своих книгах, в своих учениках, в своих идеях — они еще долго будут разрабатываться, давать пищу исследователям. В своих детях, наконец. Но все-таки его нет, нет человека.

— Как переносит все это Лина?

— Вот о ней я и хочу сказать. Она ходит по дому в каком-то трансе. Трогает его вещи, листает его рукописи, и все не может поверить... Ждет, что он появится. Она говорит, что поняла сейчас, почему когда-то, у древних, жен хоронили вместе с мужьями. Говорит, что ей было бы легче сейчас умереть, она чувствует себя так, как будто отняли половину ее души, сердца, тела — разве может жить половина человека, если другая половина умерла?

— Это пройдет.

— Пройдет, конечно, со временем. Но вот, обратите внимание, Виктор, смерть, биологическая смерть, сопутствует человечеству на протяжении всей его истории с самой зари, с первобытных времен, когда он жил в пещерах, одевался в шкуры, и высшим благом для него была удачная охота и зажженный очаг... Смерть сопутствует ему на протяжении всей его истории до сегодняшнего дня, а он никак не может с ней примириться. Почему? Ведь с точки зрения природы все естественно — переход из одного состояния в другое. Почему же этот переход неприемлем для человека — он ведь тоже часть природы. Чем вы это объясните?

— Не знаю... Наверно, дело в том, что живая материя — это высшая форма по сравнению с мертвой. И возврат от высшего состояния к низшему противоестествен, он противоречит эволюции.

— Ну почему же — противоречит? В природе всегда был круговорот веществ. Появилась жизнь, она развивалась — от простейших водорослей к могучим растениям, от моллюсков к животным, но все потом возвра-

щалось к исходному материалу — к атомам. И растения, и живые существа, пройдя свой путь, всегда возвращали природе исходный материал. Почему же человек противится этому?

— Постойте, Аллан, постойте. Тут что-то не так. Если бы дело было лишь в том, что живому существу надо возвратить природе материал, который она дала ему на время, взаймы, так сказать, все было бы проще. Видимо, дело в том, что с появлением мыслящей материи кое-что изменилось. Видимо, само существование материи мыслящей — это еще более высокая форма, особая форма... Может быть, она еще только начинает свой путь в человеке, и вдруг ей надо гибнуть, прекращать свое существование из-за того, что обветшала оболочка или еще что-то случилось с ней, вот как в случае с Валентином. А может быть...— Я замолчал. Что-то не совсем еще ясное маячило где-то там, в тумане моего сознания, но никак не могло определиться, найти словесную форму. Темнота вокруг нас, кажется, еще больше сгустилась, шум моря усилился, теперь оно уже тяжело ухало внизу, под нами, ударяясь о камни,— поднялся ветер, начался прибой.

— Так что же?— крикнул Аллан. Ветер отбрасывал его голос, но я все же услышал, что он волнуется.— Что — может быть?

— Не знаю, Аллан! Что-то мелькает, но я не могу вот так просто сказать... Может быть... Пойдем в дом, я замерз.

Мы прошли в галерею, створки бесшумно сдвинулись за нами, стало тепло и тихо.

— Ну,— проговорил он,— я все-таки хочу, чтобы вы довели свою мысль до конца.— Он смотрел на меня ободряюще.— Не бойтесь, прыгайте через пропасть!

— Я подумал... Может быть, она вообще не должна умирать?

Несколько мгновений он смотрел на меня в упор, закусив в зубах свою трубку, потом сказал:

— Вот эту идею разрабатывал Валентин. До последнего дня...

— Разрабатывать идею бессмертия и погибнуть так нелепо, в расцвете сил... Какая ирония судьбы!

— Погодите,— сказал Аллан.— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Мы прошли через галерею, затем миновали обширный полутемный сейчас холл, тоже застекленный, ус-

тавленный по стенкам всевозможными растениями, которые Аллан навез сюда со всей вселенной. Холл был почти круглый, чуть вытянутый, он как бы продолжал галерею, только чуть расширялся, и та часть его, которая примыкала к другой половине дома, состояла из передвижных, тоже изогнутых по окружности перегородок. Одна из перегородок мягко отошла в сторону, и мы очутились в рабочем кабинете Аллана, с его знаменитым пультом и экраном во всю стенку.

— Садитесь сюда, Виктор,— указал он мне на тахту.— Мне придется немного поработать у пульта.

Но он не успел положить руку на кнопки. Зажегся экран, и мы увидели Юну

— Здравствуйте, Виктор,— сказала она.— Аллан, я звонила, тебя не было.

— Мы с Виктором на утесе стояли. Ну, как там?— спросил он.

— Плохо,— сказала она.— Состояние подавленное, я даже боюсь задевать этот вопрос. Как бы хуже не было.

— Ну, ты погоди,— сказал он.— Мы тут с Виктором посоветуемся. А потом я тебе скажу, что делать.

— Хорошо. Я буду ждать.— Экран погас.

— Она у Лины сейчас,— пояснил Аллан.— Тут вот какая история...

Он нажал кнопку, и в стене, справа от пульта, открылась ниша.

— Вы видите этот ящик?

Я подошел поближе. В нише стоял на подставке большой металлический ящик, величиной, пожалуй, со старинный сундук. Он был ровный, гладкий, нигде никаких швов или отверстий. Только со дна его отходил толстый полиэтиленовый шланг. Странно толстый, примерно в целый обхват. Он уходил куда-то в пол.

— Вижу,— сказал я.— Ну и что?

— А вот что. Сегодня ровно месяц, как погиб Валентин, вы знаете. Так вот, сегодня утром мне доставили этот ящик вот с этим письмом. Читайте.

Он подал мне листок белой бумаги, и я прочел ровные строки, написанные от руки:

«Дорогой Аллан! Сегодня месяц, как меня нет в живых. Я это знаю, так как завещал одному из сотрудников Института доставить тебе этот ящик ровно через месяц после того, как будет точно известно, что меня нет в живых.

Подключи его к своему телекомпьютеру.

Валентин».

— Вы подключили?— спросил я.

— Да.

— Ну и что?

— Сейчас увидите.

Он нажал кнопку. Экран засветился, но как-то мутно. Какое-то туманное, расплывчатое изображение появилось на нем. Аллан убавил свет в комнате, стал регулировать ручками настройки на пульте.

И вдруг на экране, очень четко и ясно, показалось лицо Валентина. Изображение отодвинулось, и мы с Алланом увидели, как Валентин, во весь свой рост сделал шаг нам навстречу, оглядел кабинет, заметил Аллана, потом меня, и улыбнулся своей обычной, чуть грустной улыбкой.

— Здравствуй, Аллан,— сказал он спокойно, и впечатление было такое, что он здесь, в комнате.— Здравствуйте, Виктор.

Я сидел похолодевший, не в силах шевельнуться.

— Здравствуй, Валентин,— сказал Аллан. Он старался тоже говорить спокойно, но голос его звучал хрипло и сдавленно.— Ты хорошо меня слышишь?

— Да. Вполне...— ответил Валентин.

Он замолчал, некоторое время внимательно рассматривал наши лица, потом помрачнел, оглянулся, придвинул к себе кресло и сел напротив нас. — Меня, по-видимому, нет в живых? — сказал он как о чем-то само собой разумеющемся, и тут я почувствовал, что слабею, еще секунда — и упаду. Я прислонился к стене. Аллану, видно, тоже было не по себе. Он взялся за ручки на пульте.

— Да,— проговорил он наконец.

— Месяц прошел?— спросил Валентин.

— Да,— выдавил Аллан.

Валентин сидел в кресле, опустив подбородок на сжатые кулаки, и лицо его было хорошо видно нам. Оно мрачнело все больше и больше. Вот появились скорбные складки у губ, вот сдвинулись брови и стала подергиваться левая щека. Он прикрыл ладонью глаза. И сидел так еще некоторое время.

Мы молчали.

— Лина знает?— спросил Валентин и отнял руку.

— Знает,— сказал Аллан.

— Как она?

— Ничего,— сказал Аллан.— Держится. Юна там у нее.

— Спасибо,— сказал Валентин.— Ты уж поддержи ее...

— О чем ты говоришь!

Валентин встал, отодвинул кресло, прошелся по комнате. И мы увидели, что это его рабочий кабинет в Институте.

— Что со мной случилось, Аллан?

Я ждал этого вопроса. И Аллан, видимо, тоже ждал. И все-таки ему было трудно, я видел.

— Ты... Ты ко всему готов, Валентин?

— Абсолютно. Я потом все объясню. А сейчас говори все, не бойся.

— Ты работал в камере, произошел взрыв.

— Понятно.— Теперь он был уже спокоен.— Кто-нибудь еще пострадал?

— Нет, ты один. Почему ты был в камере, когда мог быть у экрана?

— Не знаю,— сказал он.— Наверно, так надо было...— Он обвел глазами свой кабинет, выдвинул ящик стола, посмотрел какие-то бумаги.

— Установка погибла?

— Да. Ничего не осталось.

Аллан не объяснял дальше, но Валентин понял.

— Бедная Лина...— сказал он и замолчал надолго, задумался.

— Ты хочешь ее видеть?— спросил Аллан. Валентин не ответил.

Он стоял у стола, опустив голову. Потом подошел к нам.

— Не надо этого делать,— сказал он.— Ей будет слишком тяжело.

— Я могу сделать так, что она тебя не увидит. Только ты ее.

Валентин нахмурился.

— Нет,— сказал он.— Пока не надо. Подожди. Поговорим сначала... Я должен привыкнуть к этой мысли. К своему новому положению...

Он опять стал ходить по кабинету, осматривать все. Подошел к стенду, где были смонтированы какие-то приборы.

— Установку можно будет восстановить,— сказал

— она у меня вот здесь,— он притронулся рукой ко лбу.— И чертежи у меня тут, в шкафах.

Он говорил так, словно действительно ходил сейчас по своему кабинету. Впрочем, для него это было, видимо, действительно так.

— Ладно,— сказал он.— Давайте разберемся что к чему.

Он опять подошел к нам вплотную и сел в кресло.

— Ты все понял, Аллан?

— Не совсем. Но — догадываюсь.

— Сейчас объясню.— Он обернулся ко мне.— Виктор знает, над чем я работал?

— В общих чертах,— сказал я,— только идею.

Он кивнул, провел пальцами по подбородку, ощутил, видимо, небритость, нахмурился, подумал о чем-то и печально усмехнулся.

— Я исходил из того, что смерть молодой мыслящей материи — противоестественна. Она умирает не потому, что износилась или исчерпала себя, она умирает потому, что природа не нашла еще способа продлить ее существование. Исследования показали: серое вещество мозга погибает, как правило, в расцвете сил, погибает из-за того, что износилась оболочка, одряхлевший организм не в состоянии поддерживать необходимые условия существования мозга. Тело состарилось, а мозг еще молод — отчего такое несоответствие? С точки зрения биологической жизни организм за 70—80 лет существования вполне успевает выполнить свое назначение — дать начало новой жизни. Он прошел свой цикл и может уходить спокойно. Но высшая форма жизни, заключенная в нем,— мыслящая материя — только начинает свой путь. Она должна совершить еще очень многое, ее способности и возможности, неизведанные пока еще никем, неисчерпаемы. И вдруг, в самом начале пути, когда еще все впереди, она должна прекратить свое существование. Не отсюда ли яростный протест мозга против смерти, его нежелание подчиниться гибели и его трагическое бессилие вырваться из плена биологического распада оболочки, без которой он пока не может существовать? Я говорю — пока, потому что на этот счет у меня есть особые соображения, но об этом после. Теперь — о главном.

Валентин встал, сделал несколько шагов по кабинету, подошел, видимо, по привычке к окну, и тут же

отвернулся, чтобы не видеть бушующей жизни — там, на всех трех ярусах города.

Он снова подошел к нам, но в кресло не сел, отодвинул его. Вместо него придвинул черную экранную доску на подставке,— так, чтобы нам хорошо было видно. Взял в руки чертежный электронный фломастер.

— Итак, о главном,— сказал он, собираясь, глядя на доску.— Если природа пока еще не может сохранить мыслящую материю, значит она сама должна позаботиться об этом, найти способ продлить свою жизнь после гибели оболочки. Тут можно было идти разными путями. Можно было попытаться сохранить в искусственных условиях жизнь мозгу. Такие попытки делались, вы знаете. Но мозг, живущий в банке с раствором и ждущий возможности переселиться в какое-нибудь молодое тело,— слишком жалкое зрелище для окружающих и слишком унизительное состояние для мыслящего мозга. Не говоря уже о том, что тут нарушаются связи со средой, то есть происходит изменение личности.

Я попробовал идти иным путем — более сложным, но, как мне кажется, более перспективным. Он состоит из двух этапов. Первый — при помощи биотронного запоминающего комплекса записать личность...— Валентин быстро набрасывал на доске схему: человек и идущие от него импульсы, попадающие в запоминающее устройство. Второй этап — воссоздать затем личность при помощи того же запоминающего комплекса. Ну, с первой задачей я как будто справился,— грустно усмехнулся он.— Тот ящик, который вы получили, Аллан, и есть биотронное запоминающее устройство, в котором содержится моя личность. В течение пяти последних лет вся моя умственная деятельность записывалась этим устройством. Большей частью это происходило в Институте, так как последнее время я, в основном, проводил там. Записывались не только импульсы мозга, записывались при этом и изображение, и голос. Таким образом, в ящик было введено все — весь запас моих знаний, весь мой предшествующий опыт, все мои привычки и даже все мои недостатки. Для полноты картины я старался записывать себя не только в Институте, но и дома, и во время путешествий. Помните, Аллан, вы все потешались надо мной, когда во время полета на Эру я и днем и ночью не расставался с кожаным шлемом, вы еще говорили, что он прирастет к моей голове. Так вот, в этом шлеме находились датчики и портативное

записывающее устройство. Потом я ввел его все в тот же ящик. Так, постепенно, я вводил туда все, что касалось меня, все, что, конечно, поддавалось фиксации. Можно сказать, что постепенно, шаг за шагом, я переселялся в этот ящик со всеми своими потрохами... И вот, как видите, переселился...

Он обернулся к нам, у него было улыбающееся лицо, но улыбка была какая-то жалкая...

— Переселиться — переселился,— повторил он,— и, как видите, довольно удачно. И даже, я бы сказал, вовремя. Не так ли? Вы ведь воспринимаете меня как живого?

— Да,— сказал Аллан.— Абсолютно.

— Ну что ж, значит, с этой задачей я справился...

Он стоял задумавшись, с фломастером в руке.

— Я смогу работать дальше, смогу направлять работу лаборатории...— он говорил, словно убеждая себя в чем-то, словно доказывая себе, что был прав.

— Да, конечно,— сказал Аллан.— А если хочешь, мы возьмем тебя в космос, полетим, как прежде...

Он словно оправдывался в чем-то перед Валентином, словно убеждал его, что положение у нас у всех равное, что мы с ним — живые и Валентин, записанный в ящике,— это одно и то же. Но все трое мы одновременно почувствовали неловкость. Видимо, оттого, что в воздухе все время висело что-то недосказанное.

— Ну хорошо, с первой задачей ты справился прекрасно, я бы даже сказал, удивительно. Мы воспринимаем тебя сейчас, как если бы ты был, ну, скажем, в космосе, и мы с тобой держали связь. Верно я говорю, Виктор?

— Да,— согласился я.— Это, пожалуй, наиболее близкое сравнение. Я, например, никак не могу осознать, что мы разговариваем сейчас... с биотронным ящиком, хотя понимаю, что это так.

— Не совсем так,— быстро поправил меня Аллан и посмотрел на экран.— Общаемся мы все-таки с ним самим, с его личностью, а ящик, он, ну как бы явился соединительным мостом между нами и Валентином... Так ведь, Валентин?

— Да, пожалуй,— сказал Валентин, но не очень уверенно.— Я ощущаю себя так, как раньше, я чувствую себя все время связанным с ящиком, но не чувствую своей зависимости от него. Скорей наоборот. Я знаю, что он зависит от меня. При желании я могу его выклю-

чить, при желании могу стереть ту или иную запись, могу даже...

Мы с Алланом застыли, разинув рты. Вид у нас, судя по всему, был довольно глупый, потому что Валентин замолчал, перевел взгляд с него на меня.

— Как ты обычно включал ящик?— спросил Аллан.

— Нажимал кнопку на пульте. Вот эту, красную.— Он подошел к большой вертикальной панели, смонтированной на стене.— Видите, она сейчас нажата и горит красный свет. А когда хотел выключить, нажимал соседнюю, черную. Вот, смотрите...

Аллан поднял руку, но не успел звука вымолвить — Валентин нажал черную кнопку, и экран стал гаснуть. Сперва он затуманился, изображение расплылось, размылось, потом оно совсем пропало, наступила какая-то странная полутьма, и голос Валентина пропал, но в то же время на экране мелькали неясные тени, и какие-то странные обрывки звуков, перемешиваясь, слышались в отдалении, то усиливаясь, то замирая совсем.

— Валентин!— закричал Аллан.— Валентин! Нажми красную кнопку! Ты слышишь меня?— повторял он властно.— Нажми красную кнопку!

— Ничего не понимаю,— пробормотал я.— Ведь никакой кнопки в действительности нет...

Но Аллан не слушал меня.

— Валентин! Валентин!— кричал он.— Ты слышишь меня?

— Сейчас, погодите...— услышали мы какой-то сонный голос с экрана.— Тут темно, я ничего не вижу... Ага, вот, нащупал...

Экран вновь засветился. Валентин стоял у панели и щурился от света.

— Не нажимай больше черную кнопку,— сказал Аллан с облегчением.— Что ты чувствовал, когда выключил ящик?

— Я, кажется, уснул. Потом услышал сквозь сон твой голос. Ты звал меня?

— Да.

— Раньше этого не было...— виновато сказал Валентин.

— Ты понимаешь, что произошло?— спросил Аллан.

— Кажется, понимаю... Когда я раньше нажимал кнопку, ящик отключался, а я продолжал действовать без него. Теперь я нажал ее...

— Ты нажал ее в своем воображении.

— Да. Отключить его по-настоящему я не мог. Но он повел себя так, как если бы его действительно отключили. Сознание мое затуманилось... Видимо, я спал.

— Больше не делай этого,— сказал Аллан.— Бог его знает, сумеешь ли ты включить в следующий раз. Ты говорил, что можешь стирать записи?

— Да, вот этим рычагом.

— Никогда не прикасайся к нему, слышишь?

— Хорошо.

— Ну, а теперь я отключу тебя. По-настоящему отключу, а потом включу снова. Так что ты не бойся.

— А я не боюсь,— улыбнулся Валентин.

— Садись в кресло.

Валентин послушно сел и спокойно посмотрел на Аллана.

— Готов?

— Готов.

— Выключаю.

Он вынул вилку, отключающую питание ящика. Экран совсем погас. Теперь мы видели только его холодную вогнутую матовую поверхность. Несколько секунд мы молча смотрели на экран.

— Что он должен сейчас чувствовать?— спросил я.

— Не знаю. Скорей всего — ничего. Полный провал.

Он подождал еще немного. Затем включил. Валентин сидел в кресле, в той же позе.

— Что ты чувствовал?

— Ничего. Мне казалось, что ничего не изменилось. Ты выключал?

— Выключал,— сказал Аллан.— С этим ясно. Ты возвращаешься к себе на той же точке, на которой ящик был отключен. Ты не устал? Может быть, на сегодня хватит?

— Может быть...— задумчиво сказал Валентин.

2

— Ну? Что вы обо всем этом думаете?— спросил меня Аллан, когда мы остались вдвоем.

Я не оговорился, не могу подобрать другого слова. Мы действительно только что были втроем, но вот Валентин ушел. Ушел куда-то к себе.

Аллан вызвал Юну. Сказал, что мы ждем их с Линой, но больше ничего объяснять не стал и выключил экран.

Мы сидели, молчали. Он набил свою трубку, закурил. Дым был совсем прозрачный, почти невидимый, и удивительно ароматный. От него шло чудесное волнующее тепло, словно открыли дверь в цветочную галерею. Собственно, и делал он этот табак из цветов по какому-то особому, им самим придуманному способу. У меня сладко закружилась голова.

— Ну так что вы обо всем этом думаете?

— Мне кажется, он бросил вызов самому господу богу.

— Мы все время бросаем ему вызов. Когда создаем межпланетные станции. Когда пробиваем пространство. Когда сдвигаем время.

— Нет, Аллан, это не совсем то.— Я поднялся с тахты, подошел к его огромной космической карте.— Все, что вы говорите, совершается в пределах существующего в природе. И пространство, и время, и планеты существуют в природе независимо от нас. Мы только научились... ну, как бы это сказать, состязаться с космическими скоростями и расстояниями, с движением планет и звезд. А он сделал то, что неподвластно природе.

— Что?

— Сохранил мыслящую материю.

— Он ее не сохранил. Он ее воспроизвел, вернее, даже записал, снял с нее слепок. Природа делает то же самое ежечасно, ежесекундно. Она воспроизводит мыслящую материю все время. И во все больших количествах.

— Вот именно,— сказал я.— Каждый раз заново и каждый раз сначала, с пустого места. Вот вы ему сказали: не смей нажимать рычаг, помните? А она что делает? Каждый раз нажимает рычаг, стирает все дотла, а потом воспроизводит чистую пленку, на которую все надо записывать заново, с самого начала.

— Ну, не совсем сначала...

— Нет, именно сначала, с самого начала!— убежденно говорил я, увлекшись своим сравнением.— Качество пленки несколько улучшается, она становится более восприимчивой, может быть, более емкой, но запись надо начинать с самого начала — вы же знаете, что происходит с людьми, которые с младенческого возраста оказываются изолированными от общества!

— Да,— согласился он.— Тут вы правы, она действительно каждый раз нажимает на этот проклятый ры-

лаг. А общество затем заново пишет все на ней. Значит, общество играет роль хранителя информации. В обществе, в его материальной и духовной культуре сохраняется все, что накоплено мыслящей материей за все время ее существования.

— Я не отрицаю роли общества... И воспитания... Именно оно делает человека человеком. Все верно. Однако обратите внимание — жизнь мыслящей материи не увеличивается, человек по-прежнему живет 70—80 лет, ну пусть мы сумеем продлить продолжительность жизни до ста лет. А период, который требуется, чтобы записать информацию на чистую пленку, катастрофически увеличивается. Чтобы передать только основную информацию, общую и специальную, еще недавно достаточно было 20—25 лет. Сейчас уже требуется 25—30 лет. Что же остается на долю активной деятельности человека?! И все потому, что каждый раз надо начинать сначала. Вспомните, Аллан, что говорил Валентин — мыслящая материя умирает в самом начале пути, гибнет из-за того, что изнашивается оболочка. В чем дело? Почему такое несоответствие?

Я разошелся, распалился так, как будто это он, Аллан, был тем самым господом богом, который что-то не предусмотрел, и я требовал от него исправить ошибку.

Он улыбнулся, выбил свою трубку.

— Одно из двух,— сказал он.— Либо в этом есть какой-то смысл, либо Валентин прав: природа оказалась просто неподготовленной для сохранения высшей формы жизни.

— Если бы в этом был какой-то смысл, мыслящая материя не воспринимала бы свою смерть так трагично, не протестовала бы так яростно против смерти. Значит, что-то тут не так, что-то не так! Вот почему я говорю: он бросил вызов богу! И вызов справедливый!

— Пожалуй!— сказал Аллан.— Пожалуй, вы правы. Вот только что из всего этого получится?..

3

Аллан посмотрел на часы.

— Сейчас подойдет их ракета. Пойдемте, Виктор, посмотрим.

Мы прошли в галерею. Оттуда хорошо было видно, как к причальной мачте, обозначенной своим светящим-

ся остовом, медленно подплывала по воздуху тоже светящаяся сигарообразная полоска. Ракета шла сейчас в режиме воздухоплавания, на раскинутых тормозных крыльях, но их не было видно, они лишь угадывались по тому, как ракета мягкими толчками опускалась, приближаясь к вершине мачты. Вот еще один толчок — и она застыла в неподвижности — легла на мачтовую площадку.

— Красиво, не правда ли? — сказал Аллан приглушенно.— Уж сколько и куда ни приходилось отправляться на ракетах, а вот этот момент всегда волнует. Наверно, в этом сказывается одно из самых древних и глубинных свойств человека: ждать встречи и грустить при расставании.

Вскоре мы увидели, как сверху вниз по мачте проехала кабина лифта. А еще через несколько минут услышали мягкий хлопок — это открылась пневматическая дверь горизонтального лифта.

Две женщины вошли в галерею и пошли нам навстречу.

Какие они были разные! Собранная, стройная, словно выточенная из цельного куска мрамора Юна, с холодновато-прекрасным лицом античной статуи, и вся порывистая, чуткая, худенькая Лина, с лицом, которое не назовешь уж очень красивым, но удивительно живым, переменчивым, излучающим какое-то внутреннее сияние. Сейчас оно было исполнено страдания, но и это не портило его, а делало, если можно так сказать, еще более человечным и в этой человечности прекрасным.

По дороге Лина, видно, сдерживалась. А тут, увидев Аллана, сразу потеряла выдержку, кинулась к нему, прижалась головой к его плечу.

— Аллан,— говорила она сквозь слезы,— Аллан, это ведь неправда, да? Этого ведь не может быть, чтобы он умер?! Он не мог умереть, Аллан! Он обещал мне, что никогда не умрет! Он много раз говорил мне, что никогда не умрет...

Мы переглянулись.

— Она все время твердит это...— сказала Юна.— Она не верит, что... Она все время ждет его, говорит, что он придет.

— Он знал, что я не могу жить без него, так уж получилось, мы росли вместе, жили по соседству, он был старше меня на пять лет, но я не отставала от него ни на шаг, со всеми своими вопросами и обидами

бежала к нему, не к отцу, не к матери, а к нему — он всегда защищал меня и учил меня всему, что знал сам, все свободное время был со мной — мальчишки над ним потешались, дразнили нас женихом и невестой, а он никогда не обижался, только улыбался своей доброй улыбкой и говорил мне, чтобы я не расстраивалась. Когда ему исполнилось двенадцать, ему подарили воздушную лодку, он пошел ее пробовать, а я прибежала на берег, увидела, как он скользит над водой в своей лодке, и кинулась вплавь, чтобы догнать его, но сил не хватило, мне было семь лет, я стала тонуть... Я не кричала, звука ни одного не издала, только билась изо всех сил, захлебывалась, чувствовала, что теряю сознание, и последняя моя мысль была, я помню: он так и не узнает, что я плыла ему навстречу. А он почувствовал что-то, помчался к берегу, пролетел надо мной, увидел меня сверху, кинулся в воду и спас меня. С тех пор он никогда не оставлял меня одну, брал с собой во все свои путешествия, ничего не делал без меня, всегда все мне рассказывал, каждую минуту, каждую секунду я знала, где он, что с ним, я была ему всем — женой, матерью, другом, помощником. У нас родились дети, двое детей, но вся моя жизнь была в нем, я не мыслила себя без него, и он всегда говорил, что не проживет и дня без меня, что мы, наверное, составлены из чего-то единого, и если один из нас умрет, то в тот же миг умрет и другой, поэтому, если когда-нибудь с ним что-то случится, и мне скажут, что его нет в живых, чтобы я не верила, он все равно придет, он не может уйти без меня... А я живу, Аллан, я не умираю, значит, и он жив, он не мог умереть, правда ведь, Аллан?!

Она говорила все это захлебываясь, заливаясь слезами, ее колотила дрожь, и Аллан держал ее худенькие плечи в своих руках, прижимал ее к себе, гладил по голове, как маленькую, и я впервые увидел в его глазах слезы.

Он привел ее в свой кабинет, усадил на тахту, сам сел рядом, а с другой стороны села Юна, и так вот, обняв Лину с двух сторон, они немного ее успокоили. Видно, выплеснув все, что накопилось в душе за эти дни, она обессилела, затихла, только вздрагивала время от времени, прижавшись лицом к груди Юны.

Аллан спросил меня глазами. Я кивнул. По-моему, это надо было сделать.

— Лина,— сказал он,— Валентин не обманул тебя. Он вернется.

Она подняла голову, глаза ее умоляюще смотрели на Аллана.

— Значит, он не умер?! Значит, это правда,— он не умер?!

— Я не знаю, как это тебе объяснить. Считай, что он в длительном космическом полете, считай, что он далеко, очень далеко, и когда он сумеет вернуться — неизвестно. Если ты обещаешь, что ни одним звуком, ни одним жестом не обмолвишься о смерти, ты сможешь видеть его, разговаривать с ним вот здесь, у этого экрана.

Она растерянно смотрела на нас.

— Я... Я не понимаю.

— Ты хочешь его видеть? Живого, такого, как всегда. И разговаривать с ним?

— Да! Да! Да! Это можно сейчас?

— Можно... Но только... Помнишь, что ты мне обещала?

— Я постараюсь, Аллан. Я сделаю все, что нужно, я...— она подавилась слезами.

— Пойди умойся. Приведи себя в порядок. Чтобы следов твоих слез не было. Чтобы ты была такая, как всегда. Он же разговаривал с тобой из космоса?

— Да. Всегда.

— Считай, что так и будет.

Она все еще недоверчиво смотрела на нас, потом сорвалась с места, выбежала и вернулась буквально через минуту. И я поразился тому, что может сделать с собой женщина за какие-то несколько мгновений. У нее было другое лицо — полное ожидания и надежды.

— Помни, что ты обещала! Это очень важно.

Она не ответила. Она не сводила глаз с экрана.

Аллан включил ящик. Экран засветился, и мы увидели Валентина. Но, странное дело, он не сидел в кресле, где мы оставили его в прошлый раз. Он стоял у панели и что-то делал. Когда включился экран, он обернулся, увидел нас, потом ее, и по лицу его прошла судорога.

— Лин...— голос его сорвался. Он хотел сказать что-то еще, но не смог. Он сделал шаг к экрану, протянул руки. Она бросилась к стене, прижалась к ней, стала гладить ее ладонями.

— Ты живой!— говорила она.— Я знала, что ты жи-

ной! Раз я живу, значит, и ты живой! Господи, какое счастье, что я тебя вижу! — Я знаю, ты очень далеко, ты в космосе, но это ничего, главное, что ты жив, а значит, вернешься, пусть не скоро, пусть когда-нибудь, но вернешься!

Слезы безостановочно текли по ее лицу. Она прижалась мокрой щекой к экрану, и Валентин, там, по ту сторону, провел ладонью по ее щеке.

— Не плачь,— сказал он,— не надо плакать. Ты же видишь — все в порядке.

Я видел, ему трудно держать себя в руках, еще секунда — и он сорвется.

Я дал знак Аллану.

— Валентин,— сказал он,— сеанс связи сегодня короткий, сейчас она оборвется. Ты хочешь что-то сказать?

Он кивнул головой и через силу улыбнулся.

— Поцелуй ребят,— сказал он.— В следующий раз приведи их. И не волнуйтесь. Все будет хорошо. Слышишь — хорошо! Я ведь никогда не обманывал тебя, верно?

Она стояла, как распятая мадонна у экрана, прижавшись к нему всем телом, раскинув руки.

Аллан нажал кнопку.

4

Мы проводили Лину, вернулись обратно. Всю дорогу Аллан был мрачен, почти не разговаривал. Только когда вошли в галерею, он сказал:

— Вы заметили — он стоял у панели.

— Да, я тоже удивился.

— А ведь в прошлый раз мы оставили его в кресле, не так ли?

— Да... Может быть, вы тогда забыли отключить питание ящика, только выключили экран?

— Я выключил ящик, я это хорошо помню. Экран выключается кнопкой, а питание ящика — вилкой. Я отключил ее от сети.

Мы вошли в комнату, Аллан подошел к пульту, мрачно осмотрел вилку. Не включая ее в сеть, нажал кнопку. Экран был темен, но мы услышали какой-то слабый шелестящий звук: как будто листы бумаги переворачивали. Аллан вставил вилку, экран вспыхнул, и

мы увидели Валентина. Он стоял возле письменного стола и решительно листал какую-то книгу.

— Валентин,— сказал Аллан,— в прошлый раз мы оставили тебя в кресле, а потом ты оказался у рычага. Что это значит? У ящика есть собственное питание?

— Да, Аллан, есть. Я не хотел говорить вам об этом... Оно слишком слабое, чтобы я мог общаться с вами, но достаточное, чтобы я мог думать и работать. Когда вы отключаете ящик, я остаюсь в полном одиночестве, один на один с самим собой, но я продолжаю думать. В прошлый раз, когда я остался один, мне вдруг сделалось очень тяжело. Я представил себе синее-пресинее весеннее небо, белые плывущие облака, зеленую траву, представил себе жизнь с ее воздухом, светом, простором и людьми, и мне так тоскливо стало от сознания, что я обречен на долгое, может быть, вечное одиночество, что я решил нажать рычаг.

Я уже подошел к панели — и в это время вы включили экран, я увидел Лину... Вы хорошо сделали, что привели ее. И хорошо, что не сказали ей всего, пусть она думает, что я в космосе. Она действительно умрет, если узнает, что меня нет совсем. Собственно, ради нее я придумал эту штуку с ящиком. Я знал: всякое может случиться. Теперь, когда я увидел ее, я понял: я не напрасно сделал это. Для нее я живой — это главное. Но я постараюсь быть живым не только для нее. Я буду работать круглые сутки, я совершу невозможное... Перевезите завтра ящик в Институт, пусть поставят его в лаборатории, пусть соберутся все, кто может и хочет поспорить с богом, я думаю, общими силами мы его одолеем!

ПЛАНЕТА МИФ

1

Мы сидели в библиотеке Аллана — небольшом круглом зале.

Был дождливый зимний вечер, за продолговатым, горизонтально вытянутым, изогнутым окном, напоминавшим лобовое стекло космического корабля, расплывчато светились сигнальные огни порта. Включенные на полную мощность, они пробивали завесу тумана, разноцветными лучами прощупывали тяжелую свинцовую гладь воды, плотное облачное небо. Они словно под-

блдривали идущие в тумане корабли и ракеты, словно приветствовали их, давая знать о близости порта, хотя вели их в тумане совсем другие лучи — невидимые, электронные.

Я подумал о том, что все это не больше, чем иллюминация, что если бы вдруг почему-то погасли все эти мощные прожектора,— морские и воздушные корабли все равно шли бы заданным курсом, все равно причалили бы в точно назначенном месте и в точно назначенный срок. Но людям, как видно, этого мало. Им надо видеть живой переменчивый свет, собственными глазами чувствовать его цветное тепло...

— А знаете, Виктор, я иногда завидую людям двадцатого века.

В недоумении я обернулся к Аллану. Он сидел в кресле, откинув голову назад, фокусируя свои бинокулярные очки. Он только что просмотрел очередной выпуск «Рассказов Аллана», записанных мной и вышедших в свет миллионным тиражом. Я привез ему сигнальный экземпляр кассеты и, как всегда волнуясь, ждал, что он скажет. И как всегда, он сказал нечто неожиданное.

Он снял очки, извлек маленькую, с пятак величиной, кассету, подержал ее на ладони, подбросил, словно взвешивая, повертел в пальцах.

— Люди прошлых веков могли позволить себе роскошь создавать большие книги — весомые, ощутимые,— в голосе его я услышал неподдельное сожаление.— Они могли листать их, рассматривать, они сживались с ними, как с живыми существами — я говорю, конечно, о настоящих книгах...— Он глянул на меня и, видно, почувствовав мое смущение, тут же поправился:— Я не хочу сказать ничего плохого о вашей работе, Виктор. Вы записали все очень ярко, интересно, я бы так никогда не смог... Да и смонтировано все умело — музыка, цвет и голос чтеца подобран хорошо, хотя я предпочитаю глазами читать, без всякой музыки и цвета — они мне мешают. А вообще — хорошая работа, и иллюстрации отлично выполнены, со вкусом, без аляповатости... Все хорошо. Но вот я кончил читать...— он снова подбросил на ладони маленький черный кружочек с цветной наклейкой,— и все! Ни зрительно, ни эмоционально я это не воспринимаю. Разве что наклейку.

Он стал разглядывать цветную наклейку, где был

изображен он сам и было написано название книгофильма.

А я снова подумал о лучах прожекторов в порту — не в этом ли их назначение?..

— Да, наверно, вы правы,— сказал я, рассматривая стены библиотеки, сплошь испещренные крошечными ячейками.— Но, согласитесь, надо же чем-то платить за выигрыш в объеме. Сколько у вас книгофильмов?

— Что-то около ста тысяч.

— Вот видите! Представьте себе, что вам надо разместить сто тысяч томов... Да вам всего вашего дома не хватило бы!

Он кивнул, подошел к стене, отыскал глазами какую-то надпись, выдвинул ящичек, положил туда кассету.

— Ну вот,— сказал он.— Одной кассетой больше.

Он стоял лицом к стене, переводил взгляд с одной надписи на другую, и я догадывался, что каждое название рождало в нем множество воспоминаний — ведь это был раздел библиотеки, где хранились описания его путешествий, рассказы об экспедициях и исследованиях, в которых он принимал участие. И лица друзей, наверно, проходили перед ним — иных уже не было в живых...

— Я у вас в долгу, Виктор, за вашу работу. Если б не вы, многое так и осталось бы неописанным, у меня не хватает терпения описывать во всех подробностях, да и времени жаль, хочется больше сделать.

— Напрасно,—сказал я.— Убежден, у вас это получилось бы лучше. Стихи ведь у вас получаются.

— Стихи — другое дело. Это непроизвольно, нахлынет в какой-то момент — и все. А так...

Он выдвинул нижний ящик побольше, стал перебирать в нем что-то.

— Хотел бы сделать для вас приятное, да сам не знаю, что вам подарить. На этих пятаках и надписи не сделаешь...

— Подарите мне еще одну вашу историю, для меня это лучший подарок, вы знаете.

— Постараюсь... Только, право, Виктор, мне кажется, все, что могло вас интересовать, я вам уже пересказал.

Я засмеялся.

— Если б я не знал вас так давно, Аллан, то мог бы испугаться. К счастью, мне доподлинно известно,

что вы ошибаетесь. Более того, я даже хотел бы вам напомнить об одном вашем обещании.

— Сделайте милость, Виктор...— он продолжал перебирать кассеты, но я видел, что он насторожился, он всегда великолепно угадывал мои мысли.

— Вы обещали, что когда-нибудь раскроете тайну планеты МИФ.

Он еще некоторое время стоял, наклонившись над ящиком, потом выпрямился и рассмеялся.

— Поймал все-таки! Я думал, забыли давно. Сколько лет прошло?

— Десять. Как видите, я тактично молчал все эти годы. Вы ведь сказали тогда: «Может быть... Когда-нибудь... Лет через десять». Вы уж простите, но я подумал: может быть, оно уже наступило — это «когда-нибудь»?

— Да... Планета МИФ...

Он посерьезнел, подошел к окну и долго стоял, глядя в сырую ночную мглу, прорезаемую лучами прожекторов.

— Аллан,— сказал я.— Бог с ней, с этой планетой. Нельзя — так нельзя.

— Пожалуй, теперь можно.— Он снова подошел к библиотеке, нажал какую-то замаскированную кнопку, открыл ящичек на высоте своего плеча, стал перекладывать что-то.— Но только с одним условием, Виктор, я буду называть ее не тем именем, под которым она была широко известна в свое время, а так, как она числится у меня здесь, в моем каталоге: Могучая Ипсилон Феникса — сокращенно МИФ. Согласны?

— Разумеется, Аллан. Разве только, если я опубликую потом ваш рассказ, кое-кто не поверит, решит, что все это выдумка.

— Поверят! Дело тут не в названии. Впрочем, надо все по порядку...

Он стал выбирать из ящичка кассеты, какие-то карточки с перфорацией, потом, видимо, вспомнив, принялся разыскивать еще что-то, наконец, решив, как видно, что так будет лучше, вынул весь ящичек из ячейки и перенес его на стол вместе со всем содержимым, поставил бережно и прикрыл ладонью.

— Здесь хранится все, что связано с этим делом... Вернее, почти все. Десять лет я не прикасался к этим материалам по причинам, которые вы поймете потом.— Он отнял ладонь от ящика.— С чего же начать?..

2

Ее открыли в начале века. Какой-то астроном Северной обсерватории обратил внимание на странное расположение вновь обнаруженных звезд в созвездии Феникса. Они располагались точно по окружности, а в центре была непонятная пустота. Никакими известными тогда радиотелескопами нельзя было обнаружить внутри ни малейшего признака твердого тела или излучения. Вращались звезды вокруг этого центра. Внимание ученых всего мира было привлечено к данной точке Вселенной. Можно без преувеличения сказать, что в какой-то момент все астрономические трубы, все приборы земли оказались направленными в одну точку. Раз звезды вращаются вокруг какого-то центра, значит там должно быть мощное тело, обладающее огромной массой. Но никто ничего прибавить не мог — в центре созвездия зияла пустота.

Страшно заинтересованные ученые предположили, что существующие приборы просто не улавливают волновых колебаний. И вот тогда-то появился на свет сверхмощный мазерный телескоп. В его создании участвовали физики всего мира. С огромным интересом ждали они того дня, когда раскинутые на просторах Сахары колоссальные излучатели будут направлены в сторону Феникса. Наступил этот день. И снова — ничего. Ни малейшего проблеска.

Тогда принялись за расчеты. Они показали, что в центре симметрично расположенных по кругу звезд должно находиться гигантское тело колоссальной плотности. Только такое тело, обладающее невероятной массой, может держать «на привязи» целую звездную систему. Эта сверхзвезда, а вернее, сверхпланета, так как она должна была быть твердой, получила название Могучая. Но открыта она была «на кончике пера», как некогда Леверье теоретически открыл Нептун.

Надо было найти какие-то физические признаки ее существования.

Началась целая астрономическая эпоха, проходившая под знаком Могучей. Состязаясь друг с другом в изобретательности, величайшие умы первой половины века, целые творческие коллективы, лаборатории, объединения строили удивительные приборы, разрабатывали проекты один другого великолепнее, чтобы засечь

наконец ее, поймать, так сказать, на ощупь. В погоне за Могучей были открыты гравитационные волны, новые частицы, были найдены принципиально новые способы локации...

По ходу были сделаны важнейшие открытия в области физики и техники. Появились даже новые ответвления в физике — такие как гравитационная статистика, галактическая магнитная теория. Если мы открыли магнитный резонанс — это благодаря Могучей...

Я не хочу сказать, что всего этого не было бы без охоты за Могучей. Конечно, со временем пришли бы ко всему, но погоня за ней подстегнула умы, она раззадорила всех, она не давала покоя...

А тут еще было высказано предположение, что огромной мощности силовое поле вокруг Могучей как бы захватывает радиосигналы, посылаемые с Земли, они движутся возле нее по замкнутому кругу, поэтому локация с Земли безуспешна, необходим штурм Могучей при помощи межзвездных зондов.

Эта идея дала новый толчок развитию космонавтики. К середине столетия был создан первый фотонный двигатель и ракета, разогнанная до скорости, близкой к скорости света, покинула солнечную систему, ушла в направлении Феникса, неся на борту мощнейший квазерный генератор для автоматической локации. Но когда по всем расчетам зонд был уже вблизи Могучей, сигналы прекратились. Последние сигналы показывали, что зонд попал в сферу мощного магнитного поля, и все попытки автоматов изменить траекторию его движения не дают результатов...

Было еще много попыток зондировать Могучую, были придуманы остроумнейшие системы, позволяющие использовать силу магнитного поля для торможения и перевода ракеты на круговую орбиту, но ничего не помогало — участь всех зондов была похожа. Они приближались к району Могучей, но как только делались попытки «прощупать» ее, сигналы тут же прекращались — внезапно и навсегда.

Было высказано много теорий, предположений — от самых простых до самых фантастических, вплоть до того, что Могучая обитаема, там высокая цивилизация, и чувствительные станции, едва уловив сигнал, тут же перехватывают волны, так как жители Могучей не хотят никаких контактов с иными мирами...

За пять десятилетий была создана обширная лите-

ратура о Могучей, история ее штурма занимала несколько десятков томов, многие ученые, институты целиком посвятили себя этой проблеме. Несколько Академий наук учредили почетные премии за разрешение этой загадки.

Несколько раз поднимался вопрос о посылке экспедиции, но Всемирный Космический Центр всякий раз налагал вето, считая, что нет достаточных гарантий надежности.

Наконец, где-то лет тридцать тому назад, когда открыли способы гравитационной защиты, ВКЦ дал разрешение на экспедицию.

Подготовлена она была очень тщательно, возглавили ее одни из самых крупных ученых и астронавтов того времени, в составе экипажа были специалисты многих направлений. В подготовке участвовали ведущие научные центры мира, координировал подготовку ВКЦ.

Они стартовали в начале 2170 года и через двадцать девять месяцев по земному исчислению, идя с субсветовой скоростью, приблизились к району темного пятна. Учитывая опыт прошлого, они шли с таким расчетом, чтобы лечь на дальнюю орбиту Могучей, и оттуда, с расстояния примерно в три четверти пути, они подтвердили, что все идет нормально. Сигнал, разумеется, был получен с большим опозданием, к моменту его прихода они должны были находиться уже на расчетной орбите, на Земле ждали дальнейших сообщений, но сигналов больше не поступало. Это предвидели заранее и не волновались — считалось, что пока «Дальний» будет находиться на орбите Могучей, связи может не быть, когда же он ляжет на обратный путь, связь возобновится и мы наконец узнаем что-нибудь. Но прошло еще пять месяцев, затем десять — связи не было. Теперь уже волновались, но еще надеялись. Когда же прошло еще десять месяцев и с «Дальнего» не поступило ничего, надеяться перестали. Правда, еще через некоторое время был принят какой-то странный, очень слабый сигнал, но шел он совсем с другой стороны, откуда-то из туманности Андромеды. О нем поговорили и перестали.

Хотели посылать поисковую экспедицию к Фениксу, но ВКЦ запретил. Было объявлено, что до тех пор, пока не прояснится природа Могучей, больше людей туда не пошлют — хватит жертв.

Зона Могучей была объявлена запретной. Всем кос-

мическим кораблям предписано не приближаться к темному пятну ближе чем на пять световых месяцев — то расстояние, с которого «Дальний» послал последнее сообщение. На звездных картах это место помечено красным.

3

Аллан подошел к звездной карте, занимавшей полстены в библиотеке, и показал мне ярко-красную точку с рвущимися от нее во все стороны зловещими острыми клиньями. Таких точек на всей карте было три или четыре, но эта была самая большая.

— Что ж, так и осталась она загадкой? — спросил я с откровенной разочарованностью, больше чтобы раззадорить его.

— Погодите, это была, так сказать, предыстория. Я рассказал вам все это, чтобы вы могли представить себе, как обстояло дело к моменту, когда я вступал в космонавтику.

Красное пятно на карте предписывало строжайший запрет. Выполнение его — обязательное условие для каждого, кто допускался к выходу в Космос. Оно записано в Кодексе космонавта, содержится в клятве, которую дает каждый, вступающий в звание космонавта. Нарушение Запрета влечет за собой лишение Диплома и звания — это известно любому выпускнику Академии Космонавтики. И, насколько мне известно, попыток нарушить запрет за последние лет двадцать не было. Правда, за это время перед ВКЦ несколько раз поднимался вопрос о снятии запрета, но предложения эти всякий раз отклонялись. Мотивировка была та же: пока природа Могучей не разгадана, риск нельзя считать оправданным.

Десять лет назад я возглавил экспедицию в район Гаммы Феникса. Там, на небольшой планете, естественном спутнике Гаммы Феникса, сходном по условиям с Землей, работала наша станция. Мы должны были доставить новое оборудование, сменить людей, забрать оттуда научные материалы.

Мы прибыли в заданный район без особых происшествий, легли на орбиту вокруг Эры (так называется планета, спутник Гаммы), подготовились к приему МТР — малой транспортной ракеты. Она должна была доставить с Эры людей и материалы, увезти обратно

10—5340

новый состав экспедиции. Подготовили кают-компанию для торжественной встречи.

Я много раз присутствовал на таких торжественных встречах-проводах, и всегда было одно и то же. Так было и на этот раз.

В кают-компании было шумно, весело, произносились с обеих сторон остроумные тосты. Внешне прибывшие с Эры мало чем отличались от наших: такие же парадные куртки с эмблемой ГУКСа — Главного Управления Космических Станций, так же тщательно выбриты, подстрижены, подчеркнуто бодры, но если присмотреться, то легко можно было увидеть разницу. Наши — все время держались вместе, это был коллектив, которому предстояло делать совместную работу. Они же — эту работу выполнили, их теперь одолевали воспоминания, они легко погружались в себя, как только прерывался разговор.

Особенно выделялся один из них — с нашивками пилота-космонавта первого класса, плотный, мрачноватого вида человек лет тридцати пяти, заросший неряшливой бородой, скрывавшей почти все его лицо. Он сидел все время молча, как-то криво облокотившись о стол, так же молча наливал себе наш розовый напиток, причем делал он это в основном между тостами — возле него стояло уже несколько пустых бутылок

Я спросил о нем, мне сказали, что он вообще такой, особенно последнее время, видно, затосковал по Земле. Но специалист прекрасный, дело свое знает великолепно, незаменим в критических ситуациях — выдержка колоссальная. Звали его Юлий Бандровский. Фамилия показалась мне знакомой, но я не мог вспомнить, откуда.

Потом мы разместили вновь прибывших по каютам, погрузили отряд в транспортную ракету, дождались, пока они причалили к станции на Эре, увидели их еще раз на телеэкране, попрощались и, облетев Эру, легли на обратный курс.

Должен сказать, что наш путь на Землю пролегал не по прямой. Между Землей и Эрой, прямо в створе, находилось то самое темное пятно с его коварной Могучей. Поэтому, в соответствии с инструкцией, мы описывали дугу, чтобы обойти это место стороной. Это удлиняло путь, и без того немалый, но иного выхода не было. Мы разгоняли корабль до субсветовой скорости и при том нам предстояли долгие месяцы полета.

По положению, в длительных полетах весь состав сменяемых экспедиций поступает в распоряжение командира корабля и используется в полете по его усмотрению — как для проведения научных исследований, так и для поддержания в действии всех систем корабля.

Поэтому, когда на третьи земные сутки в рубке управления появился Бандровский и попросил использовать его в качестве вахтенного инженер-пилота, я ничуть не удивился, только вид его меня опять неприятно поразил. Всклокоченная, неряшливая борода, лихорадочно блестевшие глаза, предельно мятая куртка, из под которой виднелась далеко не первой свежести рубашка... Впечатление было такое, что он все трое суток валялся на своей койке, не раздеваясь, не умываясь и, кажется, не сомкнув глаз.

«Что-то неладно с этим парнем,— подумал я тогда,— но, может, работа пойдет ему на пользу...» И дал распоряжения дежурному инженеру постепенно вводить Юлия в курс дела.

В течение нескольких дней я наблюдал за ним. Я видел, с каким жадным интересом он осваивал новые для него приборы, знакомился с системой управления. За время его пребывания на Эре кое-что прибавилось в оснащении кораблей. И в том, с какой быстротой схватывал он все новое, как ловко и умело оперировал приборами и расчетными механизмами, виден был специалист высокого класса. Я убедился, что характеристика соответствовала истине. Он даже менее мрачным становился, когда общался с приборами. В такие минуты я даже нежность замечал в его взгляде, в движениях его пальцев. Однако с людьми он по-прежнему был неприветлив, цедил сквозь зубы, как будто мы все обиду ему нанесли какую-то.

И все же, по мере того как он входил в курс дела, что-то в нем менялось к лучшему. В тот день, когда он впервые заступил на самостоятельную вахту, он появился в чистой сорочке, причесанный, и кажется, даже бороду свою привел в порядок.

Я поздравил его, пожелал счастливого дежурства. Он пробурчал что-то невразумительное и сел за пульт. В своей каюте я несколько раз включал контрольный экран — Бандровский внимательно следил за приборами, расхаживая вдоль щита, любовно притрагивался к рукояткам.

Утром я проверил журнал — все записи были сделаны в строгом порядке: четко, толково, лаконично. Я успокоился.

Так прошло примерно около месяца.

На корабле жизнь текла, как обычно, каждый занимался своим делом, работа велась по намеченной программе. Я тогда, помнится, увлекся межгалактической магнитной теорией и тоже с головой ушел в свое дело.

Можно сказать, что все шло нормально, если бы не одно обстоятельство: все время ухудшалась связь и вскоре совсем пропала. С Эрой мы ее уже потеряли, а с Землей она никак не налаживалась. В принципе такие вещи в Космосе не редкость — иногда проходишь зоны сильных магнитных влияний и связь на время исчезает. Однако на всем протяжении от Земли до Эры связь сохранилась. Сейчас мы шли тем же путем, но связь почему-то исчезла. Приборы показывали соседство очень мощного магнитного поля. Его тоже не было раньше.

Как-то во время дежурства Бандровского я вошел в рубку. Он сидел у пульта, перед ним лежал книгофильм, но смотрел он не его, он оглядывал главный щит, приборы, и во всем его облике, в осанке, во взгляде светилось такое торжество, что я удивился.

«Вот,— думаю,— расшевелило даже эту сонную тушу!»

— Что, Юлий, нравится корабль?

Он посмотрел на меня, и мне показалось, что во взгляде его мелькнула насмешка. Впрочем, он тут же погасил этот огонек в своих глазах.

— Первоклассный корабль!— проговорил он как-то зло.— Наверное, лучшее, что мог выдать ВКЦ?

— Пока — лучшее... Вот только связь барахлит. Непонятно, откуда взялось это мощное магнитное поле.

— Непонятно?— он чуть повернул ко мне голову, и мне показалось, что по лицу его прошла гримаса.— В Космосе много еще непонятного. Чтобы раскрыть непонятное, надо уметь рисковать, а не ставить на карте красные кляксы!— Он с презрением отшвырнул фильмоскоп, лежавший перед ним. Я посмотрел название книгофильма — это был Бертье, «Белые пятна».

— Вы считаете, что мы недостаточно рискуем?

— Я считаю, что некоторые пятна, которые здесь именуются белыми, это черные пятна на совести ВКЦ.

Мне показалось, он даже зубами скрипнул.

— За что вы так невзлюбили Космический Центр?

— Жалкие трусы!— Он встал и, не в силах сдержать себя, заходил по рубке.— Сидят в своих апартаментах и делают в штаны от страха!..

«Странно,— подумал я тогда,— обычно эта жажда риска проходит с юношеским возрастом. А ведь ему не восемнадцать лет. И даже не двадцать восемь... Такой может наделать беды. Пожалуй, нельзя оставлять его одного».

И хотя от вахтенного мало что зависит, курс выдерживается по заданной программе приборами, малейшее отклонение исправляется автоматически, я отдал приказ, чтобы одновременно с Бандровским дежурил кто-то из экипажа.

Но было уже поздно.

Странности следовали одна за другой.

На следующий день мне доложили, что скорость корабля возрастает. Это было непонятно, так как двигатели давно не работали — после разгона корабль шел по инерции с постоянной скоростью. Объяснение могло быть лишь одно: мы испытывали действие сильного магнитного поля, совпадающего по направлению с курсом корабля.

А затем, еще через день, ко мне пришел наш астроном, старый ученый Горт и, волнуясь, сказал, что он ничего не понимает. В соответствии с направлением и пройденным путем прямо по курсу должна находиться Вега, а впереди справа от нас должны быть Солнце и Земля. Между тем, как видно из астрономической башни, прямо по курсу лежит какое-то беспросветное пятно, а Солнце почему-то впереди слева от нас, примерно градусов на тридцать.

Уже тогда, когда он сказал про темное пятно, страшное подозрение шевельнулось во мне. Когда же мы прошли с ним в астробашню и он показал мне все воочию, я уже почти не сомневался: мы шли прямо на Могучую и находились под ее влиянием!

Теперь мне стало понятно все: и потеря связи, и увеличение скорости — все объяснялось.

Скажу честно, никогда — ни до, ни после — я не испытывал такого страха, какой испытал в то мгновение: корабль, люди, все, за что я отвечал, как начальник экспедиции, все находилось сейчас в смертельной

опасности, и я еще не знал, как далеко все зашло, сумеем ли мы исправить положение.

Любопытство ученого, сознание того, что, может быть, наконец мы проникнем в эту многолетнюю тайну,— все отступило, затмилось чувством опасности, внушенным с юности строжайшим запретом, чувством ответственности за судьбу людей и корабля.

Тем не менее я постарался сделать вид, что все это чепуха какая-то, стал убеждать старика, что он, видимо, ошибся в расчетах, так как скорость оказалась несколько выше намеченной. Наш астроном был очень опытный ученый, звездную карту он знал лучше, чем свой собственный дом, мне было неприятно убеждать его в ошибке, но иного выхода не было — экипаж пока не должен был знать ничего.

Я уговорил Горта, чтобы он спустился отдохнуть, запер башню и кинулся в рубку.

По расписанию должен был дежурить Бандровский, но его не было. Находившийся в рубке бортинженер сказал мне, что Юлий вот уже второй день не выходит из каюты, сообщил, что болен.

Я отослал бортинженера, сказал, что хочу сам провести кое-какие расчеты, и остался один.

Прежде всего надо было попытаться изменить курс корабля. По расчетам Горта, Солнце должно было находиться справа градусов на двадцать по курсу. Сейчас оно слева градусов на тридцать. Значит, поворот влево на пятьдесят градусов! Вы представляете себе, Виктор, что это значит для космического корабля, идущего с субсветовой скоростью! Какая нужна огромная дуга, чтобы корабль изменил курс более чем на половину прямого угла!

Тем не менее, надо попытаться. Я включил левый боковой реактивный двигатель, и когда приборы показали, что корабль поворачивается вокруг своей оси, стал следить за стрелкой. Двадцать градусов, тридцать, сорок, сорок пять... Я включил правый двигатель, остановил вращение корабля. Пятьдесят градусов! Нос корабля повернут на пятьдесят градусов влево по отношению к оси движения. Теперь — задний, главный реактивный двигатель.

Я включаю его. Сначала на небольшую мощность. Легкая вибрация говорит о том, что он начал действовать, прибавляю мощность. Еще! Еще! Вот уже он работает на полную мощность, добавляю оба боковых...

Представляю себе, какое море пламени бушует сзади... Гляжу на приборы. Должен быть хоть какой-то сдвиг по отношению к прежнему курсу — пусть на четверть градуса, на десятую долю... Ничего! Ни на йоту! С повернутым носом, боком, правым бортом вперед, мы продолжаем лететь по прежнему курсу прямо в пасть Могучей. Она держит нас в своих лапах, она схватила нас в свой капкан, и нет такой силы, которая заставит ее нас выпустить!

В холодном поту я стискиваю зубы и включаю аварийный двигатель. На полную мощность! Корабль сотрясается от напряжения, кажется, что он развалится сейчас на части, две силы раздирают его в разных направлениях — Могучая тянет его к себе, а все четыре двигателя пытаются сдвинуть вбок...

И в это время я услышал чей-то хриплый голос, кто-то звал меня по имени. Я оглянулся и увидел на боковом экране заросшее лицо с лихорадочно блестевшими глазами. Это был он, Бандровский.

— Напрасно, Аллан! Напрасно! Вы только даром выбрасываете горючее!

Несколько секунд я смотрел в страшное, воспаленное лицо, заросшее спутанной бородой.

— Мы идем на Могучую, и ничто нас теперь не остановит, даже если вы сожжете все атомное топливо.

Кажется, он был прав. Я снял газ и, обессиленный, чувствуя, что у меня подгибаются ноги, присел на выступ щита.

— Так это ваша работа, Бандровский?

— Моя. Уже на третий день полета я подправил приборы и вместо того, чтобы описывать дугу, мы пошли к Земле прямым ходом. Прямо через Могучую...

Его борода дрогнула в усмешке.

— Вы совершили преступление, Бандровский! Двойное преступление!

— Перед кем?

— Перед Уставом. Вы самовольно изменили курс корабля. И вы нарушили Запрет!

— Запрет, который сочинили эти дохлые крысы в ВКЦ? Плевать я хотел на их запреты и их законы. Они гораздо большее преступление совершили, наложив свой Запрет!

Я смотрел на него и не мог понять, кто передо мной — сумасшедший или преступник.

— Запрет был необходим,— сказал я устало, уже

понимая, что ему теперь все равно ничего не докажешь.— Он спас многие сотни людей...

— Спас?!— зло сверкнул глазами Бандровский.— А может быть, погубил?! Об этом вы никогда не думали, Аллан?! Лучших, достойнейших оставил без помощи, бросил на произвол судьбы!

— О ком вы говорите? О первой, пропавшей без вести экспедиции?

— Да, я говорю об экспедиции отца.

Бандровский! Так вот откуда мне была знакома эта фамилия! Как же я сразу не догадался!

Несколько секунд я сидел ошеломленный, осмысливая то, что услышал. Я всегда преклонялся перед подвигом Станислава Бандровского и его товарищей.

— Так это был ваш отец! Я не знал... Почему вы сразу не сказали мне?

— А что бы это изменило? Запрет вы все равно не нарушили бы! Так ведь?

— Так. Но... Вы что же, полагаете, что спустя столько лет мы сможем узнать что-то о вашем отце, о его друзьях? Даже если предположить, что каким-то чудом мы уцелеем?

— Нет, Аллан, я все понимаю... Мы их не найдем!

— Так какого же дьявола...— Я кинулся к экрану и, не в силах себя больше сдерживать, ударил кулаком по этой бородатой физиономии.— Какого дьявола вы это сделали?!

Но он только усмехнулся.

— Прекратите истерику, Аллан. Вам это не идет... Сейчас я вам все объясню. Еще в детстве я дал клятву, что пройду путем отца, узнаю, что здесь кроется. Как видите, я стал космонавтом, специалистом высокого класса. Несколько раз я обращался в ВКЦ с просьбой снять запрет, но каждый раз получал отказ.

— И тогда вы решили...

— Да. Я специально попросился на Эру. Десять лет я ждал удобного случая...

— И дождались?!

— Дождался.

— Но ведь это преступление — вы понимаете? Жестокое и бессмысленное преступление! Вы обрекли на гибель целый экипаж — во имя чего?

— Во имя истины, Аллан. Во имя истины, за которую отдали свои жизни мой отец и его друзья.

— Хорошо, предположим, что мы узнаем некую

истину, какая польза от нашего знания, если поделиться им мы ни с кем не сможем. Связаться с Землей у нас нет возможности, вы знаете, а долететь до нее — тем более...

— Значит, надо уцелеть, Аллан!

— Уцелеть! Может быть, вы знаете, как это сделать?! Лечь на орбиту Могучей?!

— Ну хотя бы...— Он явно издевался над моей беспомощностью. И тут я не выдержал.

— Слушайте, вы, Мефистофель новоявленный, вы прекрасно знаете, что от меня теперь ничего не зависит — всей мощности наших двигателей не хватит, чтобы сдвинуть корабль хоть на йоту в сторону от той орбиты, на которую нас несет. Мы попали в капкан по вашей милости. Единственное, что вы можете сделать — это, по крайней мере, молчать сейчас, никому ничего не говорить, пусть хоть люди не знают, что их ждет. Если мы врежемся в нее или сгорим в ее атмосфере — пусть это будет внезапно — они ничего не успеют понять.

— Это я вам обещаю, Аллан, никто ничего не узнает. А вам я хочу дать один совет: идите спать.

— Нет уж... Останусь здесь... До конца. А вам, Юлий Бандровский, могу обещать одно — если мы каким-то чудом уцелеем и когда-нибудь попадем на Землю, то первое, что я сделаю, отдам вас под суд. И потребую самого сурового наказания!

— Ради бога... Вот уж что меня нисколько не волнует.— Он пожевал губами.— Ладно, не хотите спать, тогда включите экран и дальнюю локацию, может быть, это вас позабавит. А я спать хочу.

Изображение исчезло.

А я сел в кресло перед пультом, положил голову на руки и застыл так в отчаянии от бессилия и беспомощности. Знаете, Виктор, были у меня в жизни тяжкие минуты, терял друзей, стоял на краю гибели, не один раз мысленно прощался с Землей, с Юной, со всем, что дорого, но как бы ни было тяжко и трудно, всегда оставалось одно — бороться, бороться до конца, и я боролся, как ни мала была надежда. Боролся за то, чтобы спасти людей, корабль, за собственную жизнь, наконец, боролся, пока оставался малейший шанс, и это сознание, что надо бороться, придавало силы, помогало выстоять. Но никогда я не чувствовал себя таким беспомощным, никогда я еще не был в положении, когда

надо сидеть сложа руки и ждать решения своей судьбы, которая зависит от слепых сил. Это всегда было противно моей натуре. А тут... И еще было обидно, что так нелепо, так глупо приходится погибать, хоть бы польза какая-то была от нашей гибели, хоть бы рассказать кому-то можно было обо всем. И тут я подумал, что не выполню свой долг, если не запишу все в журнал. Кто знает, может быть, найдут нас когда-нибудь в космосе, если не сгорим и не превратимся в атомы от удара.

Я стал писать, и это меня немного успокоило. Все-таки какое-то дело. И все-таки какая-то надежда. Может быть, когда-нибудь прочтут.

Надо было записать координаты. Но вычислить их точно было невозможно. Скорости я не знал, стрелка прибора давно дошла до края шкалы, а что там дальше — неизвестно.

Чтобы определить как-то положение корабля, я включил астробашню и стал просматривать на экране звездное небо слева и справа от нас. По сетке экрана было видно, как смещаются звезды. Я сделал грубый подсчет, заложил в вычислительное устройство и получил какой-то фантастический результат скорости. Тогда я стал вглядываться в расположение звезд вокруг и поразился еще больше — выходило, что мы уже почти в центре круга, то есть приближаемся к Могучей! Это подтверждало фантастическую скорость, а значит, остались считанные минуты... Я включил локаторы, они должны были дать очертания гигантского, увеличивающегося диска... Но на экранах, на всех экранах — одна сплошная муть. Пыль какая-то. Ни малейшего признака твердого тела. Я меняю дальность — даю на самое большое расстояние, перевожу на ближнее — ничего, только клубится звездная пыль...

Гляжу через астробашню и еще раз поражаюсь — выходит, мы должны находиться сейчас уже в самом центре Могучей!

В это мгновение щелкнул боковой экран, на нем снова появилась сардоническая физиономия этого проклятого Мефистофеля, и от его хриплого смеха у меня мороз по коже пошел.

— Что, Аллан, врезались уже? В самом центре находимся?

И снова этот ужасный, какой-то хлюпающий, клокочущий смех.

А я стою, окаменев, не в силах вымолвить хоть слово, только гляжу в это страшное, лохматое, усмехающееся лицо и ничего не могу понять.

Он, видно, вдоволь насладился моим нелепым, растерянным видом.

— Что все это значит?— наконец выдавил я из себя.

Он снова засмеялся, потом закашлялся.

— Это значит, Аллан, что никакой Могучей нет. Никогда не было и нет.

Если бы он сказал, что Земли никогда не было, я бы, наверно, поразился меньше.

— Чушь!— словно убеждая себя, проговорил я.— Откуда же это невероятной силы поле?

— Магнитный центр Галактики, Аллан. Нас втянуло в него, а теперь вышвырнет с обратной стороны. Магнитная праща, представляете?

Только теперь я начинал кое-что понимать.

— Вы это раньше знали, Юлий?

— Догадывался, потому и направил сюда. Теперь держитесь, Аллан, представляете, куда вын[illegible] из этой пушки. Какова скорость?

— Что-то несусветное...— сказал я.

— Вернее — сверхсветное? Так?

— Кажется, так...

— Ну вот, видите. Вот вам и разгадка Могучей. Признаться, у меня голова кругом пошла. Столько лет связывать все представления с Могучей, с коварной планетой — и вдруг...

Я поднял глаза, встретился с его взглядом и еще раз поразился — я не увидел злобы, не увидел злорадства, я увидел огромную усталость и огромное облегчение, как у человека, который долго, слишком долго тащил непосильную ношу и только что свалил ее, наконец донеся до цели

— Идите сюда, Юлий,— позвал я его.— Выходите из своего склепа и идите сюда. Давайте вместе прикинем, что получается.

Но он покачал головой.

— Извините, Аллан, но сейчас я не могу. Я ведь действительно болен. До завтра!

— Погодите, Юлий, еще один вопрос... Что, по-вашему, произошло с экспедицией отца? Ведь они прошли тем же путем.

Он помолчал, облизнул пересохшие губы. Потом сказал устало, как что-то давно обдуманное:

— Их, как видно, вынесло из нашей Галактики. Возможно, они все еще летят куда-то к Андромеде...

— Так вы полагаете...— Я задохнулся.— Так ведь это значит...

— Да, Аллан, это значит, что магнитную пушку можно будет использовать для межгалактических перелетов.— Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, потом он, видно, прочитал вопрос в моих глазах и добавил:— Но мы не вылетим, не волнуйтесь, мы зашли с обратной стороны и под другим углом.

И тут только я все понял. Он все рассчитал, все предвидел заранее.

4

Вы представляете, Виктор, что я испытывал в ту ночь, когда выключили экран, и я снова остался один в рубке управления?! Экипаж ничего не подозревал, люди спокойно спали, а мы неслись сквозь магнитное жерло Галактики с невероятной скоростью, и только два человека на борту знали, что происходит — Юлий и я. Но он оставался в каюте, а я один находился в рубке, и вся ответственность за дальнейшую судьбу корабля была теперь на мне. И не только за судьбу корабля, за жизнь людей. Мы должны были во что бы то ни стало донести до Земли то, что узнали: ведь значение открытия, сделанного Бандровским, трудно было переоценить. Оно означало принципиальную возможность выхода в другие Галактики. Но не только это. Можно было использовать магнитную пушку для разгона кораблей и тем самым во много раз сократить время внутригалактических полетов.

Ради того, чтобы сообщить об этом на землю, действительно стоило пожертвовать всем, и в душе я уже простил этого парня, понимая, что у него не было иного выхода, как только практически доказать свою правоту. Он это сделал, остальное должен был сделать я.

Нужно было срочно рассчитать, куда нас вынесет, и тогда можно будет решить, что делать дальше.

Я кинулся к вычислительному устройству, заложил в него данные. Выходило, что нас вынесет куда-то очень далеко от Солнечной системы, но это при условии полета по инерции, без участия двигателей. Значит, задача состояла в том, чтобы определить наиболее благоприятный момент их включения и рассчитать запасы атомного горючего — его ведь оставалось не так уж

много, я перестарался тогда, пытаясь вырваться из объятий Могучей — мысленно я все еще называл ее так.

Я посмотрел по журналу, когда началось увеличение скорости под влиянием Могучей. Это было примерно за пятнадцать земных суток до сегодняшней ночи. Значит, еще через пятнадцать суток мы выйдем за пределы ее зависимости. Вот тогда-то и надо будет включать двигатели и попытаться изменить траекторию полета, приближая ее к Солнечной системе. Где мы будем в тот момент? Я прикинул по карте — получалось, что нам придется описывать большую дугу и заходить на Землю с другой стороны... Но это уже не страшно. В крайнем случае надо было максимально близко подойти к любой промежуточной станции, а там можно радировать и произвести дозаправку.

Всю ночь я провел у вычислительного устройства. На экран смотреть почти не было времени, я включил видеозапись, чтобы все осталось на пленках — они вот здесь, в этих кассетах. А наутро (условное утро, конечно), когда экипаж поднялся и приступил к своим обязанностям, я объявил, что под влиянием сильного магнитного поля приборы дали отклонение, мы сбились с курса и теперь придется идти совсем иным путем.

Записи, которые я делал в журнале в ту ночь, я вырвал, пленки удалил. Никто так и не понял, что произошло на самом деле. Все только удивлялись, как далеко мы зашли в сторону. Когда я передал вахту дежурному, мы уже прошли магнитный полюс, удалялись от него.

Я шел к себе счастливый, представлял, какой переворот произведет наше сообщение в ВКЦ, представлял себе триумф Бандровского, радовался за него.

Проходя мимо его каюты, постучал, но он не ответил,— спал, видимо.

Я пришел к себе, включил экран внутренней связи. Юлий Бандровский сидел неподвижно в кресле, откинув голову назад, с посиневшим отекшим лицом. Врач констатировал смерть от кровоизлияния в мозг, наступившую три часа тому назад.

Аллан нашел свою трубку, закурил, потом встал и принялся расхаживать по кабинету. Видно, вся эта история здорово разволновала его.

— Никогда не прощу себе,— сказал он жестко.—

Если бы тогда ночью я вызвал врача, может быть, ничего бы не случилось...

— Но ведь тогда решалась судьба корабля,— сказал я, стараясь как-то его успокоить.— Вам и в голову тогда не могло прийти...

— Вот именно! Я думал тогда о чем угодно, только не об этом. А должен был думать и об этом. Он ведь сказал мне, что болен, да я и сам видел — лицо у него было такое...— Он хотел как-то объяснить, какое лицо было у Бандровского, но только махнул рукой.— Оно стоит у меня перед глазами. Я часто вижу его по ночам. И буду видеть до самой смерти...

— Скажите, Аллан, он ведь сделал большое открытие?

— Величайшее. Пожалуй, самое великое в нашем веке.

— Почему же тогда неизвестно его имя? И вообще о магнитной пушке я слышу впервые.

— Скоро услышите. Скоро имя Юлия Бандровского золотыми буквами впишут во все энциклопедии, во все учебники. Скоро ему памятник в пантеоне поставят... Ему и его отцу!

— Позвольте, но ведь с тех пор десять лет прошло!

— Да, десять лет. Вы хотите понять, почему все эти десять лет никто ничего не знал? Сейчас поймете. Я вам все расскажу, но и вам придется помолчать еще некоторое время — до официального извещения.

Он сел на свое место у пульта.

— Мы вернулись на Землю месяцев через пять. И первое, что я сделал, поехал с докладом в ВКЦ. Я попросил приема у Председателя Совета и выложил ему все — все документы, пленки, расчеты. Сами понимаете, я был уверен, что он будет поражен и запрет тут же снимут.

Но странное дело, этот великий старик выслушал все довольно спокойно, а когда я кончил доклад, он попросил меня ничего никому не рассказывать до заседания Совета, которое он назначил на следующий день.

Я приехал на заседание Совета и снова сделал подробный доклад. А потом выступил Председатель и сказал, что наша экспедиция практически доказала то, о чем Совет давно догадывался, но так как человечество к межгалактическим перелетам не готово, держал в тайне все эти годы, оградив Запретом неразумные по-

пытки горячих голов пройти через магнитный центр и выйти в межгалактическое пространство. Он сказал, что сейчас ведется разработка теории межгалактических перелетов и как только она будет завершена и будут построены первые межгалактические корабли, Запрет будет снят, и тогда доклад, сделанный сегодня, сможет быть обнародован. В настоящее же время распространение сведений о магнитной пушке может привести только к новым напрасным жертвам. Поэтому он предлагает сохранить Запрет еще на некоторое время.

И. Совет проголосовал за сохранение Запрета.

— И вы согласились с этим?!— закричал я.— Вы — Аллан!!!

Он улыбнулся.

— Вот точно так же закричал тогда и я. И еще я сказал им, как называл их Бандровский.

— А они?

— Они покачали головами, улыбнулись печально и сказали, что в дни их молодости, когда они летали в Космос, они тоже находили для Совета хорошие прозвища. Потом меня увел к себе Председатель. И вот что он мне сказал:

— Дорогой, Аллан, я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете. Но поймите, дело не только в риске, которому подвергнет себя и других каждый, кто захочет воспользоваться магнитной пушкой. Дело в том, что еще на какое-то время надо сохранить миф о Могучей. Вот так-то, мой дорогой, лет восемь, а то и десять придется подождать.

И он взял с меня слово, что я буду молчать до тех пор, пока не построят первый межгалактический корабль.

Вот и вся история, Виктор. История Планеты МИФ.

— Да... Странная история. Значит, и я должен молчать?

— Совсем немного, Виктор. Через месяц-два будет официальное сообщение. А пока вам, как писателю, представляется возможность поразмыслить обо всем.

Анатолий Ершов,
Борис Зубков

ТАЙНА «ЦЕНТАВРА»

Повесть

...Приняли меня в строго обставленном кабинете. На совершенно голом столе лежала лишь тоненькая синяя папка. Хозяин кабинета пододвинул ее мне.

В папке находились вырезки из иностранных газет — на испанском, английском, немецком и японском языках. Но речь в них шла об одном и том же событии — запуске искусственного спутника Земли. Название — «Центавр», назначение — астрофизические наблюдения, главным образом исследование излучений звездных ассоциаций в рентгеновском и гаммадиапазонах длин волн. Высота орбиты и ее наклон — ничем не примечательные, примерно такие же, как у тысяч спутников, роем облепивших нашу планету. Несколько необычной была лишь принадлежность спутника. Его запуск был подготовлен Атлантическим обществом астрофизиков. Так утверждалось в газетных сообщениях. Но это мало что проясняло. В папке лежала также фотокопия с небольшого рукописного текста: листочек из крохотного «дамского» блокнота, на котором по-французски была написана одна-единственная фраза: «Господин Сид-Мохнабэдли приехал в Париж 14 апреля, судя по заказанному авиабилету, вылетает в Буэнос-Айрес 17 апреля».

Даже самый проницательный человек не уловил бы связи между этими данными, но связь, очевидно, была — иначе зачем бы им лежать в одной папке.

— Да, связь есть,— сказал мой собеседник.— Атлантическое общество астрофизиков официально зарегистрировано лишь в феврале. Его официальный учредитель — Мишель Клермон, известный в научных кругах как автор бредовых идей и гипотез. Так, он, например, уверяет, что кольца Сатурна — искусственного происхождения и служили когда-то промежуточным космодромом для инопланетян. Он пишет письма во все

научные учреждения мира, добиваясь присуждения Нобелевской премии, пятнадцать лет требует аудиенции у шведского короля. Денег у старика в лучшем случае хватает на почтовые марки для своей обширной корреспонденции. Искусственный спутник ему явно не по карману. Следовательно, Клермон — ширма.

Теперь о человеке по имени Сид-Мохнабэдли... В прошлом — способный ученый, а ныне — международный авантюрист с громадными претензиями. Основатель некоей космополитической организации с не очень вразумительным названием «Власть без власти». Претенциозно, глупо, но опасно. Методы, к которым они прибегают,— диверсии, убийства ни в чем не повинных людей, похищение государственных деятелей, шантаж. Никакой реальной политической силы. Зато смертельная ненависть к самой идее мирного сосуществования. Страстное ожидание серьезных международных осложнений и поистине неутомимая жажда вызвать их любой ценой. Установлены неоднократные контакты Сид-Мохнабэдли с Клермоном. И вот теперь — запуск «Центавра». Очень дорогое предприятие. Однако среди финансовых тузов — вспомним историю — часто находятся щедрые покровители фашистов и всяких авантюристов.

Как видим, к запуску «Центавра» причастны люди, известные своими человеконенавистническими взглядами и делами. Поэтому спутник, скорее всего,— орудие международного шантажа и провокаций. Он может нести любые средства химического, физического и биологического воздействия на биосферу планеты. Он, подобно адской машине с часовым механизмом, может быть введен в действие в любой момент. Таковы самые общие сведения, которыми мы располагаем. Мало, непростительно мало.

Ваша задача, проникнув на «Центавр», разгадать его секрет. И — если надо — обезвредить. Во время операции ничем себя не выдать, не обнаружить. Поэтому радиосвязь с Землей исключается. Официально «Центавр» запущен нейтральным научным обществом. Раскрыв его секрет, мы должны сделать тайну спутника достоянием мировой общественности.

Нам известно, что вы прекрасно подготовлены физически — учились в школе космонавтов, занимаетесь альпинизмом. У вас есть необходимые для выполнения этого задания научные знания. Поэтому выбор пал на вас. Задание сложное и опасное, у вас есть право

11—3349

отказаться. Единственно, чем мы можем облегчить вашу задачу,— снабдить самыми уникальными приборами и средствами защиты. Вы получите такое снаряжение, о котором даже и не мечтают обычные астронавты. Все. Отвечать прошу сразу.

Я был готов к борьбе, готов к предельному напряжению физических и умственных сил, готов к опасностям. Одно заставило меня на мгновение задуматься — ответственность! Ведь если «Центавр» действительно орудие глобальной, всепланетной провокации — эта ответственность беспредельна. Уверен ли я в своих силах настолько, чтобы взять ее на себя? Нет, я вынужден признаться самому себе, что страшусь столь огромной ответственности. И следовательно — не вправе рисковать.

Не вправе.

Должен отказаться.

Должен...

НОЛЬ-НОЛЬ ЧАСОВ НОЛЬ-НОЛЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Старт! Ракета-носитель выводит мой корабль на орбиту «Центавра».

Маневры сближения...

Итак, я дал согласие. «Не говори о горах, что круты: решился — значит, одолеешь. Не говори о врагах, что сильны: решился — значит, одолеешь». Такова простая мудрость моего народа.

Маневры сближения окончены...

НОЛЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Покидаю корабль, выхожу в открытый космос. Плыву среди звезд. До самых ярких — протяни руку и дотянешься. Далекими кажутся те, что слабее, они теряются в черно-бархатной бездне. Солнце выглядит шаром-светильником, прикрепленным неведомым образом к темно-фиолетовому, почти черному своду какого-то гигантского зала.

В лучах нашего земного светила яркими звездочками там и тут вспыхивают и уплывают вдаль искусст-

венные спутники Земли причудливых форм: космос стал обжитым.

Спутников много. Они самые разные и по форме и по назначению: телевизионные спутники-ретрансляторы, навигационные, спутники-обсерватории, космические разведчики погоды, спутники-гиганты — солнечные электростанции, передающие электричество из космоса в энергетические системы Земли. Внушительно выглядят и спутники-заводы, где автоматы в космическом вакууме изготавливают уникальные детали для электронной аппаратуры. К таким заводам на орбите время от времени причаливают корабли-автоматы и увозят готовую их продукцию на Землю.

Земля, колыбель человечества... Она величественно проплывает перед моими глазами. С высоты моего полета наша прекрасная планета выглядит плоской, и лишь кривизна у горизонта выдает истинную форму, вот тогда понимаешь, что это все-таки шар.

Ощущение такое, как будто перед тобою огромный макет — игрушечными кажутся даже самые высокие горные вершины, украшенные белыми снеговыми шапками. Величественно выглядят зеленые ковры лесных массивов Сибири, впечатляют своими просторами пустыни Средней Азии. Захватывает дух от безбрежной голубизны океанов... Красота неописуемая!

Я еще острее почувствовал, что лично в ответе за сохранение всей этой красоты. И это чувство снова вернуло мои мысли к таинственному спутнику. Вот и он сам...

Метров за двести до «Центавра» выключаю двигатели ракетного пояса скафандра и пролетаю это расстояние уже по инерции. Резиновые протекторы-присоски на подошвах ботинок мягко пружинят и тут же, силой магнитного притяжения, прочно прикрепляют меня к металлической поверхности таинственного спутника.

Первый этап операции прошел успешно. Впрочем, ничего неожиданного на первом этапе и не предвиделось. Опасность впереди. Я должен осмотреться, перед тем как попытаюсь проникнуть внутрь «Центавра».

Когда я подлетал к нему, он словно купался в алых бликах заката и потому выглядел сверкающим и идеально гладким. Затем обнаружилось, что «Центавр» не идеальный шар, а имеет тело неправильной формы и его поверхность покрыта наростами и буграми. Вблизи же спутник — бурое, обгоревшее металлическое чудище,

рассеченное сетью мелких трещин. Все это осложняло мою задачу. Окажись спутник полированным шаром, любой люк, лаз или какой другой вход найти было бы нетрудно. Но здесь — в хаосе трещин, подтеков, бугров — обнаружить люк?!

Если вдуматься, то в каждом хаосе есть своя упорядоченность. Теоретически ее найти можно. Практически — тоже. Если потратить на поиски бесконечно большой отрезок времени. У меня такой возможности не было. Что же делать?! О, если бы я мог уменьшиться до размеров муравья, мне было бы нетрудно найти желаемую лазейку, ту крохотную трещинку, которая отделяет крышку люка от тела спутника. Уменьшиться до размеров муравья я, естественно, не мог, зато вполне способен сделать обратное — увидеть поверхность «Центавра» в увеличенном изображении.

Я медленно облетаю шар «Центавра». Осторожно маневрирую микродвигателями ракетного пояса скафандра. Плыву над шаром как спутник спутника «Центавр». Установленная на шлеме стереотелекамера передает изображение поверхности спутника на своеобразный экран. Конечно, это не экран, а пересечение двух квазиобъемных лучей. Они создают перед моими глазами впечатляющую картину. И я внимательно всматриваюсь в увеличенную в двести пятьдесят раз поверхность «Центавра»! Да, по сравнению с огромным бугристым шаром я теперь действительно кажусь себе муравьем и с подлинно муравьиным старанием изучаю каждую шероховатость, царапину или трещинку. В этом мне усердно помогает миниатюрный компьютер, вмонтированный в скафандр. Ничего не скажешь, действительно первоклассная аппаратура.

Очень скоро я нахожу не один люк, а шесть. Среди них могут быть и ложные, демаскирующие. Или люки-ловушки.

Запоминаю расположение всех шести люков: они смогут послужить мне запасными выходами. Впрочем, раньше чем воспользоваться выходом, надо найти вход. Один из шести. По размерам они все разные. Видимо, у деятелей из Атлантического общества астрофизиков стандартизация не в моде.

Мое внимание привлекает люк среднего размера. Есть простое правило — хочешь что-либо замаскировать, сделай это средним, неброским, не выделяющим-

ся. Значит, самый большой и самый маленький люки не годятся.

Остается средний люк. Но как в него проникнуть? Конечно, его можно просто расплавить. Меня снабдили достаточно мощной аппаратурой и для таких операций. Но тогда не стоило тратить времени на поиски люка. Оболочку «Центавра» можно расплавить в любой точке. Однако в мою задачу такое проникновение не входило,— я должен был попасть в спутник, не оставляя следов.

Осматриваю металл вблизи люка. Рядом с ним нахожу хорошо пригнанную, утопленную в металл квадратную пластинку. Осторожно отдираю ее. За ней две кнопки — зеленая и красная.

Как просто! Как чертовски просто. Словно специально для меня приготовлено. Нажимайте зеленую кнопку и входите. Милости просим! Добро пожаловать!

Расчет на привычную реакцию современного человека. Зеленый свет — путь свободен. С детства приучают. Зеленый цвет — цвет жизни и безопасности. А здесь вы нажимаете на зеленую кнопку и... что-нибудь взрывается или стреляет в вас. Это весьма вероятно.

А если нажать красную кнопку? Но и это может быть предусмотрено, хитрость тоже бывает двухступенчатой. Хитрец, желающий проникнуть в «Центавр», игнорирует зеленую кнопку и, гордый сознанием своего интеллектуального превосходства, нажимает красную. Эффект прежний: пиф-паф!

Простенькая задача с двумя неизвестными. Цена отгадки — жизнь. Думай, брат, думай! Для этого тебя и послали. Но здесь все интеллектуалы мира окажутся бессильными. Обе версии одинаково вероятны. Пятьдесят на пятьдесят.

И все-таки лучше нажать красную кнопку.

Красную!

В последний момент палец непроизвольно нажимает зеленую.

Взрыв!

НОЛЬ ШЕСТЬ ЧАСОВ НОЛЬ ДЕВЯТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Я плаваю в пространстве. Взрыв оглушил меня. Уши точно заложены ватой. Перед глазами — звезды. Настоящие. Хороший скафандр, прочный. Вот о чем я ду-

маю. Меня отбросило от «Центавра». Это к счастью. Спасибо тем, кто делал скафандр. Благодаря им я цел и невредим. Вернусь — обязательно обойду их всех и всем пожму руку. Лирик! Ну, просто нежностью полна душа. И это в тот момент, когда при первом же прикосновении к тайне так позорно потерпел поражение.

Маневрирую микродвигателями ракетного пояса. Вновь касаюсь магнитными присосками ботинок жестких бугров «Центавра». Нахожу квадратное углубление с двумя кнопками и... нажимаю на красную... Люк стремительно распахивается, и я легко проскальзываю в круглое отверстие.

Люк захлопывается.

Включаю прожектор на скафандре.

Я в какой-то металлической коробке. Да ведь это — шлюзовая камера! Значит, внутри спутника есть искусственная атмосфера.

Пока поднималось давление, изучал стены шлюзовой камеры. Обнаружил три люка.

В какой войти? Решаю — в средний. На этот раз нажимаю красную кнопку.

Я оказался внутри странного круглого коридора, стены которого представляют собой нечто вроде металлического войлока, пропитанного какой-то жидкостью, коридор напоминает гигантский фитиль, доставляющий горючую жидкость к пламени еще более гигантской горелки. Не собираются ли они и в самом деле сделать из «Центавра» нечто вроде огромного горящего факела? Нет, назначение «фитиля», видимо, иное. Надо постараться понять — какое. Но сейчас главное — проникнуть к центру таинственного спутника. Тайна наверняка в центре, за надежной защитой. Проклятая мышеловка! Ничего, я прогрызу стенку насквозь и доберусь до твоих трижды скрытых пружин и механизмов.

Коридор плавно заворачивает вправо, потом так же плавно отклоняется в другую сторону. Я медленно плыву по нему, но вдруг замечаю, что все чаще касаюсь скафандром рыхлых металлических нитей. Проход сужается! Жидкость маслянистыми каплями оседает на мой скафандр. А стены все теснее и теснее. Я уже с трудом протискиваюсь вперед. Становится жарко. Невыносимо жарко. Невольно я взглянул на термоиндикатор, укрепленный на левом плече скафандра. Он светился розовым светом, предостерегая, что температура окружающей среды подходит к двумстам градусам Цельсия.

жидкость бешено испаряется. Вот откуда эта жара. Система охлаждения скафандра позволит мне продержаться в кипящей атмосфере около двух часов. Теперь я понимаю, что нахожусь внутри системы охлаждения «Центавра». Я начал путешествие с холодного конца этой системы. Кто знает, какая температура — двести, пятьсот, тысяча пятьсот градусов?— в горячем ее конце. Подобные сверхтеплопроводящие системы способны работать в широком диапазоне температур. Во всяком случае, достаточно широком, чтобы изжарить меня даже при включенной системе охлаждения.

Мельчайшие капельки жидкости обволокли меня густой пеленой. Я вспомнил свой путь внутри облаков в горах Памира во время одного из восхождений. Только тогда светило солнце и пелена облачного тумана сверкала каждой своей капелькой празднично и нарядно, а сейчас холодный свет прожектора со шлема скафандра расплывался во мгле. Луч света уже не в силах пробить клубы пара. Коридор превращается в трубу. Пробиваться дальше нет смысла. Тупик. А забрался я сюда по своей доброй воле — ведь мог выбрать любой другой люк. Выбрал западню.

Почему — западню? Ведь можно возвратиться обратно и все начать снова. Скорей! Черта с два! Меня не пускают тонкие, но дьявольски крепкие металлические волокна. Только теперь я понял, что они были расположены в этом коридоре по принципу «ежа». Волокна были «гладкие», когда я пробирался вперед, и вздыбливались, как только я пытался двинуться обратно. Здесь, в жаркой атмосфере, стенки этого гигантского «фитиля» разлохматились, превратились в несчетное количество острых щетинок, и я чувствую, как прочно они меня держат.

Пробую повернуться — в одну сторону, в другую, тогда металлические щетинки скользят по внешней оболочке скафандра. Вот так, словно штопор из неимоверно длинной пробки, я стал вывертываться из «фитиля».

И вдруг на одном из своих витков я содрал часть металлического войлока — под не слишком густой сеткой оказалось отверстие. Это было уже явное везение! Видимо, в этом месте войлок был плохо прикреплен к сетке и именно здесь я его нечаянно отодрал. Так или иначе — передо мной сетка, явно прикрывающая вход в более глубинные отсеки «Центавра».

Вперед!

Я отдираю еще несколько кусков войлока и обнажаю всю сетку. Затем упираюсь руками в стенку трубы, а ногами — в сетку и... проламываю ее.

Теперь я внутри шарообразного помещения. Его малые размеры и полное отсутствие механизмов или приборов говорят о том, что это, вероятнее всего, промежуточная камера, служащая для соединения коридоров и трубопроводов.

Надо пробираться дальше. Под ногами обнаруживаю круглое, ничем не прикрытое отверстие. Переход в следующий отсек? Другого выхода отсюда не видно. Но проход заполнен какой-то массой. Так обычно заливают мастикой монтажные отверстия и клеммы приборов. Это заставляет человека, не знакомого со схемой прибора, хоть чуть-чуть призадуматься, прежде чем начать разбираться в монтажных соединениях. Видимо, и здесь те, кто собрал этот чудовищный аппарат, уходя, сделали то же самое.

Я поступил, конечно, опрометчиво, ткнув в эту массу пальцем. Палец предательски легко углубился в серую массу. Ничего рискованного я в этом не увидел. Вслед за пальцем вошла ладонь. Но вытащить ее обратно оказалось не так-то просто. Хорошо, что я не сжал пальцы в кулак. Только это, видно, меня и спасло. Кулак застрял бы в липкой массе, и трудно сказать, сумел ли бы я разжать его. Я даже подумал, что в этом случае выход был бы один — полоснуть по руке лучом гу- пистолета. От действия испепеляющего луча запекается кровь, свертываются края раны. Я выдержал бы такую операцию. В аптечке находились пилюли, которые сняли бы ощущение боли. Все эти не очень утешительные мысли пронеслись в моем сознании, когда я, упираясь ногами и свободной рукой в края люка, старался вытянуть из «мастики» плененную конечность.

Я почувствовал, что неизвестная масса намертво прихватила перчатку скафандра. Сняв в ней давление газовой смеси, я сделал так, чтобы материал прочно прилип к коже руки.

Еще одно усилие. Кажется, что прогибается металлическая рама люка. Еще немного... еще...

Наконец масса отпустила руку. Серая поверхность сгладилась, стала снова ровной, как будто ничего не произошло. Зато во всей руке я ощущал тупую, ноющую боль.

Я стал лихорадочно соображать, что именно находится передо мной.

Где-то я уже видел подобное?

Вспомнил!

В лаборатории мне показывали нечто похожее. Сосредоточиться, представить зримо всю обстановку лаборатории... Увидеть ее... Вижу!... Отчетливо вижу — стальная широкая труба наполнена серой массой, очень похожей на ту, что передо мной. В руке лаборанта — шар. Тяжелый чугунный шар легко погружается в серую массу, исчезает в ней, тонет и тут же выскальзывает из противоположного конца трубы. Масса жадно захватила шар и буквально протолкнула его через всю трубу. Теперь лаборант пытается погрузить шар в серую замазку с другой стороны трубы. Тщетно... Лаборант бьет кувалдой по шару, труба содрогается, но серая масса непоколебима, как стальная плита... Среда одностороннего проникновения. Идеальная дверь, открывающаяся только в одну сторону. Еще один фокус в использовании межмолекулярных сил.

И вдруг меня осенило. Надо повторить этот опыт! В другом варианте. «Шаром» буду я.

Но какой длины туннель, наполненный серой массой? Что скрывается за ним? Нет ли внутри «мастики» перегородок, решеток, преград? Пропустит ли меня в самом деле среда одностороннего проникновения? Если все будет как в опытах, пропустит. Но как возвратиться? Есть ли другой выход оттуда, куда я проникну? Не западня ли это?

Размышлять можно бесконечно. А выход практически прост — пробежать, как по горячим углям.

«Голову и хвост одной змеи можно приписать двум тварям, если не видеть, что находится между ними». На Востоке это именуют первым законом змеи.

«Когда змея готова ужалить, раздумывать некогда». Второй закон змеи.

Итак, остается надеяться, что туннель не слишком длинный...

Сплошной мрак, ничего не вижу. Прожекторы шлема тут бесполезны. Удивительное чувство — я барахтаюсь, плыву внутри вязкой массы. Легко рассекаю руками впереди себя серое тесто, но отталкиваюсь ногами, будто от стальной плиты. «Тесто» пропускает только вперед. Возврата назад нет. И если туннель кончается тупиком, я окажусь замурованным внутри него, и каждая

моя судорожная попытка освободиться лишь будет сокращать свободное для движений пространство. Среда одностороннего проникновения скует навечно скрюченное тело...

Я двигаюсь медленно. Страшусь, что ждет меня в конце туннеля? Боюсь упереться в стену, которая замурует меня навсегда?..

Вот она... эта стена. Все, мышеловка захлопнулась!

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЧАСОВ СОРОК ДВЕ МИНУТЫ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Надо расслабиться. Времени на отдых предостаточно. Кислорода в системе жизнеобеспечения скафандра хватит надолго. Серый кисель держит мое тело. Итак, я замурован. Туннель закончился сплошной металлической стеной. Но что это — стена или дверь люка? Понять невозможно. Никаких выступов, замков, держателей, петель. Гладкая поверхность. Пробую разрезать лучом гу-пистолета. Напрасно. Луч мгновенно превращает серую массу в кипящее месиво, которое начинает растворять скафандр. Это уже опасно, и я включаю гу-пистолет. Вся надежда на скафандр. Тут я еще раз добрым словом помянул тех, кто его конструировал. Скафандр снабжен эко-скелетом. Меня предупредили — пользоваться им только в самом крайнем случае: он «съедает» слишком много энергии. Но, пожалуй, этот крайний случай наступил. Весь скафандр пронизан сверхпрочными пластинами эко-скелета. Эти пластины отнюдь не пассивны. Они из электровозбудимого эластомера. Хорошая порция электрической энергии — и пластины начинают разбухать, расти, набирать силу, распрямляются, весь скафандр, как сказочный богатырь, расправляет плечи и напрягает мускулы. На испытаниях — я присутствовал на них — скафандр придавили к земле бетонными плитами — два автокрана трудились изо всех сил, заваливая скафандр грудой плит. Они воздвигли на его беспомощно расплюснутом теле бетонную пирамиду. Потом включили эко-скелет. Пирамида зашевелилась, рухнула. Скафандр поднялся. Он стоял, чуть покачиваясь. Словно размышляя и примериваясь, к какой бы работе еще приступить. То было впечатляющее зрелище.

Я включил систему питания эко-скелета. Мой скафандр напрягся, напружинился. Преграда исчезла. Я

даже не успел заметить, как это произошло. Казалось, это я одним движением руки открыл люк. Передо мной действительно была не глухая перегородка, а накрепко задраенный люк. Энергией эко-скелета его герметизирующие засовы были сорваны.

Теперь я снова в промежуточном отсеке. Это нечто вроде тамбура, ведущего в более обширное и важное помещение. Люк в следующий отсек был полуприкрыт. Впервые «Центавр» «не мешал» мне. Не касаясь крышки люка, я осторожно заглянул в щель и замер. Тень... Там двигалась тень человека.

Тень скользнула. Исчезла. Словно растаяла. Появилась вновь. Обозначились отчетливо контуры человека в серой униформе. Сомнений не оставалось — на «Центавре» люди!

ПЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ НОЛЬ ТРИ МИНУТЫ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Со всей осторожностью, на которую только способен человек, одетый в скафандр, ботинки и навьюченный до отказа инструментами и аппаратурой, я отступил на полшага и прикрыл крышку люка. Моей программой стычки не предусматривались. Проникнуть в тайну «Центавра» следовало, не раскрываясь самому. Разумеется, я был готов и к открытой борьбе. Но лишь в крайнем случае.

Интересно, для чего, для какой цели здесь команда? До последнего момента загадочный спутник представлялся мне огромным агрегатом. И не более. Агрегатом со множеством ловушек, придуманных хитрыми и коварными людьми.

Но те, кого я увидел, были не в скафандрах, а в серой униформе. Серые тени в сером полумраке отсека управления. Да, несомненно, это был отсек управления. С пультами, приборами. Классический, идеальный отсек управления — конечная цель моего путешествия.

Я ожидал, что серые фигуры первыми предпримут какие-либо наступательные действия.

Однако в отсеке царила полная тишина: ни шороха, ни звука.

Путь к отступлению для меня был закрыт. Страшная серая масса не пропустит меня обратно. Но не стоять же здесь вечно, прячась в тесной металлической норе!

Надо что-то предпринять!

Я изо всех сил толкнул крышку люка. Старый, испытанный прием: в том случае, если кто-либо подслушивает за дверью или притаился в засаде, то обязательно растеряется от неожиданности. Тем более, если ему по голове угодят массивной крышкой с острыми углами герметических замков.

И в самом деле, кто-то с диким воплем отскочил от люка. В следующий миг я услышал пронзительный свист — термоиндикатор оповещал меня о том, что скафандр испытывает сильный местный перегрев. Не иначе, как один из этих типов пытался прожечь его лучом лазера.

Но через мгновение свист термоиндикатора стих: сработала система лазерной самообороны — точно по лучу лазера был послан ответный импульс энергии. Нацеленный со сверхъестественной точностью, он испепелил лазерный излучатель. Подобные мелкие неприятности, неизбежные при стычках, скафандр отлично устранял без моего вмешательства.

Я не собирался никого уничтожать, поэтому ограничился зарядом наркотизирующего газа. Его хватило бы на то, чтобы усмирить целое стадо взбесившихся слонов. Однако на серые тени это произвело обратное действие — они стали еще более энергичными. Надо отдать должное моим противникам — их было трое — реакция у них отличная.

Фигуры в серой униформе вели себя все более активно. «Стукнутый» — так я окрестил того, который получил удар по голове,— вытащил из-под пульта аппарат, похожий на уродливый, непомерно большой пистолет. Главный мой противник — «Прожигатель», тот, что стрелял в меня из лазерного пистолета,— кончил возиться с выведенным из строя оружием и бросился помогать «Стукнутому». Третий тип натягивал на себя огромный балахон, вероятно, боевую одежду, незнакомую мне.

Противники действовали оперативно, и буквально через минуту-другую на меня была нацелена какая-то установка. «Стукнутый» нажал на кнопку — в тот же миг страшной силы волна отбросила меня к отверстию люка. Град ударов посыпался на скафандр, словно меня обстреливали из десятка пулеметов. Электромагнитное поле, которое возникло в моей системе самозащиты, отбросило назад этот рой металлических пуль.

Серые тени с воплями отпрянули. Пули нанесли им

несколько ран. Хозяевам стало ясно, что в тесном помещении не стоит прибегать к столь мощному оружию. Видимо, они решили исправить свою первую тактическую ошибку.

Я не сразу догадался, что они затевают. Вдруг по шлему моего скафандра побежали потоки желтой маслянистой жидкости. Клубы желтых испарений окутали меня. Химические анализаторы дали сигнал тревоги. Из множества нагнетателей, скрытых в обшивке отсека, на меня обрушились струи едких жидкостей.

Вибрационная защита скафандра отбросила потоки едкой маслянистой жидкости. Лишь на мгновение я почувствовал, как вздрогнул скафандр, освобождаясь от волн едкой дряни.

А теперь, красавчики, извините!— инициативу беру в свои руки. В самом деле. Сейчас я схвачу в железные объятия эко-скелета всех противников по очереди и сделаю им инъекцию снотворного. Пусть поспят.

Я раздвинул лапы скафандра и шагнул вперед. Должно быть, вид у меня был весьма внушительный, так как мои противники отпрянули, будто от шагающей горы.

Я загнал их в угол. Боевого задора у них как не бывало.

Я включил усилители эко-скелета, развел руки как можно шире, а затем стал медленно сводить их вместе...

ПЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Но мои руки наткнулись на пустоту. Серые тени сначала съежились, потом расплылись и, наконец, совсем исчезли...

Ничего. Никого. Мои противники испарились...

Итак, я воевал с призраками. Но ведь они только что обстреливали меня вполне реальными снарядами, пытались сжечь тоже вполне ощутимым способом. Аппаратура их на месте. Эти железки никуда не делись, их можно пощупать. Фантасмагория! Реальное оружие в руках призраков. Игра теней... Да, в самом деле — игра теней! Ну конечно — голографический спектакль. Не более того. Оптические иллюзии. Стереоголографический кинематограф. Тени и аппаратура, управляемые компьютером. И я участвовал в этом иллюзорном спектакле. Меня провели! Расчет был верный, хотя и при-

митивный,— в пылу схватки я выдам все секреты защитных свойств моего скафандра. Так оно, собственно, и случилось.

Во всяком случае, я теперь твердо знаю: за каждым моим шагом следят. А пока могу утешиться тем, что из схватки я вышел побежденным лишь наполовину.

Внимательно оглядеться вокруг!

Отсек управления — несомненно. Мне чертовски повезло.

Внимание: пульт звездной навигации.

Даже внешнее оформление технических устройств и приборов бывает достаточно красноречивым. Этот пульт мне сразу не понравился. С первого взгляда видно, что здесь потрудился некто, преисполненный злобы ко всему человечеству и наделенный к тому же фантазией провинциального гробовщика. Всю стену отсека занимал черный огромный экран. На этой абсолютной черноте тускло-зелеными огоньками проступало изображение звезд. Вместо действительно чарующего зрелища звездного неба предстала удручающая картина, напоминающая разрытую могилу. Но злобная фантазия конструктора на том не остановилась. Экран был вправлен в позолоченную раму с золотыми кистями по углам. Более того, она покоилась на двух кривых толстых и низеньких ножках в виде лап с когтями. Все это походило на... гроб. А его содержимым был весь этот звездный мир. Символика не для слабонервных. Упрятать звезды в гроб! Еще ни один человеконенавистник не додумывался до этого! Но, разумеется, экран в отсеке управления не был рассчитан на посетителей выставки художников-символистов. Он выполнял чисто практические функции. Среди тускло-зеленых неподвижных звезд тихо скользил небольшой синий треугольник — условное обозначение «Центавра» на звездной карте. Линия, которую вычерчивал синий треугольник, видимо, точно соответствовала траектории спутника в космическом пространстве.

Следовало внимательнее изучить весь пульт и вот эту траекторию. Здесь могла таиться разгадка тайны. Быть может, «Центавр» вовсе не предназначен для бесконечного вращения вокруг нашей планеты? Может быть, его околоземные витки—всего лишь затянувшаяся разминка перед стартом в межзвездные дали? А что, если он нацелен на другие планеты? Конечно, решить

такую задачу с ходу чрезвычайно трудно. И все-таки попытаться следует.

Я осмотрел пульт управления и все вспомогательные приборы. Внимательно, методично. Слева направо вдоль приборов, потом чуть ниже по следующему ряду; снова слева направо, еще чуть ниже... снова слева направо... Надо было уяснить, что главное, а что не стоит внимания.

Основной вывод осмотра: я нахожусь перед дублирующим устройством. Настоящий, ведущий пульт расположен в другом отсеке.

Где же этот главный пульт, пульт номер один? Вскоре это мне стало ясно. Видимо, он где-то на прямой, перпендикулярной плоскости экрана звездной навигации. Волноводы и коаксиальные кабели, отходящие строго перпендикулярно от пульта, подтверждали эту догадку.

Теперь мне надо срочно найти пульт номер один. Экран и стенка отсека были разделены монтажным промежутком. Я протиснулся в него и разрезал тонкий лист металла, прикрывающий вход в монтажный коридор, забитый кабелями и волноводами. По этому коридору можно было пробираться дальше.

Я вскрыл еще один тонкий листик металла, точно такой же, как в начале коридора, и ввалился в монтажное пространство за пультом номер один. Осторожно выпрямился, вышел из-за него и увидел человека. Он неподвижно сидел за пультом и никак не прореагировал на мое появление.

СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ОДИННАДЦАТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Человек не шелохнулся. Удивленный, я придвинулся ближе. Он был неподвижен. Мне показалось это забавным. Я толкнул его в плечо. «Эй, приятель, заснул?» От легкого толчка он оторвался от кресла и плавно поплыл к пульту — эффект невесомости! Но так двигаться живой человек не мог. Это было чучело!

Манекен заградил собою пульт. Его нужно было отодвинуть, но мне расхотелось дотрагиваться до чучела в серой униформе. Единственное, на что я решился,— носком ботинка толкнуть ногу чучела. Оно легко и мягко соскользнуло с пульта.

В тот момент, когда серое чучело покинуло кресло,

с его головы сползли наушники. Теперь они плавали над пустым креслом, которое любезно приглашало занять освободившееся место. Я, немного помедлив, воспользовался безмолвным приглашением и машинально взял наушники, повертел в руках, и поистине преступное легкомыслие овладело мною. Я надел их. Что я рассчитывал услышать через эти две черные пуговицы?

Звуки команд на незнакомом языке?

Угрозы в мой адрес?

Безмолвие или треск эфира?

Неожиданно наушники жестко обхватили шлем. Я услышал звуки совсем удивительного свойства. Словно две огромные капли разбухали в гулком пространстве, вибрируя и трепеща тончайшей оболочкой, сотканной из хрустальных нитей. Потом они срывались и с легким звоном и плеском падали на что-то твердое и тоже звучащее.

Слабость и покой овладели мною. Я почувствовал, как сильно устал, добираясь до этого удобного кресла. Сколько энергии ушло, чтобы пробиться сюда. Сколько... Разве все сосчитаешь! Каждая клетка, каждая частица моего тела невероятно устали... устали... устали... И вот, наконец, я обретаю покой. Теплая нега вливается в мое расслабленное тело, постепенно проникая в каждую пору... Я засыпаю... Пусть будет так... Я засыпаю.

Мне вспоминаются запахи детства. Запах арчи... Далекий горный кишлак. Дед рубил красноватые сучья арчи. Ее запах и музыка ударов топора... Можно собирать запах звезд и слушать музыку планет. Не может быть, чтобы не звучали планеты, каждая на свой лад. Недаром говорят — музыка небесных сфер. Звуки неба, запахи земли... Земля и росинки на горных тюльпанах... Разве нельзя собирать росинки?

Спуститься с красных гор, пройти под тающими снегами и найти тюльпаны с росинками. Поймать на тонкий металлический волосок росинку и бережно опустить в кварцевую бутылку. Голубая бутылка с каплями росы... Странной формы бутылка, как на старинной гравюре... Надо встать рано утром... Человек, которому нужна роса, должен вставать до рассвета... Росу надо рассматривать при свете звезд. Тогда она еще хранит аромат листьев и лепестков... Если хочешь собирать росу, вставай рано утром... А сейчас спи. Спи! Во сне тебя ждет блаженство... Можно лежать в пещере на

острых камнях и представлять, что ты покоишься на мягких подушках... Аромат арчи...

А звезды пахнут?

Сны издают аромат...

СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ДВАДЦАТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Однако где-то глубоко в подсознании еле слышно звучала тревожная нота — ловушка, новая ловушка. Последним усилием воли я сдернул с себя наушники. Меня хотели усыпить! Я знал, что таблетки тибурана позволяли мне обойтись без сна по меньшей мере в течение шести земных суток. Надо взять себя в руки. И все-таки сон пошел мне на пользу. Я отдохнул. Конечно, я знаю, что никакие таблетки тибурана не заменяют сна и отдыха. Но сейчас не время и не место для психофармакологических рассуждений. Все, что я узнал о «Центавре», не продвинуло меня ни на шаг на пути раскрытия его тайны. Итак, все тот же вопрос — какова цель запуска «Центавра»?

Я вновь обрел возможность трезво мыслить и принимать решения. Взглянув на часы, увидел, что система отсчета оперативного времени сдвинула отсчет на тридцать четыре часа назад, отбросив время моих сновидений.

На первый взгляд, пульт звездной навигации номер один был точной копией пульта, который я уже имел удовольствие созерцать в отсеке, населенном серыми призраками.

Сформулируем задачу. Имеется два экрана общей ориентации. Первый экран — в том отсеке, где я нахожусь. Второй экран в помещении, где мне устроили голографический спектакль. Вопрос номер один: отличаются ли, хотя бы внешне, эти экраны друг от друга? Вопрос номер два: отличаются ли друг от друга траектории спутника на этих экранах? Вопрос номер три: если отличаются, то нельзя ли по этому отличию и по разности времени (я видел экраны именно в разное время) сделать заключение об общей направленности траектории?

У меня хватило догадки сфотографировать первый экран. Теперь, дотронувшись до кнопки на лобной части шлема, я сделал снимок второго экрана. Через мгновение передо мной были оба изображения.

Не надо было изучать небесную механику, астрономию и курс космической навигации, чтобы понять, о чем говорили — нет, кричали! — эти снимки. Экраны были абсолютно тождественны. Те же размеры, те же дурацкие кисти и звериные лапы. Но траектории «Центавра»... Они не совпадали! Это было нелепо! Непостижимо!

Начиная с какого-то мгновения, траектории расходились! Расходились в стороны прямо противоположные. На одном «обломке» находился я, другой со все возраставшей скоростью уносился в космическое пространство. «Центавр» раздвоился! Конь сбросил седока!

СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ

...Вспомнил! В тот миг, когда закончился мой поединок с серыми тенями, весь пульт звездной навигации словно ожил. Защелкали переключатели, интенсивнее засветился экран, чаще обычного замигали мнемонические схемы. Вот тогда-то все и произошло. Начал действовать механизм расстыковки двух частей «Центавра»!

Но какая из двух частей ОСНОВНАЯ?

В момент раздвоения «Центавра» я находился возле пульта номер два. Мне тогда показалось, что это вспомогательный, подсобный, второстепенный пульт. Естественно, что создатели «Центавра» думали отправить любого незваного гостя, вроде меня, в губительное путешествие на никчемном осколке спутника. И, следовательно, пульт номер два управлял лишь маскировочной частью «Центавра», не более. Что дальше? Движимый какой-то полуосознанной тревогой, я постарался удалиться от пульта номер два. Осознанно я мотивировал свое продвижение тем, что хочу найти главный пульт. Действительно, я проник в отсек управления номер один, который, следуя моим выводам, главный, и находится в той части «Центавра», где скрывается его основная, так сказать, стратегическая «начинка».

С другой стороны, зачем помещать столь сложные и мощные средства защиты и нападения в мнимом, маскировочном отсеке с второстепенным, не имеющим решающего значения пультом?

Поставить себя на место маньяков, конструирующих

западни и ловушки, мне было весьма затруднительно. Голова раскалывается. А выводов никаких.

Нет, надо думать.

Вполне логично предположить: путь к главным помещениям начинается или как-то связан с отсеком управления. Действительно, на переборке, противоположной пульту, имелась ниша в форме полушария. По высоте она соответствовала росту человека. Может быть, это и есть начало туннеля или замаскированный люк?

Вблизи стало видно, что полушарие состояло как бы из лепестков с ясно обозначенными границами. Крепко упершись ногами в края полушария, я нажал на один из лепестков. Он не поддавался. Тогда я призвал на помощь силу, заключенную в стальных мышцах эко-скелета. Я включил управление эко-скелета и постепенно выжал тумблер до упора.

Эко-скелет сработал исправно, в полную силу. Это меня чуть и не погубило.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ НОЛЬ ДВЕ МИНУТЫ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Скафандр цепко обнимают мягкие руки. Они не причиняют боли — только держат меня и кружат. Кругом абсолютный мрак, но кружение это я чувствую. Не вижу, но ощущаю. Вероятно, кружат меня уже давно, так как к горлу подкатывает тошнота, голову из-за нарушенного кровообращения стиснуло, как обручем. Даже сквозь пелену мрака я вижу, как кружатся и плывут вокруг меня красные огни. Впрочем, это мне только кажется. Нет ничего, кроме мрака.

Включаю прожектор скафандра на полную мощность. Однако свет пробивается через пелену мглы на какой-нибудь десяток сантиметров. Не помогла и система инфракрасного зрения. Экран инфравидения засветился однотонным зеленоватым светом — и все. Я находился внутри однородной, видимо, жидкой массы — и эта масса кружила меня, увлекая за собой, так как все время находилась в быстром и непрерывном движении.

Постепенно я восстанавливал последовательность событий. Рывок эко-скелета оказался слишком сильным. Лепесток полушария сломался или был вырван с куском рамы. Я стремительно пролетел сквозь образо-

вавшуюся щель в скопление липкой массы, ударяясь шлемом о дно сосуда, в котором эта масса была заключена. Удар оказался настолько сильным, что шлем не смог его смягчить, и я потерял сознание. Система экстренной медицинской помощи, рассчитанная именно на такого «пациента», который не в состоянии пошевелить и пальцем, тоже не сразу включилась из-за сильного удара и приступила к моему «оживлению» с большим запозданием.

Где я нахожусь?

Я широко раскинул в стороны руки, расставил ноги. Но до стен резервуара не достал. Значит, он был достаточно обширным. Масляная масса прижимала меня ко дну. Вращаясь, она увлекала меня за собой, и я всеми выступами скафандра царапал днище резервуара. Оно было ребристым, поэтому меня все время подбрасывало. Вращение происходило очень быстро. А из этого явствовала одна печальная истина: через десять-двенадцать минут я вновь потеряю сознание. Не знаю, как тогда выйдет из положения система медицинской помощи. Боюсь, что ей уже не справиться с такой непосильной задачей.

Что за масса вокруг меня? Скорее всего горючее, топливо для вспомогательных двигателей «Центавра». Но почему оно вращается?

Скорее всего, чтобы облегчить доступ топлива к заборным отверстиям топливных трубопроводов или к всасывающим патрубкам топливных насосов.

Можно ли остановить это вращение? Скорее всего — нет. Есть ли выход из критической ситуации? Разумеется. Пока мыслю — надеюсь!

Имеется лишь один путь к спасению. Я могу включить ранцевый микрореактивный двигатель, вмонтированный в пояс и спину скафандра. Но я не знаю глубины резервуара, где нахожусь, и потому трудно рассчитать силу, с которой должен сработать двигатель, чтобы протащить меня сквозь водоворот вязкой массы. Истинное значение вязкости массы неизвестно. И вряд ли мне удастся ее узнать. Толщину слоя надо мной тоже определить невозможно. Резервуар с одинаковым успехом может быть плоским, как сковородка, или вытянутым, как дымовая труба. Быть может, я нахожусь на дне колодца. И с такой же вероятностью — на дне неглубокой чаши. И в том и в другом случае путь к спасению я обязан преодолеть рывком, одним

броском мощного микродвигателя, иначе не вырваться из липкой массы черного студня. Итак — включить двигатель на полную мощность. Индикатор — на максимальный импульс!

И в этот момент мне представилось, как я могу весьма эффективно закончить свое путешествие.

Раскаленные газы, выброшенные с колоссальной силой из дюзы ранцевого двигателя, взорвут черный студень. Пламенем ранцевой ракеты я «закурю» внутри бочки с горючим! Единственная надежда — что вокруг меня все же не горючее, а какая-либо вспомогательная жидкость. Узлы, аккумуляторы, сервоприводы, системы охлаждения — все они требуют кошмарного количества всевозможных кислот, смазок, эмульсий, паст. Но далеко не все они горючи. Надо прикинуть общее количество горючих и негорючих жидкостей на спутнике объемом с этот... Получится... Хотя бы примерно... Итак, шансы на спасение — восемь из ста. Не так уж плохо, когда выбора нет.

А между тем черный студень продолжает ударять меня о железные ребра бака, и от тошнотворного кружения уже начинает мутиться сознание. Решаюсь. «Пусть стрела надежды не затупится о камень отчаяния».

Ставлю индикатор импульса на максимум. Снимаю предохранительный колпачок с тумблера зажигания. Напрягаю, насколько могу, все мускулы. Отжимаю тумблер до отказа.

Взрыв! Ослепительное пламя!

ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ ШЕСТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Я лежу в огромной луже черного студня и блаженствую. Вокруг меня светло и тихо. И — неописуемый хаос. Я нахожусь внутри довольно большого отсека. Сейчас его пластиковые стены украшают громадные черные подтеки. Приборы и множество труб на стенах перебиты, искорежены взрывом. Наименее прочные части переборок прогнулись. Куски резервуара плавают по отсеку. Части резервуара, где прежде находились заклепки, походили теперь на беззубые десны. Тихо и очень жарко. Врыв нарушил систему терморегулирования скафандра.

Постепенно уясняю картину происшедшего. К счастью для меня, резервуар оказался непрочным и не очень большим. Взорвался не сам студень — иначе бы мне не сдобровать, — а газы, заполняющие пространство между студнем и стенками бака. Они перегрелись, разорвали резервуар, но центральное его ядро, огромная капля черной жижи, осталось как бы во взвешенном состоянии. Газы на мгновение сжали со всех сторон гигантскую черную каплю, внутри которой находился я, и это спасло меня. Трижды спасибо ей, черной капле!

Я вновь готов к поискам. Мои сомнения на тот счет, что я уношусь в бездны космоса во второстепенной части спутника, не подтвердились. Надо сосредоточиться. Я обязан на несколько минут отключиться от главного и подумать о пустяках. Некоторое время... И прислушаться к тому, что происходит вокруг.

А вокруг — тишина. Гулкая тишина.

Не слышно было даже биения собственного сердца. Это тоже предусмотрели конструкторы, оснастившие скафандр акустическим глушителем. Ничто не должно отвлекать внимание во время столь ответственной экспедиции. Стук сердца, безмерно усиленный тишиной космоса, может быть принят за ритмичные звуки незнакомого механизма. Отвлечение внимания на «таинственное» постукивание в моих условиях способно обернуться катастрофой. Но почему именно сейчас я услышал тишину? Почему именно теперь я подумал о звуках сердца? Почему до сих пор я просто не замечал тишину?

«Центавр» был на редкость молчаливым механизмом. Он крался, как зверь в засаде, не выдавая себя ни шорохом, ни скрипом, ни скрежетом. И тишина эта была зловещей.

Почему именно сейчас я услышал тишину?

Видно, потому, что ее вдруг нарушили звуки. Через различные, но нечетко выраженные интервалы раздавался гулкий стук.

Механизмы так не стучат. Так может стучать лишь человек. Значит, здесь люди? На сей раз не бесплотные голографические тени, а живой человек. Совсем рядом, за стеной. Я попробовал отыскать закономерность в наборе гулких ударов. Закономерность была, но пока не поддавалась анализу.

Неужели звуки имели смысл? Весьма вероятно.

Кто-то прибегал к этой форме звуковой информации, столь примитивной и ненадежной.

Я обязан обнаружить источник звуков, сам оставаясь невидимым и неслышимым.

Первое, что можно легко сделать,— измерить толщину стенки, отделяющей меня от источника сигналов.

Гамма-луч дистанционного толщинометра точно измерил стену. Она оказалась довольно солидной — сто двадцать миллиметров. Гамма-луч упреждения пронзил стену и продолжил исследование. На шкале расстояний до следующей преграды обозначилось два метра... десять метров... двести метров.. бесконечность.

Упреждающий луч не уперся в преграду! За стеной простиралась бесконечная пустота космоса. Значит, я оказался возле наружной оболочки «Центавра». Сто двадцать миллиметров металла отделяли меня от пустоты. Значит... Значит, кто-то стучал, находясь снаружи, в космосе. Но зачем он там? Старается вслед за мной проникнуть внутрь «Центавра»? Неужели хозяева «Центавра» забросили для поединка со мной на орбиту противника? Вряд ли. Они ведь должны понимать, что если судьба поединка начнет складываться не в мою пользу, я пойду на крайние меры. Ну, скажем, взорву «Центавр». И тогда все их планы рухнут.

Кто же там, почти рядом со мной?

Можно поручиться — сейчас вблизи от этой орбиты нет ни одного корабля-спутника или даже станции долговременного действия с людьми на борту. Корабли международных экспедиций находятся значительно дальше, где-то на пути к различным планетам солнечной системы. И ни один космонавт не рискнет просто так, любопытства ради, забраться в чужой, неизвестный спутник.

Если же в «Центавр» старается проникнуть некто, посланный хозяевами, ему незачем производить демаскирующий шум. Он должен знать все входы и выходы этой гигантской мышеловки. Для него любое звуковое «сопровождение» столь же абсурдно, как для карманного воришки — желание привязать к пальцам бубенчики.

Значит — не враг, и не друг, и вообще никто из земных космонавтов. Остаются — чудовищное предположение!— существа иных звездных миров.

Разумеется, единственное, чего мне недоставало во время этой экскурсии,— встретить инопланетного при-

шельца. Контакт с другими мирами в столь неприглядной для землянина ситуации!

Конечно, я могу увидеть ЕГО или НЕЧТО. Но какой ценой! Ценой потери большей части энергии, предназначенной для моего полета. Дело в том, что любой плотный предмет, если взглянуть на него с иной точки зрения, прозрачен. Между его атомами и молекулами есть промежутки, и даже самый твердый и непрозрачный предмет с точки зрения бесконечно малого наблюдателя представляется лишь очень размазанным, туманным и дырявым сооружением. Так в самом общем виде говорит теория. А строгая мачеха — практика — сурово заявляет, что для таких субатомопроникающих наблюдений понадобится и еще такой же запас энергии, чтобы первую энергию удалось сконцентрировать во «Всевидящий зрачок». Так мы прозвали аппарат, который и впрямь обладал удивительной способностью видеть сквозь стены. Когда его изобрели, один из наиболее энергичных инженеров-создателей заявил, что готов с помощью своего аппарата увидеть то, что делается по другую сторону нашей планеты. На это ему вполне резонно заметили: увидеть сквозь толщу земного шара очень заманчиво, но, исходя из стоимости потребной на это энергии, гораздо дешевле совершить кругосветное путешествие и увидеть все собственными глазами.

Так что «Всевидящий зрачок» получил и второе неофициальное название —«Пожиратель энергии».

Я мог воспользоваться прибором лишь один раз. И то с большим риском. Второе применение окончилось бы катастрофой. Если всякое усилие эко-скелета требовало, образно говоря, ведро энергии, то «Зрачок» пожирал ее целое море.

Стук продолжался. Мне показалось, что он стал настойчивее. Я все больше склонялся к мысли, что за стеной пришелец из иных созвездий.

Оперативным планом экспедиции были предусмотрены все возможные варианты моего поведения на спутнике. Но встречу с пришельцем никто в расчет не брал. Решение мне предстояло принимать сейчас самому. Я обязан действовать энергично и смело. Но не безрассудно. Энергия, предназначенная на «Зрачок», может пригодиться в другой, более важной ситуации. А если более важного случая не представится?

В конце концов, я должен выяснить, кто издает загадочные звуки. Решать загадки — это ведь предусмотрено оперативным заданием.

Итак, я откинул предохранительный колпачок с кнопки включения «Зрачка», нажал кнопку. Гудение аппарата заглушило все еще не умолкающий звук за стенкой.

Стенка задрожала, затуманилась и вдруг просветлела. «Зрачок» сработал идеально.

И я увидел!..

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЧАСОВ СОРОК СЕМЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Небольшой диск, покрытый мелкой рябью. Он сверкал нестерпимо и, как показалось мне сначала, вращался. Да, я подумал, что вращается. Но потом понял, что вращение было иллюзией.

Индикатор «Зрачка» точно обозначил диаметр диска: пятнадцать и шесть десятых сантиметра. Но эти пятнадцать сантиметров заключали космическое пространство, нисколько не уменьшенное. Я видел все предметы мира. Бесконечность предметов я видел сразу со всех точек — представляемых воображением и тоже бесконечных.

Я видел все...

Серебристое насекомое на черном камне и континенты всех планет, гроздья плодов, снежные вершины, пустыню и каждую песчинку в ней, видел ночь и день, видел свой пустой кабинет, видел тени папоротника, всех муравьев Земли и каждого в отдельности, я видел свое лицо, отраженное в диске, и морскую рябь неизвестного моря, видел закат одиннадцати солнц над одной неведомой планетой и сорок диковинных планет вокруг одной звезды, я видел это как бы в зеркалах, которые отражали друг друга, я видел летательные аппараты непонятной конструкции, лепестки цветов и руки, хлопающие в такт неслышным мелодиям.

Бесконечную совокупность фактов и предметов, что представились мне, невозможно было перечислить!.. Миллион действий! И меня не удивило, что они происходили в одном и том же диске, не накладываясь друг на друга и не просвечивая одно сквозь другое. Все, что я видел,— происходило одновременно!

Я видел диск со всех сторон, в диске — Космос, в Космосе — диск... Бесконечность, неисчерпаемость материи и бесконечность пространства!..

Диск затуманился, превратился в сверкающую точку, потух. «Зрачок» израсходовал отпущенную ему порцию энергии и автоматически отключился. Передо мной вновь была глухая и немая стена.

Я прислушался. Полная тишина. Быть может, там, за стеной, увидели меня, поняли, что первый контакт состоялся, и тихо исчезли, чтобы не напугать, дать время осмыслить, обдумать?

А если никаких живых существ за стеной и не было? Вдруг это сам «Зрачок» обладает такой могущественной силой, что может служить зеркалом Вселенной?

Теперь я точно знаю, что нахожусь возле наружной оболочки «Центавра». Могу приблизительно представить план этой гигантской адской машины. Сейчас я уверен в том, что цель запуска — угроза для людей планеты...

Итак, я все еще нахожусь недалеко от оболочки спутника. Моя же задача отыскать центральную часть спутника, где должен размещаться главный механизм «Центавра».

Я легко пробрался в отсек управления. Еще раз убедился, что нахожусь не в каком-то маловажном помещении. При беглом его осмотре я обратил внимание на пульт управления, но оставил почти без изучения большой приборный щит. Ошибку эту надо исправить...

Незнакомые, слепые приборы, без обозначения того, что именно они измеряют. Одни лишь цифры. Но отступать нельзя, да и все не так безнадежно, как может показаться сразу.

Я осмотрел приборы снаружи. Некоторые из них, разбитые вдребезги, показывали мне свою электронную начинку. Некоторые же — оставшиеся неповрежденными — гордо замкнулись за толстыми медными кожухами. Одна группа приборов явно дублировала другую. На таких дублеров стоило обратить особое внимание — они наиважнейшие. Что они напоминают?

Ага, это всего лишь многоканальный коммутатор. Ничего интересного... А вот это несомненно устройство для астроориентации дальномеров, телескопов или фотогравиметрических устройств. Это уже интересно.

Нейтронный влагомер дистанционного действия... Влагомер... Значит, «отцов» «Центавра» интересует вод-

ная оболочка Земли... ее реки, океаны, озера, наконец,— облака... Так. Это уже серьезно. Обычными метеорологическими наблюдениями тут и не пахнет.

А здесь не просто прибор. Сложная схема... Электронная модель каких-то вихревых потоков... Эскиз расшифровки... Действительно, вихревые течения. Скорее всего — вихревые течения в атмосфере. Опять — атмосфера!

Снова — нечто, связанное с водой в атмосфере и на земле, измеритель радиационной температуры поверхности облаков...

Воздействие на гидросферу земли. Неужели? Неужели такова преступная задача «Центавра»? Жемчужины земли — озера, голубые ее жилы — реки, роскошные зеркала морей — вот на что нацелены приборы спутника. «Отцы» «Центавра» собираются взять под свой контроль всю воду планеты!..

Впрочем, я еще не уверен...

Я еще не знаю точно...

И я не знаю — КАК и КОГДА...

Теперь предстояла задача потруднее — надо попасть в монтажный коридор,— где-то посредине должен быть лаз, найти его или пробить новый, а затем проникнуть в самое сердце спутника.

Стены коридора представляли собой нечто монолитное, ни стыков между листами обшивки, ни следов болтовых или заклепочных соединений. Конечно, можно было вскрыть стены, как вскрывают консервную банку. Задача несложная. Но мне не хотелось все коверкать на своем пути, это могло вызвать нежелательные последствия — взрывы, прорыв какой-либо жидкости или газа, разрушение основных конструкций.

Я решил прибегнуть к самому наипростейшему, самому старомодному способу обнаружения пустот, слабых мест или тайников. Стал простукивать трубу, поставив микрофоны шлема на небольшое усиление. Звук был одинаковый — глухой, быстро затухающий, говорящий лишь о том, что всюду примерно одинаковая монолитная стена. Но вот в одном месте звук принял чуть дребезжащую окраску, словно в этом месте металлический лист был не очень плотно прикреплен. Я постучал сильнее. Дребезжание стало отчетливей. Можно даже проследить его границы. Как раз середина коридора. То место, от которого, по моим расчетам, начинается путь к центру спутника. Совпадение? Надо рискнуть.

Лучом гамма-лазера прожигаю контур отверстия так, чтобы он примерно совпадал с границей дребезжащего звука. Кусок трубы тихо отваливается в сторону. Передо мной тот самый лист металла, легкое позвякивание которого я смог уловить. Лишь несколько винтов удерживает лист на месте. Я откручиваю их и легко отодвигаю лист.

Темная пропасть. В глубине ее мерцают голубые переливы холодного свечения. Я хорошо знаю, что это такое. Работает энергетический реактор. Сгусток энергии.

В стенах колодца — скобы. Они образуют необычайно удобную лестницу, так и манят спуститься вниз к призывно мигающим огонькам. Но это монтажные скобы, они предназначались лишь для сборки чудовищного механизма. Спуститься по ним сейчас — значит полезть в пекло к дьяволу. Никакой скафандр не защитит от проникающего излучения. Но у меня нет времени на поиски обходных путей. Надо измерить уровень проникающей радиации... Прикинем — время облучения... максимальная доза... Сто семнадцать секунд я смогу продержаться рядом с реактором...

Что смогу я увидеть, узнать, сообразить, сделать за сто семнадцать секунд? Ничего или все. Надо попытаться проникнуть ближе к центру реактора. Точно определить характер излучения, определить запас энергии, выяснить характер возможного освобождения энергии — постепенный или взрывоподобный. Предсказать структуру освобождения энергии — спиралеобразный вихрь, узкий луч, равномерно расширяющаяся сфера.

Придерживаясь за скобы, я погружаюсь в колодец реактора. Он кажется бездонным — это потому, что секундомер слишком быстро отсчитывает секунды.

П я т ь... ш е с т ь... д е в я т ь...

Голубое мерцание по-прежнему кажется недосягаемым. Может быть, я неверно определил глубину реактора? Нет, все верно. Мерцание ближе. Совсем близко.

Я погружаюсь в него. Я вхожу в непосредственный контакт с реактором. Только здесь можно узнать, для каких целей предназначен этот сгусток энергии. Не для того же, чтобы отапливать помещения «Центавра»!

Д в е н а д ц а т ь с е к у н д... п я т н а д ц а т ь с е к у н д...

Приборы скафандра взбесились. Они выдают сигналы смертельной опасности.

Я лихорадочно осматриваю оборудование реактора... Трубопроводы охлаждения... Накопители активного вещества... Камеры сгустителя... Я близок к разгадке тайны... Волноводы и камеры аккумуляции энергии... Здесь активное вещество получает дополнительный энергетический импульс... Концентрируется невероятное количество энергии... Если реактор перевести полностью на подзарядку активного вещества... «Центавр» летает двадцать восемь дней. За это время вся энергия, выделяемая реактором, была направлена на зарядку активного вещества. Сколько ее накопилось? Электронный калькулятор выдает итог энергобаланса.

Чудовищно!

Даже часть этой энергии, соответствующим образом направленная, способна вздыбить любую реку планеты, закрутить море в смерч невиданной мощности, превратить в пар, высосать воду озера и выплюнуть ее в космос...

ТРИДЦАТЬ ОДИН ЧАС НОЛЬ ШЕСТЬ МИНУТ ОПЕРАТИВНОГО ВРЕМЕНИ.

Анализ устройства для освобождения энергии окончательно убедил меня в том, что «Центавр» предназначен не только для контроля над всей биосферой Земли, но главное — для устрашения неугодных стран. Одним нажатием кнопки можно опустошить их водные ресурсы! Оставить целые государства и народы без воды! Чудовищный замысел!.. Этого допустить нельзя, невозможно!!!

Передо мной бронированные щиты с нехитрым механизмом открывания. Зачем они? Прикрывают камеры-сгустители?

Семьдесят семь... семьдесят восемь секунд...

Нет, щиты открывают путь активного вещества наружу. Это дуло в стволе механизма, нацеленного на Землю.

Первая мысль — испортить механизм открывания щитов. Мысль простая, как крик новорожденного, но смысла в ней нет. Если щиты закроют выход энергии, «Центавр» взорвется, как паровой котел при избыточ-

ном давлении, а последствия взрыва трудно предугадать.

Восемьдесят три... восемьдесят четыре секунды...

В то время, когда, цепляясь за скобы, я выбирался из жерла реактора, у меня окончательно созрел план дальнейших действий. Он не был предусмотрен никакими оперативными разработками. Но мне он представлялся единственно осуществимым и одновременно достаточно простым, чтобы можно было с ним справиться в одиночку. Итак, к действию...

Но вдруг происходит непредвиденное, совершенно неожиданное. В тот момент, когда я ставил левую ногу на скобу, сработал эко-скелет. Правда, он включился не на полную мощность, но тем не менее ботинок проскочил в скобу на стене колодца и намертво застрял в нем. Неужели эко-скелет пришел в действие под влиянием мощной радиации, нарушившей механизм включения? Я рвался изо всех сил. Напрасно... Можно, конечно, включить эко-скелет на полную мощность. Он срежет скобу, выворотит ее из обшивки колодца, одновременно сломает и мою ногу. В конце концов черт с ней, с ногой,— мой план предусматривал, что жить-то мне осталось не так уж много. Но неминуемый болевой шок, потеря сознания, сильное кровотечение и прочие неприятности задержат осуществление плана или вовсе сделают его невозможным.

Провести по скобе лучом гамма-лазера?

Сто две секунды... сто четыре...

Еще тридцать секунд... и конец. Всего тридцать секунд. Я извиваюсь, делаю резкие движения. Все напрасно. Нога в крепком капкане.

А что если разрушить колодец. Что произойдет? «Центавр» лопнет, как спелый арбуз? Взорвется? Или колодец— пустяк, жалкий конструктивный элемент. Ничего уже не могу сообразить. Некогда соображать.

Сто четырнадцать... сто пятнадцать секунд.

Круговым движением луча гамма-лазера вспарываю обшивку колодца. Кусок обшивки вместе со скобой отваливается от стенки. Там зияет провал и голубое мерцание. Волоча на ноге кусок обшивки, стремительно выбрасываюсь из жерла реактора.

Нога болит нестерпимо. Мои «гимнастические упражнения» не прошли для нее даром,— я ее вывихнул.

Некогда разбираться. Медицинское устройство внутри скафандра делает мне инъекцию, и боль утихает. Но не могу же я действовать с такой огромной железякой на ноге! Осматриваю скобу и место ее крепления к обшивке. Как просто — скоба с обратной стороны закреплена гайками со стопорным устройством. Всего лишь! Освобождаю скобу от гаек и, наконец, вынимаю ботинок из капкана. Только такого идиотского приключения мне не хватало! Лезу в монтажный переход, ведущий к отсеку управления.

Пульт звездной навигации мерцает своими зелеными звездами-лампочками. Четко видна траектория «Центавра». Он по-прежнему описывает круги возле планеты, словно хищная птица над добычей. Сейчас твое кружение прекратится и ты устремишься навстречу своей гибели. Изжарю тебя вместе с адским грузом и дурацкими ловушками! Сейчас твоя траектория резко изменится. Ты перестанешь кружить. Перестанешь! Твоя траектория изогнется крутой дугой и устремится к Солнцу. Ты влетишь в его огненную пасть и распадешься на атомы. Наше дорогое светило и не заметит, как проглотит тебя. Ты для него мошка, пылинка, ничто. Никакие сверхчувствительные приборы не зарегистрируют даже крохотного изменения в солнечной активности. Господин Сид-Мохнабэдли будет крайне удивлен исчезновением «Центавра». Хотел бы я увидеть его физиономию! Впрочем, такое удовольствие мне не суждено испытать. Тут уж ничего не поделаешь. На начальном участке траектории я должен быть на спутнике, чтобы убедиться, что он держит точный курс к центру нашего светила. А потом... Если я даже выберусь из «Центавра», то окажусь в открытом космосе, далеко от Земли, далеко от корабля, который доставил меня сюда.

Эти мысли нисколько не отвлекали меня от дела,— я приводил в исполнение свой ПЛАН.

Быстро разобрался в системе управления «Центавра»,— в конце концов, это была типовая схема, слегка видоизмененная в целях защиты от постороннего вмешательства. В ней я легко нашел блок дистанционного управления и отключил его,— теперь хозяева «Центавра» не смогут управлять им с Земли. Затем я занялся расчетами по звездной навигации. Мне помогал электронный калькулятор, и вдвоем мы быстро справились с вычислением координат, скоростей и ускорений.

Какова была моя радость, когда я увидел, как траектория спутника на экране отклонилась от заданного его хозяевами направления, дрогнула, словно «Центавр» предчувствовал свою гибель, плавно изогнулась и устремилась к далекой точке. Там был конечный пункт — «Центавр» летел к Солнцу.

Я сделал все, что от меня требовали, выполнил свой долг: отвел опасность от планеты. Провалился еще один человеконенавистнический план.

Еще некоторое время я буду следить за экраном звездной навигации. Мне надо убедиться, что все идет точно по плану и траектория выдерживается неукоснительно. Ошибки быть не должно. Я обязан слиться в одно целое с «Центавром» и направить его в пекло. Только в тот момент, когда «Центавр» перейдет в режим падения на Солнце, я смогу его покинуть, но есть ли в этом смысл? Ведь рядом со мной в космосе не будет корабля, могущего поспешить на помощь.

Нет, нет, я сделаю все возможное, чтобы спастись, хотя в открытом космосе надеяться мне особенно не на что, ведь космодромы с кораблями спасательных отрядов к тому моменту будут уже слишком далеко от меня.

Вокруг останутся только звезды. И я услышу их голоса. Когда на Земле наступает тишина, слышно, как шелестят звезды. А потом холод космического пространства начнет заполнять скафандр. Мои последние минуты облегчит система медицинской помощи.

А все-таки я хорошо рассчитал траекторию. Электронный калькулятор ни разу не внес в нее поправку...

Намечаю примерный путь к внешней оболочке спутника, рассчитывая вновь оказаться в том месте, где «Зрачок» впервые открыл мне бесконечность миров. Именно там я намерен вскрыть оболочку и шагнуть в безбрежное пространство. Интересно, сколько часов или дней поможет мне продержаться скафандр?

Нет, сейчас не стоит думать об этом. Ведь даже в открытом море человек, потерпевший кораблекрушение, надеется на помощь. И она приходит... Не всегда, правда, но надежда все-таки есть... Буду верить и я, что меня подберет какой-нибудь пронзающий просторы космоса корабль. Их ведь немало на бесчисленных космических трассах... А если нет?.. Ну что ж, я выполнил свой долг — сделал все, что мог.

Интересно все же, где сейчас таинственный диск? А вдруг совсем близко, где-то рядом? Может быть...

Тошо Лижев

(Болгария)

ШУТКИ АМАЛЬТЕИ

Рассказ

Командир снял трубку и набрал номер снова.

Мембрана монотонно повторяла первые такты мелодии из старой телевизионной программы «Спокойной ночи, дети!»

И только сейчас он ощутил полузабытое чувство тревоги. Нажал на вилку и стал звонить всем подряд. Ни Биолог, ни Доктор, ни Штурман — никто не видел сегодня Помощника. Последним отозвался Астроном:

— Да, я был у него. Никого нет. Двери открыты, в комнатах пусто...

— Странно,— сказал Командир.— Я ждал его весь день. Он должен был прийти, чтобы продолжить тысяча восемьсот вторую партию. В отложенной позиции у меня на две пешки больше. Если бы мы доиграли, счет бы сравнялся. Девятьсот одна на девятьсот одну. Интересный итог, не правда ли?

— Да, если бы доиграли,— сочувственно подтвердил Астроном.— Право, ума не приложу, куда мог деться Помощник?

Командир уже хотел поблагодарить и положить трубку, но вдруг спросил:

— В его доме не было ничего необычного?

— Как же я забыл? Представь себе, во дворе щипал траву маленький живой козленок! Мы не видели ничего подобного столько лет! Я глазам не поверил. Но это был настоящий козленок!

Командир опустился в кресло и закрыл глаза. Его сердце бешено билось. Десять лет не было приступов сердцебиения...

Вечером — условным вечером,— так как в небе Амальтеи всегда светило одно из ее трех солнц,— все уже знали об исчезновении Помощника. И никто этому не поверил. Случилось необычное. Этот вечер дол-

жен был чем-то отличаться от других вечеров, всегда одинаковых на Амальтее, а он не отличался ничем...

Спать легли рано, как обычно, как ложились все десять лет на этой планете. Командир не мог заснуть. Он был слишком встревожен. Его мозг уже отвык от подобных потрясений. Он попытался спокойно обдумать случившееся.

Вчера Помощник был здесь. Сегодня его никто не видел. О том, что Помощник мог погибнуть, Командир не хотел и думать. Это нелепость. Какая опасность угрожает на Амальтее? Смешно! На планете нет никаких животных, ни крупных, ни мелких, нет даже вирусов, как установил Биолог в те времена, когда он еще был Биологом. Какие еще могут быть опасности? Буря? Здесь не бывает ветра. Наводнение? Вода повсюду тихая и кроткая. Какое-нибудь старое дерево свалилось? Но кто видел здесь старые деревья?

Климат Амальтеи был совершенным с точки зрения человеческих требований. Однообразие пейзажа оживляли только серебристые ленты мелких рек с чистой, прозрачной водой и синеватые кроны деревьев (десяток видов, не больше!). В небе всегда сияет и дарит живительное тепло одно из трех солнц. Планета была мирной, чистенькой и блестела, как только что отполированный экран.

Немногим более десяти лет назад, когда их ракета опустилась на Амальтее, этот теплый безмятежный мир вселил в них подозрения. Показался невероятным. Они стояли — шестеро крупных, сильных мужчин, шестеро межзвездных скитальцев, привыкших бороться с неизвестными врагами и выдерживать чудовищные перегрузки. Стояли и не верили своим глазам. Именно теперь, когда они свыклись с мыслью о неизбежной гибели! Оторванные от Земли, потерявшие связь с другими кораблями, они продолжали безнадежный полет, желая закончить свой жизненный путь, как подобает настоящим мужчинам.

Они летели во главе большой флотилии: их разведывательная ракета — флагман эскадры, группа сопровождающих кораблей — ракеты-лаборатории, ракеты-цистерны, ракеты с вспомогательными материалами. Экспедиция направлялась к последнему пункту своего маршрута, когда приборы под воздействием мощных завихрений в энергетических полях вышли из строя. Ракета-разведчик потеряла ориентацию и ото-

гралась от эскадры. С этого момента их не переставали преследовать несчастья. Последним усилием они добрались до Амальтеи, одинокой и забытой.

Астронавты ступили на ее почву с чувством грешников, спустившихся в Ад. Но планета оказалась Раем.

Командир оглядел из окна маленький холм невдалеке с мастерской на его вершине, пять добротных двухэтажных домов, улочку, старательно посыпанную красным гравием, посредине — мощный фонтан с глубоким водоемом, сады возле домов... Все-таки они обеспечили себе полный уют и полную безопасность.

Командир вдруг осознал, что уже давно перестал быть Командиром. Ведь не надо было руководить. Да разве он один? И Доктор перестал быть врачом — на Амальтее никто не болел. Биолог назывался Биологом по инерции — десяток видов деревьев был им изучен сразу же по прибытии. Деревья были вечны, бессмертны. На их ветках круглый год одновременно распускались цветы, набирали силу завязи, вызревали плоды. На планете ничего нового не рождалось, ничего не умирало. Корабль давно расчленен. Некоторые его части пошли на домашние нужды, другие были брошены как ненужный хлам. Десять лет назад шестеро пришельцев по праву носили свои имена, но сейчас эти слова уже были лишены содержания.

Амальтея обласкала землян в своем теплом, простом и безмятежном мире. Постоянная температура воздуха и бездействие расслабляли мускулы, усыпляли мысли. Астронавты пассивно ждали, надеясь, что их найдут. Ничего другого, как решили все, им не осталось. Но кто кого изменил: они — планету или она — их? Что осталось от шестерых сильных мужчин?

И куда исчез Помощник? Командир с тревогой подумал, что покой селенья призрачен.

Утром, когда Командир проснулся, по теннисной площадке бегали Штурман и Биолог. Белый мячик летал над сеткой: туп-туп, туп-туп... Этот звук впервые вызвал у него раздражение. Выйдя на террасу, он крикнул:

— Ну что, нашелся Помощник?

Они бросили играть. Удивились.

— Помощник? Мы его не видели,— ответил Штурман, недовольный, что прервали игру.

— Что может с ним случиться?— отозвался с тер-

расы своего дома Астроном.— Он где-нибудь рядом.

Штурман и Биолог играли в теннис, как играли каждое утро все эти десять лет. Астроном, как всегда, делал утреннюю зарядку. Ни малейшей тени беспокойства не тяготело над селением.

Последние десять лет отучили их от многого, но не изменили привычек, установившихся с первых дней пребывания на Амальтее. И сегодня, как всегда, они следовали необременительному распорядку дня. Они просто не могли сразу осознать новость своими обленившимися мозгами. И, тем более, не могли немедленно начать действовать.

Командир провел ладонью по лицу. Идиллическая картина обычного утра напомнила ему, что надо бы побриться. Он направился было в ванную, но потом махнул рукой и спустился по лестнице.

— Идемте со мной. Все.

Дом Помощника стоял у самого холма. Все двери в нем были открыты. Пришедшие молча обошли комнаты и вышли во двор. Тихие легкие шаги заставили их обернуться. К ним бежал коричневый козленок с белым пятном на шее.

— Я же вам говорил!— воскликнул Астроном.— Он еще вчера был здесь!

Козленок прыгал, озорно бодался, как-то странно поглядывая на всех. Они стояли смущенные и растерянные.

— Не кажется ли вам, что его глаза похожи...— Командир не договорил.

Трое молчали. Трое?!!

— Где Доктор?— спросил Командир.

Астроном, Штурман и Биолог пожали плечами.

— Скорее!— сказал Командир, и его босые ступни зашлепали по красному настилу улицы.

Трое торопливо зашагали следом. И Доктора не было.

Во дворе его пасся ягненок, обыкновенный барашек. Увидев людей, он стал игриво подпрыгивать...

Часы над камином пропели: «Спокойной ночи, дети, спокойной ночи, дети!» Командир встал, выключил звукозапись и вернулся к троим.

— Видите ли,— сказал он,— выходит, что мы десять лет убаюкивали себя, лгали сами себе. Пришло время что-то делать!

— А Помощник и Доктор?— воскликнул Астроном.

— Думаю, что они никогда не вернутся. В сущности, они здесь, возле нас, если я не ошибаюсь.

— Не могут же они исчезнуть просто так, без всякой причины!— упрямо возразил Штурман.— На Амальтее не существует опасности для жизни.

— Амальтея...— повторил Командир. - Это имя какой-то козы из древнего мифа, не правда ли? Мы назвали так планету по предложению Помощника.

— Молоком Амальтеи две нимфы выкормили Зевса, которого мать его, Рея, спрятала от отца Крона, чтобы тот его не сожрал, как он делал со всеми своими детьми. Помощник никогда не испытывал недостатка в воображении...

— А помните ли, что раньше мы каждый вечер играли в домашних животных?

— О, да,— оживился Биолог.— На этой райской планете есть все, кроме мяса. Мы так скучали о мясной пище, что буквально впали в детство

— И тогда,— вспомнил Командир,— каждый из нас назвался каким-нибудь животным Я был конем. Рассказывал вам веселые историйки о своем дедушке, который до преклонного возраста не расставался с седлом и ужасно рассердился, когда я пошел в школу командиров. Биолог был свиньей. Астроном — зайцем, Штурман — петухом. О двух других напомнить?

Трое переглянулись.

— Ты хочешь сказать...

Биолог вдруг торопливо заговорил:

— Послушайте, а ведь что-то странное происходит. Сегодня, когда я осматривал окрестности, я увидел, что сезоя — это большое дерево в восточном направлении второго солнца — исчезла. Вы, конечно, не заметили, на меня это тоже сначала не произвело впечатления. Но самое удивительное то, что на ее месте появился какой-то куст. Такого куста я раньше здесь не встречал.

— Хватит животных и растений,— запротестовал Штурман.— Неужели после стольких лет что-то может измениться? Рай не меняется!

— Уже изменился,— сказал Командир.— Тогда, десять лет назад, мы были очень усталыми. Мы уже не могли бороться. Единственное, на что мы были еще способны,— это ждать. И мы обрекли себя на ожидание. Примирились, создали удобный угол для сущест-

вования. Все — пища, одежда — почти в готовом виде... Поддерживали свой жизненный тонус надеждой, что помощь придет извне, и играми — старыми, знакомыми нам еще на Земле, или придуманными, новыми. Провели телефон, хотя могли обойтись и без него, построили ванные, хотя при этом теплом, бесконечном дне в любое время могли купаться в озере. Зачем все это было надо? Не гасили ли мы этим постепенно огонь нашей человеческой сущности?

Штурман встрепенулся:

— Слушайте, а может быть, это просто шутка? Помощник и Доктор спрятались и теперь смотрят на нас откуда-нибудь и смеются?..

— Вам,— спросил Командир,— такая мысль пришла бы в голову?

Трое опять переглянулись. Штурман опустил голову.

— Действительно, это выглядит глупо.

— Им тоже не могла прийти такая мысль. Никто из нас не смог бы так шутить, нет. Все дело в том, что мы уже давно перестали быть такими, какими должны быть. Опускаясь на Амальтею, мы ожидали встретить тысячи неприятностей и были готовы к борьбе. Но мы попали в Рай, и это нас уничтожило. Сейчас мы уже совсем другие. Сейчас мы никому не нужны. Какое значение имеет то, в каком образе пребывает каждый из нас? Я бы не подумал об этом, если бы ничего не случилось. А давно пора бы задуматься. Невозможен мир, в котором все неизменно. Может быть, здесь перемены наступают медленнее. Может быть, они начались только сейчас...

Наступил вечер. Второй такой вечер. Командир подумал, что в этот час все они опускали шторы, чтобы свет не мешал спать. Сегодня он этого не сделал. Взволнованно шагал по комнате, пронизанной солнечными лучами. Безжалостные мысли не давали заснуть.

Он забыл сказать товарищам самое главное.

Они ему не поверили. Это ясно. Они были чересчур убеждены в устойчивости этого благополучного существования. Все-таки где-то в глубине души они надеялись, что Помощник и Доктор пошутили, что оба живы и здоровы. «Необходимо время,— думал Командир.— Еще не все кончено. У них в душе еще осталось что-то от бывших мужественных людей. Не может быть, чтобы не осталось. Нужно только время...»

Командир вышел на улицу. Их улицу, вечно согретую солнцем. Вглядывался в затененные окна домов и представлял себе, как утром товарищи один за другим будут поднимать свои шторы. Надо спешить.

Он вошел в дом Астронома. Астроном, прогоняя сон, потянулся на кровати всем своим крупным телом и спросил:

— Что случилось?

— Пришло время,— сказал Командир.

Астроном не понял.

— Пришло время,— повторил Командир — Знаю, что не могу тебя убедить. Постарайся поверить. Просто поверь и иди за мной.

— Это нужно для Помощника и Доктора?

— Для всех нас. Мы еще не погибли! Пойдешь со мной?

— Тебе плохо, ты болен,— встревожился Астроном.— Жаль, что нет Доктора.

— Он давно забыл свою профессию!

— Лучше иди и поспи. Утро мудренее вечера!

* * *

Биолог на слова Командира отозвался неодобрительно:

— Что ты? Мы только все разрушим!

— Все?

Биолог смутился.

— Вспомни свое открытие — куст вместо сезон. Это не случайность!

— Надо еще подумать, Командир. Утром походим вокруг, посмотрим, что делается.

— Утром, быть может, будет поздно...

* * *

Командир вышел из селения, поднялся на холм. Собрал разбросанные в мастерской инструменты — к счастью, на Амальтее они не могли заржаветь — и до изнеможения чинил, не отдыхая, искореженные детали. Когда он поднял голову, Астроном на террасе занимался своей обычной утренней гимнастикой

Командир, тяжело ступая, спустился с холма. Его мучил голод. Только на улице он заметил, что шторы у Штурмана все еще опущены. Он зашел во двор.

Перед домом разгуливал большой красный петух.

— Здравствуй!— тихо сказал Командир. — Я не сержусь на тебя. Ты не успел прийти...

Петух наклонил свой блестящий гребень и клюнул что-то в траве.

Через час в старой мастерской на холме опять раздались удары молота.

С возвышенности Командир видел, как Биолог вышел из дома с сумкой и затерялся среди деревьев. Потом появился Астроном. Он нерешительно потоптался на улице, обошел кругом холма и только тогда на него поднялся. Командир ритмично бил молотком, выпрямляя металлическую плоскость.

— Что ты делаешь?— воскликнул Астроном.— Неужели ты думаешь, что из этой рухляди можно смастерить хотя бы одноместную ракету! Ведь это бессмысленно!

— Кто знает... Лучше делать что-то, чем сидеть сложа руки.

— Я так не могу,— вздохнул Астроном.— Мне надо иметь хотя бы искру надежды, что труд не напрасен... Я всегда был таким,— добавил он возбужденно.— Всегда? Скажи, таким ли я был?

Командир молчал. Астроном, не дождавшись ответа, стал пятиться к выходу, повторяя:

— Всегда... Всегда...

Когда он поднял голову, чтобы вытереть с лица пот, он увидел рядом с собой Биолога. Тот, протянув руку, указывал на что-то впереди. В первый момент Командир не понял его.

— Деревья,— объяснил Биолог.— С ними происходит какая-то метаморфоза. Все они как будто превращаются в пигмеев. А некоторые просто погибают.

Командир покачал головой.

— Рано или поздно это должно было случиться. Мы могли бы предвидеть это.

— Едва ли,— возразил Биолог.— Но сейчас необходимо что-то делать. Иначе будет катастрофа!

— Именно?

— Мы останемся без пищи!

— Без пищи?— повторил безучастно Командир.

— Разве ты не понимаешь, что это означает?— Биолог смотрел на него с ужасом.

— Сейчас это уже не важно,— сказал Командир.

Биолог схватил сумку с плодами, брошенную им на груду металлических частей.

— Я хочу попросить тебя...— остановил его голос Командира.

Биолог обернулся,— лицо его исказил страх.

— Если останешься последним,— продолжал Командир,— не обижай животных. А если увидишь в моем саду коня — не смей на нем ездить!

Биолог выбежал из мастерской.

С вершины холма непрестанно доносились удары молота и звон металла. Время от времени звуки резко обрывались и возобновлялись с новой силой. В одну из таких кратких передышек Командир взглянул вниз. Во дворе Биолога он увидел разбросанные корзины и вывалившиеся на землю плоды, а среди них — пирующую свинью. Наступил четвертый день после исчезновения Помощника.

Когда Командир с высоты холма увидел в саду Астронома серо-белого зайца, опущенные шторы на окнах дома, он понял, что начался пятый день. В сущности это уже не имело никакого значения. Была его очередь.

Он бросил работать и спустился вниз. Заходил в каждый дом, поднимал шторы и, уходя, оставлял двери открытыми. Закончив обход, ушел к себе, сел за стол и описал все, что произошло с ними. Свернул листы трубкой и положил в водонепроницаемую металлическую кассету. Принял ванну и тщательно побрился. Перерыл все шкафы на обоих этажах и, наконец, нашел свою командирскую форму. Удивился, что она так хорошо сохранилась, выглядела почти новой. Он вспомнил, что на Амальтее нет пыли, нет моли, и улыбнулся.

Поправил перед зеркалом стрелки на брюках, пригладил тронутые сединой на висках волосы и ровной походкой направился к фонтану.

На далекую планету с тремя солнцами прилетели люди с Земли... Они думали, что первыми ступили на ее поверхность, и были очень удивлены, когда обнаружили маленькое селенье и гуляющих там козленка, зайца, свинью, петуха и ягненка.

Их встретили шесть домов с гостеприимно распахнутыми и белыми, словно только что накрахмаленными, занавесками на окнах. Прибывшие стояли и ждали, — им казалось, что вот сейчас хозяева им помашут из раскрытых окон. И, может быть, еще долго стояли бы они так, если бы из окон одного дома не зазвучал над-

треснутый голос, пропевший несколько слов: «Спо-кой-ной ночи, дети, спо-кой-ной но...».

Автоматы пядь за пядью ощупывали тело планеты в поисках невидимых хозяев.

Когда на небе взошло третье солнце, Командиру доложили, что на планете нет никого.

После изнурительного полета члены экспедиции устали, и Командир приказал им отдыхать, а сам решил осмотреть селение еще раз. Он дошел до фонтана и остановился: в широкой чаше водоема плавала фуражка — темная фуражка со светлым околышем и блестящей эмблемой. Рядом с ней поблескивал серебристо-белый металлический предмет.

Командир наклонился и стал ладонью подгребать воду к себе. Фуражка и металлический предмет, покачиваясь, медленно приблизились к нему.

Из селения донеслась веселая песня... Растянувшись в тени деревьев, астролетчики нежились в сладостной полудреме. Командир подошел четким шагом...

— Мы попали в Рай, Командир!

— Это самый чудесный уголок Галактики!

— Наконец-то мы отдохнем, Командир! Побездельничаем, поживем без тревог и забот!

— Вы только подумайте, здесь нет никаких врагов! Раньше все было против нас, а на этой планете нам приготовили даже дома!

— Наконец-то нам не надо бороться! Довольно опасностей и напряжения!

«Вот так, должно быть, начиналось и десять лет назад»,— подумал Командир. Он выпрямился и сказал:

— Объявляю положение «Полная готовность». Полет не закончен. Отдыхать будем на Земле.

— Ты шутишь, Командир?!

— Не я. Планета шутит. Берегитесь ее шуток!

Командир поднял руки, и астронавты только сейчас заметили пачку бумажных листов и мокрую командирскую фуражку.

И еще заметили какую-то перемену в солнце. Оно стало как будто ярче, его лучи ослепляли. Тени на земле исчезли. Астронавты огляделись вокруг. Листья пышных крон таяли у них на глазах, стволы скручивались, словно опаленные лазерным лучом.

Волна теплого сухого воздуха пахнула им в лицо. В небе загрохотало, раскаты грома понеслись вдаль. Надвигалась гроза...

Эдуард Маципуло

ЧЕРНАЯ ЛАГУНА

Повесть

1

Это был один из тех паршивых мирков, к которым человечество привыкает со все большим смирением. Над огромной Лагуной, которую местные жители называли Вонючей Лужей, медленно шевелились газовые облака. В отравленных водах ее колыхались нефтяные поляны и многочисленные лужайки из старого тряпья, гнилых досок, пластиковых лохмотьев, банановой кожуры, консервных банок, бутылок, размокшей бумаги, раздутых трупов корабельных крыс.

Берег был продолжением Лужи. Тихо издыхала рощица кокосовых пальм, задавленная холмами и хребтами «дикого» мусора. В плотной газовой дымке угадывались скалоподобные силуэты большого города с его бетонными причалами, возле которых трудно ворочались мазутно-ржавые чудовища танкеров и сухогрузов. И, наконец, колоссальный свалочный пик, слепленный в престижных целях из привозного мусора и бытовых вещей, выброшенных на Свалку. Словно грязный палец, увеличенный в тысячи раз, пик торчал посреди Свалки. Вершина его поднялась до облаков и, казалось, упиралась в раскаленное равнодушное светило, потерявшее свой натуральный цвет...

Дон Аугусто, рослый мужчина лет тридцати пяти, с ленивым любопытством наблюдал за агонией чайки, попавшей в мазут. Приливная волна выталкивала птицу все дальше на берег, и она судорожно скребла песок распростертыми крыльями. Дон Аугусто вспомнил вычитанное где-то: у птиц, попавших в такие переделки, атрофируются грудные мышцы. Он поворошил ногой груду стекла. Взять осколок и счистить с перьев грязь? Плевать. Все равно умрет. Он повел взглядом по Лагуне и берегу, полюбовался зловещими облаками. К этому пейзажу он давно привык, как и к тому, что большая часть свалочного населения была безнадежно

больна, а меньшая сопротивлялась болезням с помощью высокого жизненного уровня, дипломированных медиков и невежественных, но удачливых знахарей и колдунов. Дон Аугусто принадлежал к лучшему меньшинству, это было видно по его одежде, по осанке, по отсутствию язв на лице, да и по тому, что он мог себе позволить болтаться без дела на безлюдных пляжах Лагуны.

Не совсем безлюдных. Потому что какой-то невзрачный тип в застиранной футболке появился из-за кучи хлама и вежливо поздоровался.

— Как думаете, можно ее спасти?— кивнул он на птицу.

Горящие черные глаза пытливо всматривались в лицо дона Аугусто. Впалые щеки и крупные скулы незнакомца были плохо выбриты — мешали крохотные язвы, по-видимому, следы кислотных дождей или влажных бризов с Лагуны. Дон Аугусто подумал, что этот тип — из нищих интеллигентов.

— Похоже, приятель, вы меня преследуете?— Дон Аугусто хищно улыбнулся.— И в прошлый раз вы торчали тут. А ну, выкладывайте, что у вас на уме?

— Мое имя Юсеф.— Незнакомец тоже улыбнулся, но взгляд был тверд, будто глаза — с другого лица.— Я, кажется, знаю, почему вы приходите сюда.

— Почему же?

— Вы тоже поняли, что Свалка необратимо и резко нарушила природное равновесие... Исчезли рыбы, медузы, погибли водоросли.

— Заговариваете мне зубы?!

— ... но какие-то организмы приспособятся и... Короче говоря, вы ждете, когда из этой Лужи выползет монстр на погибель людям...

— Интересно!

— ... какая-нибудь плодовитая букашка или супер-водоросль, способная оккупировать планету...

Дон Аугусто схватил его за плечо.

— Такие штучки я тоже умею рассказывать, приятель!

Странное спокойствие все более расползалось по нездоровому лицу Юсефа.

— Значит, вы не ищете монстра? Непонятно. Весь здравый смысл неминуемо ведет к мысли о монстрах и катаклизмах. Не так ли, дон Аугусто? Но в наше вре-

мя мало кто способен сохранить в себе такую роскошь, как здравый смысл.

— Очень интересно.— Дон Аугусто в задумчивости поскреб подбородок мизинцем.— Вы преследуете меня в надежде, что я вылез из Лагуны? Чтобы заработать, показывая меня в балаганах? Давайте начистоту, Юсеф.

— Начистоту? Я уже не ищу монстров. Я их нашел.

— Ну и...

— Они уже вылезли из луж и свалок. Это люди со свалочным мышлением.

Дон Аугусто рассмеялся, с силой хлопнул его по плечу.

— Так бы и сразу, приятель. А то кругами пишешь, на откровенность тянешь. Шпик? Шпичок? Скромный труженик Длинное Ухо? А теперь прочисти свое длинное, внимай. Если через секунду не провалишься сквозь землю...

Юсеф изучающе смотрел на него.

— У вас иммунитет против Длинных Ушей?

— Моя жена — мой иммунитет! Она — кузина владельца этой Свалки...

Дон Аугусто был немного хвастун, и это вырвалось само собой. Он тут же почувствовал, что переборщил, и ему стало досадно. Проклятье! Перед каким-то застиранным типом...

— Да, конечно, такая замечательная жена спасет от Длинных Ушей, но от этого,— Юсеф кивнул в сторону нефтяных полей,— от этой беды никакие связи не помогут. Конец у всех будет один...

— Не один, приятель. Вовсе не один. Нищие умирают первыми. А с деньгами можно выжить при любом катаклизме.

— Все верно. Поэтому на свалках будут ползать черви, или мокрицы, или тараканы.. другой жизни не будет.

Дон Аугусто очень не любил, когда последнее слово остается не за ним. Неожиданным ударом в челюсть он сбил Юсефа с ног.

— Я дал тебе секунду, приятель, ты не воспользовался...

— Черви опасней любого катаклизма,— Юсеф сплюнул кровь, промокнул губы тыльной стороной руки. - Знаете, почему? Они уничтожают людей.

— Я таких умников видел. Толку от вас — ни на

нишь. Одни слова. Вы ни на что не способны и ничего не умеете.

— Это вы напрасно, дон. Кое-что мы все-таки можем...

Он легко поднялся, будто подброшенный какой-то силой, и сбил дона Аугусто ловкой подсечкой. Тот зарылся головой в слежалые пласты мусора.

Дон Аугусто стряхнул с себя мусор, увидев на ладони царапину, начал высасывать из нее кровь.

— Неплохо, Юсеф. Наверное, служил в морской пехоте?

— Нигде я не служил.

— Ну ладно. Теперь выкладывай, кто ты и что тебе надо от меня?

— Уже ничего, дон Аугусто. Желаю вам и кузине мистера Киртли приятной жизни под свалочным солнцем.

Юсеф хлестнул по лицу дона Аугусто жестким взглядом и зашагал по черной ленте утрамбованного накатом песка. Вот склонился над птицей — уже не шевелится, околела — и заторопился дальше.

Дон Аугусто некоторое время смотрел ему вслед, немало озадаченный. Потом пожал плечом. Плевать!

...Дон Аугусто слонялся по пляжу. Этот чертов Юсеф не выходил из головы. Неспроста он крутился тут! А ушел красиво. Надо было догнать и всыпать ему, чтобы всякий занюханный неудачник не уходил красиво.

Очистив пятачок пляжа от стекла и консервных банок, дон Аугусто расстелил коврик и лег, омываемый запашистым ветерком, который игриво пощипывал бронхи и вышибал слезу. Он вытащил из кармана новый фантастический роман в мягкой обложке, из другого — плоскую бутылку с винтовой пробкой (слава богу, не разбилась) и вскоре был далек от Лагуны и Свалки.

«...Космический корабль, нашпигованный каторжниками в полосатых куртках, мчался в неизвестность, терзая пустоту мощными струями раскаленной плазмы. Лицо Психолога спокойно до невероятности. Взгляд голубых глаз тверд и колюч.

— Будь я проклят, если не покончу с бунтом! — Слова его падают на головы каторжников, рождая трепет в их измученных душах.— Я возьму вас за горло!»

«За горло, — повторил мысленно дон Аугусто. — Хо-

рошо сказано...» Он попытался сосчитать, сколько раз сидел в тюрьмах. Вспомнилась последняя беседа с тюремным психологом. Его лицо тоже было спокойным, и он, дон Аугусто, тоже был в полосатой шкуре.

— Я политик, док, авантюрист хорошего класса. Но меня преследуют странные срывы. Посудите сами, док,— стоит мне вскарабкаться на вершину, с которой уже видна роскошная жизнь, как я начинаю откалывать номера. То выскажусь не так, как написано в бумажке, то подстрелю совсем не того, кого велят...

— Все дело в кошках,— ответил тюремный психолог.— Я достаточно хорошо изучил тебя. Психосдвиг в сторону от психоосновы. Ты скверно запрограммирован с самого начала. Твой нищий папа дал тебе нормальную основу — жажду разбогатеть. А сентиментальная мама, к сожалению, была неравнодушна к бездомным кошкам, собакам, нищим и алкоголикам. Этот комплекс переродился в тебе самым чудовищным образом — в капитулянство, в фатальную боязнь решающих моментов. Тебе следует возненавидеть бездомных и убогих, независимо от того, хрюкают они, или лают, или бормочут псалмы. Но особенно опасайся кошек.

И вот, покончив с кошачьим синдромом, он благополучно, без срывов женился на Кэт, втерся в тесные ряды Клана. По правде говоря, его место под солнцем вовсе не хлещет золотыми фонтанами. И свалочный пейзаж на сотни миль вокруг. И Кэт не кинозвезда. Но жить можно. Уже не ломаешь голову над проблемой, чем набить желудок. Уже не считаешь каждый обмусоленный грош. А когда ловишь на себе завистливые взгляды полунищих трудяг, в числе которых ты был еще вчера, то сама собой приходит мысль о скромном человеческом счастье...

2

Жуткое видение встряхнуло дона Аугусто, как выстрел в упор из дальнобойного марсианского бластера. Перед ним стояла его жена, и за ее спиной — все три насупившиеся дочери. У каждой из этих дам через плечо — по модной сумочке, в которых состоятельные женщины Острова всегда носили с собой миниатюрные кислородные баллоны — для вентиляции легких. Удивительно простая мера, но продляла жизнь до необозримого будущего, как утверждали дипломированные

врачи. Правда, невежественные знахари хохотали при виде баллонов и предлагали невзрачные мешочки с пометом крокодила, смешанным со слюной бегемота,— амулеты против всех болезней века. Разумеется, в модных сумочках лежали и баллоны, и амулеты.

— Что это?— сухо спросила Кэт и вырвала из рук дона Аугусто книгу, затем бутылку.— Я отказываюсь верить своим глазам, Аугусто. Ты опять принялся за свое?

В общем-то Кэт выглядела эффектно, одежда на ней сидела так же хорошо, как и на манекенах в витринах супермаркетов. Но ее сильно портили большие, цвета выцветшего неба глаза, взгляд которых свидетельствовал о том, что она вздорная баба, мнит себя центром вселенной и потому невыносимо трудна в общении с простыми смертными. Но она была женщиной Клана! И завоевать ее было совсем не просто.

— Дорогая...— Дон Аугусто ошеломленно смотрел на книгу в руках жены.— Ты не подумай... Нашел на дороге... видит бог... Гляжу, лежит. Дай, думаю, посмотрю, может, чековая книжка? А тут ты... Что-нибудь случилось? Ты не в себе, дорогая. Что же могло случиться в воскресенье?

—Ты чудовище, Аугусто!— Кэт рвала в клочья книжные страницы, все дочери молча ей помогали.— Ты страшное чудовище, Аугусто. Жалкий лгун. Ничтожество. Почему ты не хочешь провериться у психиатра? Ты никогда не думаешь обо мне и девочках! Вместо того ты предаешься гнусностям. Ты никогда не станешь миллионером, Аугусто. Хорошее же будущее ты готовишь нам! Бесталанное, ленивое ничтожество! Неудачник! Вампир! Разве я достойна такой жизни? Почему я терплю до сих пор твои никчемные заработки? Я из Клана Великого Киртли, ты должен об этом помнить. Но ты постоянно забываешь...

Полагая, что дело может закончиться истерикой, дон Аугусто выжал из себя защитную улыбку.

— Последний раз, Кэт. Видит бог... последний раз... Больше никогда не подниму, пусть хоть десять книг...

Две младшие девочки с молчаливым остервенением пытались разорвать такую безобидную с виду обложку. Старшая дочь, присев на корточки, колотила плоской бутылкой о кусок ржавого железа, пока не разбила ее. Дон Аугусто в этот момент ненавидел ее. И каждую из них он ненавидел. Все они были на одно

лицо и примерно одного характера, словно сошли с одного конвейера.

«Господи!— взвыла душа дона Аугусто.— Перед тобою мученик, господи. Помоги чем можешь!»

Дон Аугусто нес на себе всех трех упитанных дочек,— и даже старшую, которая весила чуть меньше его самого,— изображая при этом большую радость. Он шел, спотыкаясь о старые башмаки и скелеты дохлых кошек (кошек!), и поглядывал на враждебную спину Кэт (тоже из породы кошек, вот дьявольщина!).

Словно уловив спиной его взгляд, Кэт обернулась.

— Видишь, как ты равнодушен к нам. Тебе безразличны и все наши родственники. Ты даже не спросишь, по какой причине мы искали тебя. Ты чудовище, Аугусто...

— Я спросил, но ты...

— Да будет тебе известно, привезли нашу Эрин. Все решили, что ей следует умирать не в больничной палате, а дома.

Он едва не упал вместе с ношей.

«Наша Эрин» была женой Корригана, близкого родственника мистера Киртли. Титула «наша» удостаивались только самые преданные мистеру Киртли члены Клана.

Живой вес на плечах был непосилен, и дон Аугусто начал уставать.

— Все-таки умрет?— спросил он, задыхаясь и обливаясь потом.

— Врачи бессильны,— ответила Кэт таким тоном, словно обвиняла дона Аугусто в несчастьях Эрин.— Она слишком долго пробыла в Лагуне. Еще никто из попавших туда, сам знаешь, не выжил. Так вот. Все родственники придут поддержать несчастного Корригана и попрощаться с бедняжкой Эрин. Сегодня мужчины, завтра женщины. Что о нас подумают, если ты не придешь?

— Сегодня, завтра... а послезавтра?

— Послезавтра ее уже не будет. Совершенно точно известно. Бедный Корриган! Он ужасно ее любит. Он не вынесет потери! Мне его предельно жаль.

Чтобы передохнуть, дон Аугусто остановился.

— Кажется, там затонул тот самый паром,— он показал рукой на Лагуну.

Уловка сработала.— Кэт возмутилась.

— Не там, а намного правее! Почти в центре Лагу-

ны! Ты даже этого не знаешь, чудовище. Тебе безразлично, где произошла трагедия с твоей родственницей. И Клан тебе безразличен! И я вместе с девочками!

На пологих мелких волнах колыхались груды мусора. Проплешины открытой воды чернели и рыжели нефтью.

Паром, перевозивший пассажиров, попал в штормовой шквал и затонул. Спаслись почти все, кто был на борту, но затем скончались в больницах, клиниках и в полицейском госпитале. Перед отравленными водами Лагуны были бессильны и дипломированные врачи, и невежественные знахари. Дольше других держалась «наша Эрин».

3

Эрин была настоящей дамой Клана, умной, образованной, обаятельной. Любила книги, вещи, боготворила Великого Киртли, создателя Свалки. Теперь она покоилась на перинах и кружевных подушках, с ног до головы запечатанная бинтами, похожая на мумию или фантастический персонаж из фильмов ужасов.

Дона Аугусто провели к ней, и он начал говорить бодрым лживым голосом о могуществе медицины и господа бога. А что он еще мог сказать?

— Вот увидите, Эрин. Все будет хорошо. Все будет прекрасно...

Он украдкой вздохнул и отважился взглянуть ей в лицо. Ее глаза, спокойные и внимательные, смотрели на происходящее как бы со стороны.

— Вы переживаете, Аугусто?— Слабый, изменившийся голос Эрин показался ему участливым.— Я же знаю, вы меня недолюбливаете с некоторых пор... Или даже ненавидите...

Дон Аугусто оглянулся. Подошел бы кто-нибудь. Но нет, толпа родственников в холле была занята разговорами, тактично предоставив ему нести свой крест до конца.

— Я же не бесчувственное животное, Эрин!— тихо произнес он.

— Вы заметили, Аугусто, у меня даже цвет глаз изменился...

Дон Аугусто собрался с духом и вновь заглянул в амбразуру.

— О, да... конечно... совсем другой цвет...— Он со-

вершенно не помнил, какого цвета у нее были глаза.— Этот вам больше идет.

Она судорожно втянула в себя воздух через бинты и с тоской произнесла:

— Скорей бы все кончилось!

— Эрин!— прошептал дон Аугусто.— Почему бы вам не напиться до чертиков? У меня есть с собой...

— Аугусто...— Голос ее прервался— Аугусто, прошу вас... Не хочу оставаться здесь... Ни минуты! Ненавижу этот дом, стены... Аугусто! Вы же когда-то любили меня, я знаю!

— Не надо волноваться, Эрин. Вы успокойтесь и опять... Вам же так нравился ваш дом!

— Не знаю, что произошло... но все здесь стало противным, противным, тысячу раз противным! Все здесь пахнет Свалкой — предметы, люди, слова! Не хочу! Пусть лучше грязная Лагуна... Аугусто! Прошу вас! Увезите меня отсюда... ночью... незаметно...

— Куда, Эрин? Вы в таком состоянии!

Рука, стянутая эластичными бинтами, вцепилась в ладонь дона Аугусто.

— Увезите в ту деревню... в туземную деревню на берегу, которую покинули жители... Больше мне ничего не надо, Аугусто! Я не буду вам обузой...

— Вы сошли с ума!

Она заплакала...

В спальню не вошел, а вдвинулся массивный огромный Корриган в расстегнутом мундире полицейского. Лицо его, веснушчатое, рыжее и в меру туповатое, напоминало дону Аугусто что-то беспросветно деревенское и в то же время бабье.

— Ей плохо!— сказал дон Аугусто.

— Ей всегда плохо. Это самое...— Лицо полицейского вдруг начало корежиться и застыло в дикой гримасе, означавшей, видимо, сострадание.

Как ни драматичен был момент, губы дона Аугусто расползлись в идиотской улыбке. Он выхватил из нагрудного кармашка надушенный платок и нарочито громко раскашлялся. Но полицейский глаз проницателен. Корриган с оглушительным шлепком ударил кулаком в свою ладонь и прошипел, раздувая ноздри:

— Пшшшел! Босс зовет!

Корриган на самом деле проявил сострадание. Как ни странно, жену свою он любил (сколько говорят о бесчувственности полицейских!). Правда, чувства посе-

щали его чрезвычайно редко, обнаружив их, он ощущал неловкость и какой-то стыд. А тут еще издевательский смех в платочек!

Корриган еще раз в ярости двинул кулаком в ладонь — сокрушительный жест, спасающий его от нежелательных эксцессов.

— Бошшжовет! Пшше-ел!

Эрин вдруг проговорила со стоном:

— Как все глупо!

Столько боли было в ее голосе, что Корриган тотчас забыл о доне Аугусто и повернулся к ней. Дон Аугусто пошел, крадучись, из спальни, но замер у самой двери, пораженный словами Эрин.

— Все глупо: галуны, блестящие безделушки! Ты, Корриган, не видишь, как все глупо! Взрослые люди впали в детство, гордятся мундирами, яркими пуговицами, безделушками... Ты смешон, Корриган! Уйди с моих глаз! Все вы смешны! И ты, Аугусто! И Великий Киртли! Вам невдомек, как вы глупы и смешны! Уйдите все прочь!

Корриган вытолкнул дона Аугусто из спальни. Дон Аугусто шарахнулся в сторону и приготовился дорого отдать свою жизнь, видя рассерженного вконец Корригана. Но полицейский накинулся на медсестру, крепко спавшую в кресле под портретом министра внутренних дел.

— Вста-ать!! Там... истерика!

Медсестра, охнув, схватила коробку со шприцами и метнулась в спальню.

Притихшие родственники роились кучками в просторном холле, рассматривая экспонаты на стенах. Здесь был собран небольшой музей криминалистики: кинжалы, стилеты и кастеты, ржавые самопалы и самодельные бомбы — тот арсенал, который был изъят под личным руководством Корригана у самых отпетых преступников. Здесь были также портреты знаменитых убийц, насильников и фальшивомонетчиков. Одна стена была отведена под слепки со следов и обрывки одежд неизвестных преступников. Если бы один из гипсовых слепков примерили к ноге дона Аугусто, то обнаружили бы удивительное совпадение. Во время битвы за Кэт он сильно наследил. И каждый раз, любуясь гипсовой лепешкой под стеклянным блеском, дон Аугусто испытывал смешанное чувство гордости за свое недавнее прошлое и стыда за приземленное настоящее.

На глаза навертывались слезы, и губы беззвучно дергались: «Плевать...» Нет, он не сорвется, не подвергнет опасности свои трудные завоевания, свое теплое местечко под солнцем...

Великий Киртли рассматривал портреты убийц, заложив руки за спину. Ему давно перевалило за шестьдесят, но выглядел он едва за тридцать. Создатель и владелец знаменитой Свалки мог позволить себе небольшую армию домашних врачей, диетологов и массажистов. Гладкий, ухоженный, тренированный, белозубый и загорелый... плюс раскованные жесты, плюс ироничное выражение глаз — в мистере Киртли и за милю можно было разглядеть человека, выигравшего в сумасшедшей гонке за успехом.

Дон Аугусто вежливо кашлянул в кулак.

— Босс, вы меня звали?

Великий не спеша повернулся к нему.

— Разумеется, Аугусто. Нам всем показалось, что ты слишком задержался у постели больной. О чем вы беседовали?

Дон Аугусто с тоской посмотрел на мерцающий под стеклом слепок.

— Она упрашивала выкрасть ее, босс...

Великий Киртли принялся по обыкновению разглаживать едва заметные морщины на мраморном лбу. Ладонь у него была мягкая, маленькая, похожая на женскую, на пальцах — скромный набор перстней и колец, обычный для простых смертных, выигравших гонку.

— Ну и что ты думаешь на этот счет, Аугусто?

— Она очень больна, босс... Ее слова нельзя принимать всерьез.

Великий с грустью покачал головой.

— Бедняжка. Она ко всем пристает с безумными просьбами...

Увидев на ковровой дорожке черную лохматую кошку с легкомысленным бантиком на шее, дон Аугусто украдкой наступил ей на хвост.

4

Домой он пришел в столь скверном настроении, что позволил себе поругаться с женой.

— Пойми наконец! — кричала Кэт. — Моя мечта о миллионе — это не глупость, как ты считаешь! Знаю,

знаю, считаешь! Миллион — это самое разумное, что может быть. Посмотри на родственников... Внешний вид, здоровье, душевное равновесие, дом, автомобиль — все точно соответствует банковскому счету каждого из них. Почему босс самый остроумный и оптимистичный, самый румяный, гладкий, стройный, самый привлекательный! Почему всякий, увидев его, невольно думает: «Он и на самом деле велик, этот Великий!» Почему он может иметь домашнюю армию массажистов, тренеров, психологов, диетологов...

— Да, конечно,— сказал дон Аугусто бесстрастным тоном.— Вся жизнь на земле зародилась специально для мистера Киртли.

— Ты ничтожество, Аугусто! В тебе говорит черная зависть! Я начинаю подозревать, что ты не способен на настоящий успех!

— Раз и навсегда нужно решить, дорогая...

— Я тебя слушаю!

— Мне известны правила игры. Я до них додумался сам, когда ухаживал за тобой. Сам! Их тщательно скрывают от таких, как я... Вот они — быть жестоким, быть удобным, надеяться только на себя...

— Продолжай!

— Я усвоил их и поэтому я сейчас здесь. Но ты постоянно требуешь от меня большего. Тебе нужен настоящий жизненный успех? Значит, я должен пунктуально следовать правилам игры... Боюсь, ты совсем не понимаешь, чего от меня требуешь. Начнем с постулата номер три — надеяться только на себя. В абсолюте это значит: не должно быть ни друзей, ни родственников, ни симпатичных мне людей. Вокруг себя я должен видеть только врагов, явных или потенциальных, которые обязательно уничтожат меня и займут мое место под солнцем, если я не уничтожу их.

— Я с интересом тебя слушаю!

— Постулат номер два — быть удобным. Я должен быть удобным хозяину, обществу и всем, сидящим над нами. Я должен выбросить на помойку все свои симпатии, антипатии, привязанности, любовь, привычки. Я должен стать хитроумным дипломатом, приспособленцем, беспринципнейшей личностью. И в итоге не быть личностью вообще.

— Я тебя не узнаю, Аугусто! Ты никогда подобным образом не высказывался!

— Постулат номер один — быть жестоким! Это значит не давать спуску никому — ни подчиненным, ни сослуживцам. Я должен тайно вредить начальству, места которого обязан добиваться. Должен бороться с конкурентами или с людьми, которые могут стать конкурентами, другими словами, со всем человечеством — всеми доступными мне способами. Я должен разорять их банковскими и торговыми операциями, должен выбрасывать на рынок недоброкачественные продукты питания и негодные медикаменты, чтобы устоять в конкурентной борьбе. По этой причине я должен сливать в водоем ядовитые отходы, выбрасывать в воздух тонны серы, золы, сажи. В конечном итоге, я должен убивать и убивать. Людей. Идя на добычу миллиона, я должен быть внутренне готовым обречь весь мир на гибель, если этого потребуют интересы дела.— Он тряхнул Кэт за плечи.— Хочешь ли ты, чтобы я следовал правилам игры?

— Не узнаю тебя,— с раздражением ответила она.

Он понял, что она не скажет ни «да» ни «нет». Она сказала другое:

— Я требую, чтобы ты показался психиатру.

5

День был трудный. У причалов Свалки ошвартовались два крупнотоннажных сухогруза с разносортным утилем и промышленными отходами. На материке уже не ломали голову, решая мусорные проблемы. «Слава богу,— говорили на материке,— есть на свете мистер Киртли с его благословенной Свалкой».

Потом под конвоем эсминцев прибыли цистерны с высокотоксичными отходами химических концернов. На материке хранить это добро было уже невозможно: начали сохнуть деревья и умирать животные. Данные о людях, разумеется, были засекречены.

Дон Аугусто руководил заполнением скважин жидкостью из цистерн. Но скважины еще не успели проглотить прошлую заливку. Видя, что ядовитая лужа увеличивается в размерах, рабочие в панике разбежались. Дон Аугусто облачился в двойной защитный костюм, прикатил мощный насос и закачал жидкость вместе с грязью обратно в цистерны. Потом позвонил боссу и попросил разрешения отправить цистерны в Восточный Сектор Свалки, где имелись резервные

скважины. Босс ответил ему с легким юмором, присущим людям высшего звена Клана:

— С тобой, Аугусто, скважин не наберешься. Ты, по-видимому, думаешь, я протыкаю их гвоздями в сдобной булке?

Однако транспортировку разрешил, и дон Аугусто начал готовить все необходимое к ночи, ибо только ночью проводились такие операции — в темноте меньше бывает любопытных, да и шоссе свободнее.

Но к ночи разыгрался шторм. Еще вечером в кабинет мистера Киртли на сороковом этаже занесло прямиком из Лагуны какие-то дурно пахнущие лохмотья. И мистер Киртли отменил все ночные работы.

Перед тем как лечь спать, дон Аугусто стоял у окна и курил. За стеклом бушевал ливень с ураганным ветром. Резкие вспышки молний освещали бетонный забор Свалки, колючую проволоку поверху, устрашающие надписи на бетоне: «Внимание! Запретная зона — частное владение».

Как понимать желание Эрин умереть вне дома? Привычный мир стал ненавистен? До такой степени ненавистен, что нет сил его терпеть в оставшиеся часы? Но, разумеется, никто не позволит ей такую блажь, хотя последнее желание приговоренных к смерти — даже преступников!— обязаны выполнить...

Потом он лежал в постели, прислушиваясь к грохоту кровли и к завываниям ветра. Жена ушла спать в детскую комнату, посоветовав ему поразмыслить перед сном о его скверных наклонностях и недостаточно высоком жалованье, которое, разумеется, было следствием этих наклонностей. Но дон Аугусто самым преступным образом размышлял о другом. К дому Корригана можно подогнать и трактор, и танковую колонну — ливень все равно смоет следы. И прохожих нет. И шоссе вымерло — ни грузовиков, ни велосипедистов. И полицейские патрули забились в норы, где есть выпивка и хотя бы телевизор. Впрочем, шторм оборвал провода по всему побережью, так что полиция довольствуется лишь выпивкой.

Где-то за полночь дон Аугусто вновь подошел к окну. Разветвленные кусты молний грызли жалкие прутики молниеотводов на плоских крышах. Белые коробки зданий поблескивали мокрыми рядами окон. Дождь то ослабевал, то обрушивался на землю сплошным водопадом, которому и ураганный ветер — не по-

меха. Дон Аугусто размышлял. Отважится ли рискнуть кто-нибудь из людей, слышавших просьбы Эрин? И как будто таких людей не находилось. Не было их на свете. Одни боязливы, другим не позволяли их нравственные устои. «А ведь никто не заподозрит тебя, если бы ты отважился.— Он затушил сигарету о влажное стекло.— Ведь минуту назад и тебе самому такое не могло прийти в голову».

Он ударил себя по щеке.

«Опять! Дьявольщина... До каких пор?! А правила игры? Вот они, кошки, психосдвиги и нелюбовь к финалам... Куда опять тебя несет?»

Но там была Эрин. Черт возьми, красотка Эрин, которая все-таки ему небезразлична. Любимые родственнички не хотят выполнять ее последнее желание. Пусть дикое желание! В мире полно дичи и похлеще... Нет, он должен ей помочь. Но тогда... что? Срыв? Попадешься, и все уплывет — семья, карьера, теплое местечко под солнцем и вообще все, все, все... Хватит ли сил снова начать с нуля?

Он долго стоял без движения, вглядываясь в игру молний. Потом произнес: «Плевать»,— и стянул через голову пижаму. Торопливо оделся, отыскал пару плащей, резиновые сапоги, зарядил фонарь новыми батарейками. Из холодильника взял несколько сэндвичей, из бара — первую попавшуюся под руку бутылку. Прошел, крадучись, мимо комнаты старухи-служанки. Выйдя из дома, надел сапоги, плащ.

Неимоверно трудно пробиться к успеху, и как легко упустить его. Но почему-то стало легче дышать. Мускулы ожили и потребовали работы. Почему-то сердце ликовало, туманя мозг мощными толчками крови.

Дон Аугусто вывел из гаража уже состарившийся, но все еще надежный лендровер (четырехцилиндровый двигатель, привод на все колеса, приличная скорость).

Он ехал, не зажигая фар, то и дело соскальзывая в какие-то ямы и канавы, по которым с шумом неслись потоки воды и грязи. Выкарабкивался из них с натугой, работая остервенело всеми рычагами и кнопками.

В сотне метров от дома Корригана покинул машину и, закутавшись в дождевик, побрел по сплошному болоту.

План был прост — вытащить Эрин через окно в ее комнате. Он надеялся, что сиделка спит в своем глубоком кресле за дверью,

Не зажигая фонаря, дон Аугусто пошел на звуки льющейся воды и наткнулся на жестяную трубу водостока. Это был угол трехэтажного коттеджа Корригана. Затем он отправился вдоль стены. Резкая вспышка молнии вырвала из тьмы в шаге от него массивную фигуру с непомерно большими плечами. Фигура была словно облита жидким серебром — блестела с нестерпимой силой.

Дон Аугусто отпрянул. Его мозг резанула мысль — бежать бесполезно. Если эту мыслишку обсосать на досуге, то стало бы ясно, что бежать бесполезно по нескольким причинам. Прежде всего, этот тип мог заорать, открыть стрельбу и, чего доброго, влепить пулю-другую в широкую спину дона Аугусто. Вопли и выстрелы обязательно вытащат полицейских из ближайшей норы. Но даже в случае благополучного бегства ищейкам Корригана впоследствии будет нетрудно добраться до истины, ибо вернуться домой незаметно он навряд ли уже сможет...

Таким образом, столь простая по форме мысль таила в себе богатое содержание. Дон Аугусто интуитивно почувствовал всю ее глубину и бросился на человека тараном, головой вперед. То, что дон Аугусто вначале отпрянул, обмануло человека, он тоже рванулся вперед, так как в этот момент наступила темнота. Они столкнулись со страшной силой. Потом ошалевший дон Аугусто колотил ручкой фонаря по бесчувственному телу противника. Опомнился, посветил фонарем — перед ним лежал крупный мужчина, одетый в резиновый плащ из спецкомплекта, которым снабжались постовые полицейские. Потрясенный дон Аугусто как стоял на четвереньках, так и превратился в изваяние. Фонарик, зажатый в его руке, продолжал светиться в луже.

Новый звук в какофонии ливня привел его в чувство. Еще одно отличительное свойство психики дона Аугусто: ни одна беда не могла надолго выбить его из колеи, ведущей к другой беде.

Когда снова все вокруг озарило небесной электросваркой и вселенная содрогнулась от мощнейшей тропической канонады, дон Аугусто увидел в окне перед собой шевелящийся белый ком. Потом со стуком и дребезжанием раскрылись оконные створки и в наступившей темноте что-то тяжелое обрушилось в затрещавшие кусты. Дон Аугусто бросился к кустам.

Конечно, это была Эрин.

...Выехав на шоссе, дон Аугусто включил фары. Ползунки дворников не успевали очищать обильные струи с переднего стекла, и дон Аугусто вел машину почти вслепую, взывая ко всем святым, чтобы не врезаться в столб, в случайную машину или брошенный строителями каток. Эрин лежала на заднем сидении, закутанная в плащ и автомобильные чехлы.

Дон Аугусто понимал: Корриган отыщет свою Эрин буквально на следующий день. Но он надеялся, что она к тому времени отойдет в иной мир.

— Аугусто,— едва слышно произнесла Эрин.— Что с полицейским?

— С ним все в порядке, Эрин,— сдержанно ответил он, не отрывая взгляда от переднего стекла.

— Я вам благодарна, Аугусто...

Ему пришлось напрячь слух, чтобы услышать ее.

— Вы молодчина, Эрин. Как вы догадались, что я пришел за вами?

— Я не догадалась... я не думала... я сама решила... Дождь... Они бы не нашли...

— Вы хотели самостоятельно выбраться из дома?

— Да... И потом, я слышала, что кто-то... до вас, Аугусто, кто-то приходил... полицейский стрелял и говорил что-то Корригану...

— Значит...

— Да, Аугусто... кто-то приходил... пытался спасти...

Оказывается, есть и кроме него безумцы на свете? И тот, другой, пришел за Эрин раньше его?

И еще поразило дона Аугусто шепотом произнесенное «спасти».

— И вот тогда... Я сама...

— Кто-то надоумил Корригана выставить охрану. Они поняли, что за вами могут прийти... В кого же стрелял полицейский?

— Не знаю...

— Кто был к вам особенно добр? Кого вы просили спасти вас?

— В госпитале... персонал... я не знаю их имен... врачи, сестры...— Эрин вдруг всхлипнула.

— Успокойтесь, детка. Все уже позади, главное сделано... Я оставлю вас в той самой деревне, о которой вы мечтали. До утра. Думаю, там найдется сухой уголок.

— Вы хороший, вы очень хороший, Аугусто... только

об этом никто не знает...— Она плакала.— Оставьте меня там и не приходите... осталось немного.

...Дон Аугусто сбавил скорость, смутно различив придорожные указатели, и свернул с шоссе на грунтовую дорогу. И сразу же увяз по самые оси. Потом машина долго пробиралась в грязевых потоках, пока в свете фар не появилось что-то хаотическое и огромное на бревенчатых сваях и бамбуковых подпорках.

Взобраться на мостки и тем более пройти по ним — было опасным, трудным делом. В конце концов дон Аугусто отыскал хижину, крыша которой еще сопротивлялась напору ливня, и перенес туда Эрин, завернутую в плащ и чехлы. Ему удалось наломать сухого бамбука и деревянных планок в других хижинах, и он развел огонь в очаге, которым давно уже не пользовались.

— Рассвет скоро... Я должен покинуть вас, Эрин.

Она лежала близко к огню, и от ее бинтов шел пар. Ее трясло. Она опять плакала.

— Конечно, Аугусто...

Домой он приехал под утро, когда дождь уже стих и в промоинах туч заполыхала заря. Наскоро протерев сухой ветошью кузов и скаты, благополучно добрался до постели. Прежде чем уснуть, еще раз обдумал происшедшее и понял, что дела его плохи. Если найдут Эрин, то, конечно, постараются узнать, на каких чехлах она лежит.

6

Утренняя газета вышла с запозданием, но искупила свой грех, порадовав читателей сенсацией: «Труп жены Корригана похищен!!» Да, в газете речь шла об Эрин как о мертвой. Приводились интересные подробности налета и убийства постового полицейского, а также давались биографии Корригана, Эрин и постового. Все они были лучшими людьми. Не потому ли над ними так зло посмеялась судьба? И газета предсказывала серию покушений на Корригана.

По дороге на службу дон Аугусто включил автомобильный приемник. Диктор последних известий говорил только о самых правдоподобных версиях: политический экстремизм и вмешательство потусторонних сил.

«Куда мы идем?— с укоризной, адресованной пра-

вительству, спрашивал диктор и приводил свежие подробности Происшествия.

Войдя в свой кабинет в офисе Западного Сектора Свалки, дон Аугусто включил телевизор и начал просматривать деловые бумаги. Какой-то тип в монашеской рясе, заняв собой весь экран, читал проповедь о том, что воровать усопших — вопиюще безнравственно. Дон Аугусто пробежался по другим каналам — везде торопились высказаться по поводу Происшествия. Клуб домашних хозяек рекомендовал тем, у кого в доме покойник, обзавестись электронными замками «Пфайф и сыновья», которые как раз и созданы для подобных случаев! Ведущий шоу-программы объявил конкурс «Кто найдет» с потрясающе крупным призом. Нужно было найти похитителя или тело Эрни. Сумма приза была так велика, что дон Аугусто почувствовал сухость в горле. Он позвонил Корригану, хотел выразить свои соболезнования, но дежурный офицер ответил замученным голосом, что господин начальник полиции очень занят и не сможет в ближайшие дни говорить по неслужебным делам.

Сделав необходимые по работе распоряжения и доклады, позвонил мистеру Киртли.

— Живой?— удивился босс.— А разве не ты был вчера с цистернами?

— Я работал в защитном костюме и сразу же ушел на санобработку. Разве случилось что-нибудь?

Диспетчер, скотина, не нашел нужным поставить в известность о каком-то событии на Свалке. К такому отношению пора было привыкнуть, но душа протестовала.

— Лежат,— сказал босс.— Рабочие вчерашней смены лежат,— увы, отравление. Так что отправляй цистерны сейчас же, сию минуту. Иначе отравим весь Остров, и правительство встанет на дыбы. Так что ты хотел сказать, Аугусто?

— Хочу выразить сочувствие и негодование по поводу...

— Да, да, Аугусто. Все мы скорбим и негодуем. Но, думаю, еще сегодня мы все узнаем. Работай спокойно.

Дон Аугусто отключил переговорное устройство и вытащил из сейфа коротковолновый японский приемник величиной с портсигар. Во время битвы за Кэт он регулярно прослушивал полицейскую волну с его по-

мощью. Большая часть служебных разговоров полиции была, как правило, кодирована, но сообщения с патрульных машин шли открытым текстом, часто с бранью и грубыми шутками. В патрульных машинах катались отчаянные парни, гвардия Корригана.

Прослушав бормотание и выкрики в эфире, дон Аугусто понял, что по всему городу и побережью идет тотальная облава. Особое внимание уделялось больничным городкам, клиникам и лечебницам, а также кэмпингам, отелям и загородным виллам, владельцы которых имели какое-то отношение к медицине. Объявилось множество подозрительных людей, и полицейские участки стонали от перенапряжения, фильтруя и выясняя причастность задержанных к Происшествию.

Мысль о чехлах с сидений не выходила из головы. «Слюнтяй! Неудобно было оставить ее на голых досках... Ей-то один черт!» С чувством приговоренного к смертной казни он вслушивался в голоса эфира, недоумевая, почему полиция сразу не кинулась в деревню. Или уже шли по следу похитителя?! Дона Аугусто прошиб пот. А может быть, шли по следу того, первого, который, похоже, был из персонала госпиталя? Не поэтому ли особое внимание полиция уделяет больничным городкам и клиникам? Им явно мерещится заговор врачей и медицинских сестер!

Дон Аугусто вытер потное лицо бумажной салфеткой и засмеялся. Ну конечно же! Как он сразу не подумал: эти болваны бросаются всем скопом на удобную версию и терзают ее до тех пор, пока она сама не издохнет. Они всегда и везде ищут для себя шоры. Узкие специалисты! Ха-ха! Конформисты! Мордовороты в коротких штанишках!

Но вот полицейский центр произнес сиплым посаженным голосом:

— Кто ближе всех находится к Луже?

Патрульные молчали. Дон Аугусто замер. Потом кто-то из патрульных съязвил:

— Легче сказать, кто ближе к пивной!

— Двести пятый! — закричал центр. — Где находишься?

Двести пятый мрачно ответил, где он находится. Опросив десяток других машин, центр определил, что двести пятый пребывает ближе других к нужному пункту. Дон Аугусто догадался, о каком пункте идет речь:

о деревне! И хорошее расположение духа мгновенно улетучилось.

...Тягачи с цистернами и автомобили сопровождения выехали из крепостных ворот Западного Сектора. Разгоняя уличное движение пронзительной сиреной, зловещая процессия выбралась окраинными кварталами на загородное шоссе. Встречные машины жались к обочине, сползали в грязь, густо парившую под жарким солнцем, или с превышением скорости улепетывали в обратном направлении.

Дон Аугусто на своем лендровере крутился вокруг цистерн. Увидев капли мазута на асфальте, поднял тревогу. Машины остановились. Рабочие начали искать, в какой цистерне появилась течь. Все были напуганы, действовали с величайшей осторожностью. Охранники, перекрывшие шоссе с обеих сторон, нервничали, не снимая респираторов, орали на шоферов подходивших машин. Несколько автомобилей пошли через грязевой массив. За ними потянулись грузовики и легковые. Дон Аугусто забеспокоился: полицейские могли тоже свернуть, появись они здесь.

Но вот из-за громоздкого автофургона вынырнул легкий джип с мигалкой, сиреной и прочими полицейскими штучками на растяжках брезентового тента. Дон Аугусто бросился ему навстречу, подняв над головой стоп-жезл. Джип резко затормозил, боднув дона Аугусто фарой. «205»— было ярко выведено на капоте. Из машины посыпались полицейские в шортах — упитанные и туповатые, скорые на расправу и очень похожие на самого Корригана.

— Назад!— забубнил в респиратор дон Аугусто.— Опасно для жизни!

Как он и ожидал, парни были не из пугливых. Сержант больно ткнул его дубинкой в грудь.

— Вот так чучело!

Он хотел еще что-то сказать, но дон Аугусто схватил конец дубинки и с такой силой дернул в сторону, что ремешок на запястье лопнул, а полицейский растянулся во весь рост на асфальте.

— Нельзя прикасаться,— сказал дон Аугусто.— Опасно для жизни. Всех вас, господа, мы вынуждены задержать, чтобы спасти ваши жизни...

Сержант поднялся с асфальта и, не раздумывая,

ударил кулаком точно в респиратор. Дон Аугусто едва не проглотил загубники вместе с фильтрами.

Рабочие и охранники с трудом одолели патрульных, засунули их в мешки с надписью «Предметы для дегазации».

Ни в одной из цистерн течь не обнаружили: пятна на асфальте оказались обыкновенным мазутом. Цистерны в окружении эскорта продолжали свой путь. Начальник охраны предложил было освободить полицейских, но, взглянув на распухшую и насупленную физиономию дона Аугусто, только хмыкнул.

7

Закончив операцию с цистернами, дон Аугусто помчался к туземной деревне. Еще с насыпи шоссе он увидел полицейских, разглядывавших брошенный кем-то мотороллер. Проклятье!

Он миновал спуск на грунтовую дорогу и после бешеной гонки вырвался за замусоренный пляж Лагуны к залитым нефтью причалам яхт-клуба. Тут же были частные стоянки катеров и моторных лодок.

У скрюченного многими болезнями сторожа взял ключи от своего ангара и вскоре уже мчался на плоскодонном прогулочном катере, лавируя между полянами мусора, рискуя разбиться о плавающие предметы.

Сказывалась бессонная ночь. Дон Аугусто яростно тер кулаками отяжелевшие веки и поносил последними словами Эрин и себя — за всю эту глупую историю. Усталость и сонливость отступили, но превратились в тупую боль в затылке. Дон Аугусто развернулся у центра Лагуны и погнал катер к деревне, делая на ходу японский массаж головы. Когда стал различим цвет бамбука в стенах полуразрушенных хижин, заглушил мотор и пошел на веслах.

Он пробирался в густой тени под мостками, то и дело прислушиваясь. Губы его шевелились, проклиная полицейских за их расторопность и желание услужить Клану. А чей мотороллер, черт возьми?!

Мелкие волны, придавленные радужной пленкой, вяло били в борт катера и в почерневшие пальмовые сваи. Древесина бревен расслоилась на крупные волокна, отчего сваи казались закутанными в задеревеневшие косматые меха. Ближе к берегу в лабиринте свай громоздились завалы мусора, старых бревен и

досок — результат неустанной работы штормов и прибоя. Деревня превращалась в груды плавника, и только не поддающиеся гниению пальмовые бревна обещали пережить любой катаклизм.

Над сизой масляной грязью отстоялся слой полупрозрачной воды, в которой, на удивление, плавали мелкие червеобразные рыбешки. Дон Аугусто ошеломленно смотрел на них. «Все-таки черви...»

Дон Аугусто вздрогнул. Совсем близко загрохотал искаженный мегафоном голос полицейского:

— Эй, кто тут есть, быстро ко мне! Мы же видели драндулет!

С мостков посыпалась древесная труха. Потом послышался чей-то голос, полный самообладания. Вроде бы знакомый голос!

— Только не стреляйте, господин сержант. Я иду.

«Проклятье! Опять этот тип!» Двое полицейских обыскивали уже избитого Юсефа, он стоял с поднятыми руками и говорил о своем большом желании поправить финансовые дела с помощью конкурса «Кто найдет».

— Заткнись! — голос сержанта был громок и груб, как у всех патрульных.— Признавайся, куда спрятал труп? Ведь ты его спрятал? Вижу по твоей морде, меня не проведешь...

Дон Аугусто погнал суденышко в глубь лабиринта, отталкиваясь от свай руками и ногами. Но разве снизу найдешь ту хижину, в которой оставил Эрни и проклятые чехлы? Раздвинув полусгнившие доски, торопливо полез наверх. Осмотрелся — пусто. Не та хижина. Выглянул из крошечного оконца и сразу увидел полицейского. И тот увидел его. Дон Аугусто вспомнил, что оставил пистолет в машине, и выругался. Проломив трухлявую стенку хижины, побежал по застонавшим, прогнувшимся мосткам.

— Стой! — завопил мегафон за спиной дона Аугусто.— Господин сержант! Здесь еще один! Вижу его! Стой, скотина!

Ударил выстрел, и дон Аугусто замер в неудобной до смешного позе, потому что знал: эти парни обожают стрелять по движущимся мишеням. Медленно, не допуская резких движений, противных любому полицейскому, обернулся. Полицейский был раскормлен как на убой. Тесные шорты с яркими лампасами трещали по швам при малейшим движении. Даже не видя его

затылка, дон Аугусто был уверен, что он стриженый и соединяет по прямой спину с макушкой. Такие загривки дон Аугусто терпеть не мог со времен доблестной службы в морской пехоте.

— Разве здесь запрещено гулять?— осторожно спросил он.

— Я тебе погуляю, скотина!— заорал полицейский в мегафон, хотя их разделял какой-нибудь десяток метров.— Ко мне! Быстро!

— Лучше ты ко мне, здесь удобней... беседовать...

— Я тебе побеседую, скотина!— Полицейский ступил на прогнившую доску, опасливо посмотрел вниз.— Я тебе так побеседую.

И медленно пошел, балансируя распростертыми руками, в одной — кольт, в другой — мегафон, похожий на урну для окурков.

— Циркач!— выкрикнул дон Аугусто и рывком поднял свой конец плахи.

Полицейский, падая, замахал руками, однако успел выстрелить. Пуля ударила в доску, и по лицу дона Аугусто хлестнуло древесным гнильем и пылью. Сквозь выступившие слезы он все-таки разглядел в черной жирной грязи облитый глазурью прыщик — голову полицейского, которому так не повезло. И свалил на нее плаху.

Услышав громыхание бегущих ног, юркнул за груду ломаного бамбука и истлевших пальмовых листьев, сорванных ветрами с туземных крыш. Прибежали, запыхавшись, еще двое — дюжий татуированный сержант и тощий рядовой, явно страдающий несварением желудка. Найдя подходящие бамбучины, они встали на колени и начали выуживать из грязи своего товарища.

— Он вроде бы не шевелится, господин сержант!

— Шок!— рявкнул сержант.— В этой грязи всегда шок!

Дон Аугусто с трудом поднял бревно и с силой бросил в полицейских. Черные сверкающие брызги взметнулись выше мостков, дон Аугусто резко отскочил, однако на крокодиловой коже туфли появилась клякса. И он начал торопливо соскребать ее кусками сгнившей древесины.

Услышав шорох за спиной, обернулся. Юсеф! И руки его — в сверкающих никелем наручниках. Лицо бледное, растерянное.

Юсеф заглянул вниз.

— Что вы наделали?..

— Ну ты-то зачем здесь, ты?!

Юсеф хотел что-то ответить, но, взглянув в лицо дона Аугуста, попятился, едва не свалившись в грязь. Потом, неловко повернувшись, побежал прочь. Дон Аугусто заскрипел зубами и бросился за ним. Они перепрыгивали через зияющие грязью провалы, рискуя сорваться с мостков, и расстояние между ними сокращалось. Юсеф затравленно оглянулся, понял: не уйти. Остановился, присел на корточки. И встретил дона Аугусто жестким, как удар кулака, взглядом.

— Вам не нужны свидетели? И меня хотите убить? С силой натянутая цепь наручников дрожала.

— Кто тебя тащил сюда? Кто?— Дон Аугусто медленно приближался к нему, сжатый, как пружина.

— Искал тех, кто заварил всю эту кашу, кто стоит за Происшествием... К сожалению, вы стоите...

— Зачем?! Зачем понадобились те, кто заварил кашу?

— Помочь, спасти...

— Спаситель!— взорвался дон Аугусто.— Так вот почему ты вертелся и вокруг меня. Хотел спасти! Меня?! От какой опасности, скажи, пожалуйста?

— То была ошибка. Вас не следует спасать.

— Вот и поговорили, приятель... Ты не должен был меня видеть. Здесь. В этой проклятой деревне. Выпустить тебя живым я уже не могу, сам понимаешь. Поэтому... прыгай сам. Ты же умеешь красиво уходить. Все, что могу для тебя... Прыгай, говорю!

Юсеф бесстрастно смотрел на дона Аугусто, и только желваки ходили по его лицу. Потом подошел к краю помоста. Замер, вглядываясь в противоположные мостки, до которых, хоть из кожи вылези, не допрыгнуть. И вдруг отступил на шаг, пригнулся и с тихим вскриком оторвался от мостков. Тело его распласталось в воздухе. Нет, не допрыгнул. Но цепь наручников с силой ударилась о макушку сваи, зацепилась, Юсеф повис на цепи, застонав от боли, сталь наручников ломала руки...

Вот он подтянулся, закинул ногу на шаткую доску, потом перевалил на нее все тело. И вот уже бежит, ссутулясь, прижав руки к груди.

Дон Аугусто мчался за ним в обход, скрипя зубами. Наконец вырвался из деревни, но Юсеф уже поднимался на воющем мотороллере по грунтовой дороге.

— Не уйдешь!— взревел дон Аугусто и бросился к полицейскому джипу. Но двигатель не заводился. Он торопливо открыл крышку капота. И точно: исчез бегунок трамлера.

— Юсеф!— завопил он в отчаянии.— Все равно тебе никто не поверит!

...Дон Аугусто остановился на пороге хижины, бурно дыша. Глаза его медленно привыкали к полумраку. Эрин в светлой броне бинтов лежала там же, где он оставил ее,— на автомобильных чехлах у очага.

Дон Аугусто вытащил из-за пояса мешок, в котором намеревался похоронить Эрин в Лагуне, резким движением развернул его и услышал тихое, как шелест страниц:

— Аугусто... это вы?

Он не мог произнести ни слова.

— Аугусто... что-то случилось.... мне кажется... я не умру...

Он упал перед ней на колени.

— Господи... Эрин... как же так? Все всегда умирали... Извините... Неужели...

— Да, да, Аугусто... Со мной странное что-то происходит... Когда вы оставили меня здесь... я почему-то была счастлива... Холодно, дождь... все трясется от ветра... а я счастлива...

Он схватился за голову.

— Вот влип! Господи! Что же делать?

Со всей осторожностью дон Аугусто перенес Эрин на катер. Грязные бинты на ней окрасились кровью. Она плакала...

— Мне больно, Аугусто... и страшно... Для вас самое лучшее, если я умру... я знаю, вы хотите меня утопить...

— Проклятье!— бормотал измученный дон Аугусто.— Проклятье, проклятье, проклятье! Доставлю вас, куда захотите, и будь что будет!

— Только не домой, Аугусто! Не на Свалку...

— Но вам нужны врачи, лекарства, и чего только вам не понадобится...

— Тогда лучше опять в Лагуну...— прошептала она, трясясь, будто в ознобе.

Дон Аугусто с яростью поскреб подбородок, но ничего хорошего в голову не шло.

— Я знаю отель, где не задают лишних вопросов... Может, вас туда, Эрин?

Разгребая веслом корку мусора, дон Аугусто вытолкнул суденышко из-под мостков. И будто чей-то взгляд толкнул в спину,— он резко обернулся. Юсеф стоял на шоссе и смотрел в их сторону.

— Кто это, Аугусто?

— Какой-то непонятный шпик. Дьявол его дери...

— Что же теперь... Аугусто? Он все видел и все понял!

8

Дон Аугусто отвез Эрин в старый полупустой отель на замусоренных складах. Когда-то здесь отбоя не было от туристов, теперь же хозяин отеля, унылый старикашка, обглоданный до костей чесоточным клещем, едва сводил концы с концами. Он сдавал номера несовершеннолетним любовникам и бездомным, а также всем прочим подозрительным типам, которые, как известно, обожают захолустья и не очень привередливы. Дряхлый долгожитель не обратил ни малейшего внимания на Эрин, несмотря на ее более чем странный вид. Это означало, что в отеле проживали и еще более странные господа, и то, что полиция до сих пор искала Эрин мертвую, а не живую.

Пряча свою брезгливость, дон Аугусто принялся кормить Эрин тем, что мог предложить хозяин отеля. Она сидела в постели, страшная и жалкая в своих грязных бинтах, и ела вначале с нежеланием, но постепенно в ней проснулся аппетит.

— Для начала хватит, Эрин,— пытался остановить ее дон Аугусто.— Я вижу, вам и на самом деле становится лучше.

— Похоже, вам, Аугусто, мало радости от того, что мне становится лучше.— Она говорила со страхом и обидой, однако продолжая есть.— Я понимаю... Вы хотите уморить меня голодом... Я все понимаю. Вы взвалили на себя такую обузу...

Дон Аугусто невесело усмехнулся:

— Я не буду вас убивать. Успокойтесь.

— Я вам не верю...— шептала она, давясь пищей.— Аугусто, я хочу опять вам верить и не бояться...

Дон Аугусто произнес со всей искренностью:

— Я ведь был уверен: вы умерли в той хижине. И мне было жаль вас, поверьте. И досадно, что и не договорил как следует с вами. Эти странные слова...

хотелось снова и снова слышать их. Отчего эти слова? Ведь до болезни вы ничего подобного не говорили! И не могли сказать!

— Хочу музыку... хорошую, красивую, чтобы сердце сжалось и захотелось плакать... Тогда... В тот раз... я попросила Корригана включить что-нибудь. Он включил Папаридиса. Понимаете, Аугусто? Корриган выбрал ту пленку... те песни, по которым я когда-то сходила с ума, да и все вокруг... Вы же не любите Папаридиса, Аугусто?

Дон Аугусто пожал плечами. Он был равнодушен к творчеству живых классиков, хотя и восхищался их конкурентными способностями.

— И что же было дальше, детка?

— Папаридис разочаровал меня, да, именно разочаровал. Хотелось заткнуть уши. Я сказала, что он не гений, этот гений. Мне стало смешно... Я спросила Корригана, почему он не смеется... Он ответил, что я сошла с ума и не знаю, чего хочу.

Она помолчала и с тихим удивлением проговорила:

— Аугусто? Мне и сейчас Папаридис кажется смешным! Но все говорят о его гениальности! Может, я на самом деле сошла с ума? Пусть сошла... Когда я лежала ночью в той хижине, я была счастлива. Я перестала чувствовать боль, и все на свете мне стало вдруг понятным. Я думала о своей жизни, о Корригане, о вас, Аугусто... Я была мудрой... нет, не то слово... Легко было...

Она замолчала, прерывисто дыша. Напряженный взгляд ее воспаленных округлившихся глаз, грязные бинты, мучительная поза переломленной в пояснице мумии — все это было жутко, необычно, неприятно. Однако дон Аугусто старался не выказывать своих чувств.

Эрии прошептала:

— Аугусто! Мне и бог был смешон... Почему?

— Откуда мне знать, Эрии? Перед смертью вы... то есть, поверив в свою смерть, вы, по всей видимости, лишились обычных своих масок, обрели естество... Может быть, нужно оказаться на грани жизни и смерти, чтобы... Нет, нет! Я видел умирающих. Разных! И все они были раздавлены мыслью о смерти. Перед тем как умереть, они теряли все человеческое. Они встречали смерть в слезах, шоке, в скотском виде. Они были готовы на все ради мгновения жизни. На все, Эрии!..

Близкая смерть их не меняла, она доводила до крайности все, на что они были способны в жизни.— Он помолчал.— А те люди, которые были с вами на пароме? Как они вели себя перед смертью? Их тоже считали сумасшедшими?

— Не знаю... Кажется, нет, не считали.

— И все же... Вы не догадываетесь, в чем причина вашей метаморфозы?

— Лагуна?— несмело спросила она.

— Да, Лагуна.

Дон Аугусто был необычайно серьезен. Эрин некоторое время молчала, потом произнесла отвратительно скрипучим голосом:

— Обычные ваши фантазии, Аугусто...

— Бесспорно одно,— проговорил он с упрямством ребенка.— Лагуна способна перестраивать психику своих жертв. Притом без всяких чертовых рефлексов! Может быть... вы прошли через то, что ожидает всех? И если заговорили другими словами, то...

Он задумался.

9

Теперь дон Аугусто не расставался с пистолетом. Он мечтал отыскать Юсефа, чтобы всадить в его сердце парочку разрывных. И вдруг повезло: увидел его в толпе на тротуаре. Дон Аугусто выскочил из машины и бросился в погоню.

Юсеф оглянулся, крикнул:

— Отдохните, Аугусто, на вас лица нет!

— Сейчас ты сам... отдохнешь!— Дон Аугусто тщательно прицелился, медленно выбрал люфт спускового крючка, но Юсеф юркнул в густую тень виадука. Дон Аугусто все же выпустил наугад пару разрывных, как мечтал. Звуки выстрелов исчезли в грохоте ржавой расхристанной надземки, по которой с бешеной скоростью несся электропоезд.

Дон Аугусто вбежал под виадук и, наткнувшись на чей-то крепкий кулак, рухнул на колени.

— Бросьте оружие!— Чей-то незнакомый голос.

— Теперь раздевайтесь. Догола.— Другой голос, и, тоже незнакомый.

«Ловушка»! Дон Аугусто кипел яростью, тем не менее у него хватило самообладания подчиниться.

— А теперь медленным шагом идите к автобусной

остановке.— Голос Юсефа! — Она в полумиле отсюда. Вам необходимо остыть.

— Проклятье!— пробормотал дон Аугусто.

Он шел к автобусной остановке, скрипя зубами и выкрикивая ругательства. Мягкий пыльный асфальт нестерпимо жег ноги. Люди на остановке изумленно смотрели на него. Дон Аугусто подошел к остановке, посмотрел на расписание и пошел назад, к виадуку.

Одежда его лежала там, где он ее оставил. И документы, и деньги — все на месте. В потайном кармашке портмоне — счет за номер в отеле на скалах. Может, счет им понадобился? Так нет же, все на месте.

«Дураки! Слюнтяи! Решили напугать! Да хоть бы ограбили для виду!» Но стало ясно: Юсеф не один. Это сильно осложняло жизнь дона Аугусто.

А Юсеф в это время мчался на мотороллере по загородному шоссе. Вся операция с раздеванием была проделана только для того, чтобы взглянуть на листок с адресом отеля на замусоренных скалах.

Эрин впервые самостоятельно выбралась на террасу отеля. Была ночь, в красивых облаках плутала роскошная луна. Выродившиеся до размеров колибри летучие мыши бесшумно проносились у самого лица, и новая кожа отзывалась болью на движение воздуха.

«Хорошо-то как!— подумала Эрин.— Я живу! И я не на Свалке!»

— Здравствуйте, Эрин,— послышалось из темноты.— Не пугайтесь. Мое имя Юсеф...

— Вы... из госпиталя?

— Хорошо, что вы вспомнили, Эрин, нам будет легче разговаривать.

— Я благодарю вас, Юсеф. Вы были ко мне так добры. Я всех ужасала, я же помню, ужасала. А вы были терпеливы и внимательны.

— Мне хотелось вам помочь, Эрин. И я приходил в ту ночь к вашему дому...

— Это в вас стрелял полицейский?

— Да. Мне пришлось убегать без оглядки... А теперь я опять пришел, чтобы помочь вам.

— Но я же...

— Выслушайте меня внимательно. Существует Организация... Просто Организация... Вы знаете, конечно, что на Свалке давным-давно вымерли все организации... А наша живет. Мы ищем людей, сохранивших в

себе человеческую суть. Самосознание, гордость, неподкупность, честь, мужество... все, что входит в общечеловеческое понятие нравственности. Здесь, на Свалке, такие люди обречены. Мы разработали способ... Можно сканировать человеческую суть, заключить ее в малом объеме. Не вдаваясь в подробности... я вам предлагаю спасти вашу сегодняшнюю суть.

— Так неожиданно, Юсеф... И что я должна делать? Как все это будет?..

— Вы сядете возле аппарата, вас опутают проводами, и через определенное время ваша нравственная суть, схемы мыслей и чувств — душа, по сути дела,— будут сдублированы в малом объеме... это сложнейший механизм, заключенный в стальную нержавеющую оболочку, по виду напоминающую большую консервную банку. И как бы вас потом ни изуродовала жизнь, всегда будет возможность возродиться нравственным существом — с помощью этой записи. Ваша запись останется только вашей, любой другой мозг она разрушит. Как и ваш мозг способна разрушить чужая запись... Не слишком вас напугал?

— Я не все поняла, Юсеф... Вы хотите сохранить человеческие души... возродить их в какой-то момент?

— Да, Эрин.

— В какой момент?

— Огромный мир способен, конечно, уничтожить Свалку, но она вошла в плоть и кровь капитализма, отгородилась от ненависти масс границами, штыками, психопунктами. Поэтому разрушить Свалку и Клан можно только изнутри. Мы должны начать, остальной мир нас поддержит. Вот почему мы должны оставаться здесь и сохранить себя для борьбы, нравственность свою сохранить, ибо нравственность — и есть бунт, революция, движение вперед.

— Скажите, Юсеф... Аугусто... дон Аугусто тоже будет там? У аппарата?

— Нет.

— Но как же? Ведь... в нем и благородство, и мужество, и...

— В вас говорит любовь, Эрин. Отрешитесь от чувств и увидите: он в такой пропасти, откуда нет выхода.

— Просто он не знал, куда идти... Все бегут, и он...

— Я говорил с ним, когда он был без масок... Нет,

Эрин, все уже решено. Все люди определены. Ни одной лишней «банки».

— Возьмите мою... прошу вас, Юсеф. Вы должны его спасти.

— Мы не принадлежим себе, Эрин. Ваша суть — не ваше личное богатство, неужели вы этого не поняли? Перед нами жестокая необходимость борьбы!

Эрин долго молчала, потом тяжело вздохнула:

— Простите меня, Юсеф... Я не могу согласиться. Это было бы предательством с моей стороны...

— Я вас понимаю, Эрин. Этого я и ожидал. Иначе вы не могли поступить. Мне и жаль, и я... восхищаюсь вами. Прощайте, Эрин. Прошу вас, никому не говорите о нашей встрече, даже дону Аугусто...

В ту ночь ей снилось мрачное низкое подземелье, заставленное гудящей аппаратурой, от которой струился жар и тусклый свет рубиновых глазков. Незнакомые люди с сосредоточенными лицами неожиданно возникали из тьмы и так же неожиданно исчезали.

— Не бойтесь,— шепнул Юсеф.— Это безболезненно и быстро...

Она проснулась поздним утром, с беспокойством посмотрела на окно — плотно закрыто. И дверь заперта изнутри. Значит, на самом деле приснилось? От сердца отлегло, но стало немного грустно. Она принялась смотреть на телефон — скорей бы услышать голос Аугусто.

Ей стало грустно оттого, что это сон, что ее душа не записана, не сохранена для будущего. И еще более досадно было, что они отвергли дона Аугусто. Почему?! Они же совершенно не знают его!

10

Сегодня в доме дона Аугусто большой прием с обязательным марафоном мозгов и другими семейными развлечениями. Такое проводилось поочередно во всех ячейках клана, что позволяло родственникам держать друг друга в поле зрения.

Гостей встречали на ступенях парадного — сияющий дон Аугусто в смокинге и более сдержанная Кэт с несмываемой улыбкой на лице. Она была очень хороша в темном длинном платье с вырезом на спине до самого копчика. К ее голубоватым глазам очень шло скромное колье из фамильных бриллиантов. Глядя на нее, мно-

гие родственники недоумевали, каким образом нищему прохвосту удалось заморочить голову «нашей Кэтти»!?

Старики и дамы оседали в гостиной у столов с закусками. Молодежь слонялась по комнатам, спотыкаясь о напольные вазы и бронзовые бюсты членов Генерального Совета. Костяк Клана — мужчины среднего возраста — расположился у бара и обсуждал модную версию — несчастную Эрни выкрали члены религиозной секты Пожирателей Трупов...

Младшая дочь дона Аугусто, наряженная в кружева, точь-в-точь как кукла, которую она держала в руках, уже дважды спела милую песенку об аисте, который приносит людям мальчиков и девочек, даже если его не просят. Эту песенку, любимую стариками Клана, неизменно пели на каждом приеме разные дети, и им неизменно аплодировали.

В голосе Кэт появилась истерика:

— Корриган и кузен уже, наверное, не приедут! Что о нас подумают, дорогой?

— Успокойся, дорогая. Случись хоть светопреставление, а родственники сползутся.

В глазах Кэт вспыхнуло возмущение.

— Мне не нравится твой тон!

— Извини, дорогая,— пробормотал дон Аугусто.

Наконец появился мистер Киртли: легкая походка, белозубая улыбка, безукоризненный костюм. Он порывисто дышал, на его аккуратных красивых залысинах блестели жемчужные градины пота. Многих растрогало до слез то, что Великий Киртли явился как простой смертный, без телохранителей, массажистов и терапевтов. И мало того, он собственной рукой притащил за шиворот избитого человечка в разодранном и некогда белом халате.

Мистер Киртли швырнул человечка под ноги Клану и поцеловал руку Кэт.

— Как ты прекрасна, наша Кэтти!

Он похлопал по плечу дона Аугусто.

— Чем тебе не понравился полицейский патруль? По твоей милости они прошли через все круги ада, хотя никакого заражения не было.

— Они без должного почтения относились к людям Свалки, босс. Мне показалось, этого достаточно, чтобы...

— Ты совершил большую ошибку, Аугусто. Если они на самом деле не любят Свалку, то на них нужно было вылить все твои цистерны.

Это была шутка, и многие засмеялись.

— Господа!— голос мистера Киртли стал торжественным.— Я рад приветствовать Клан на нашем традиционном приеме в доме верного нам дона Аугусто и моей очаровательной кузины... Короче говоря, начнем марафон мозгов. Ответьте мне, кто перед вами?

Толпа напружинилась. Жадные взгляды впились в человечка. А он едва держался на ногах, и было похоже, что все на свете ему уже безразлично. Сплошная короста была его лицом, седые волосы торчали в разные стороны. Он был похож на ужасный муляж, изготовленный с непонятной целью. И только маленькая деталь говорила, что это не муляж; на впалом виске пульсировала вздувшаяся вена. Мистер Киртли обожал так называемые марафоны мозгов. Задав трудную и необычную задачу, он заставлял родственников высказываться. Бывало, что в зависимости от их ответов он кого-то повышал в должности, приближал к себе или с легкостью отбрасывал в задние ряды Клана. Марафона мозгов все ожидали с надеждой и страхом.

Всех опередил низкорослый толстячок с большим рубином в перстне — Коротышка Фитцбаф, родственник босса по материнской линии. Он всегда и везде был выскочкой, этот женоподобный и голосистый слизняк Фитцбаф. Из-за отталкивающей внешности и скверного характера его не любили женщины, даже за деньги. Да и мистер Киртли не очень жаловал.

— Это медицинский работник!— выкрикнул Коротышка Фитцбаф.— Я угадал, босс?

Мистер Киртли улыбнулся.

— Отличная мысль, Фитц! Она вызвала бы еще больший восторг, если бы на нем был надет не медицинский халат, а скажем, водолазный костюм.

Толпа весело и мстительно загоготала, кто-то в изнеможении схватился за живот. Когда немного успокоились, долговязый и худосочный родственник мистера Киртли по отцовской линии, мистер Риковер, несмело спросил:

— Он попал под вашу машину, босс?

Мистер Киртли фыркнул и ничего не ответил. Огорченный мистер Риковер спрятался за спинами родственников.

Кэт ущипнула дона Аугусто.

— Милый! Неужели ты пропустишь такой великолепный случай?

— Не лучше и не хуже других случаев,— пробормотал дон Аугусто.

Как только мистер Киртли притащил в их дом избитого человечка, дон Аугусто насторожился, понимая, что неспроста босс выбрал этого типа для марафона мозгов.

Кэт рвалась в драку.

— Мне кажется, босс, этот человек имеет отношение к Происшествию! Всюду ведь только и говорят о Происшествии!

Дону Аугусто не понравились ее слова, зато глаза мистера Киртли заискрились тихой радостью.

— Хорошо, Кэтти. Очень хорошо.

Коротышка Фитцбаф, взмахнув рубином, опять выкрикнул:

— Вы поймали свидетеля, босс! Он видел банду!

По взмокшей спине дона Аугусто прокатился холодок.

Неряшливый старик в черном — бывший священник, а теперь клерк Отдела Утилизации Утиля — перекрыл все голоса мощным церковным басом:

— Он неправильно лечил нашу Эрин! Каналья!

Отец Бьюрен — по старинке звали его. Он мечтал сделать карьеру — перебраться в престижный Отдел Жидких Отходов и поэтому был энергичным марафонцем. Его жена, чрезмерно декольтированная старушка, с морщинистыми, поблекшими плечами, благоговейно обтерла супругу мокрый подбородок старомодным кружевным платочком и шепнула:

— Они обалдели, дорогуша! Продолжай в том же духе. На этот раз...

— Он неправильно лечил нашу Эрин!— заорал во всю мощь отец Бьюрен.— Каналья!

Избитый человечек вздрогнул, а мистер Киртли поморщился.

— Совсем оглушил. Я тебе запрещаю, Бьюрен, подвергать опасности стены этого дома. По крайней мере, пока мы находимся здесь. Помнишь, в библии...

Кэт обернулась к дону Аугусто, в глазах — слезы.

— Аугусто, чего же ты?

— Ничего в голову не идет,— пробормотал тот.

— Это шантажист!— выкрикнул Коротышка Фитцбаф.— Он потребовал выкуп!

— Он из секты Пожирателей Трупов!— обрадовал-

ся отец Бьюрен.— И теперь он пришел за Корриганом, а вы, босс, как настоящий христианин...

— Правильно,— сказала жена Бьюрена.

Мистер Риковер хотел выкрикнуть что-то умное, но слова застряли в горле, потому что интуиция подсказала: это были глупые слова.

Мистер Киртли засмеялся:

— Какую ерунду вы несете, господа! А истина так проста!

В голосе Кэт появилась ненависть:

— Почему молчишь? Я тебе не прощу...

— Кому нужны мои фантазии, дорогая?

— Перестань, Аугусто! Ты знаешь, чего я хочу!

— Кэт, мне пришло в голову... Не он ли похитил нашу Эрин? Правда, тебе может показаться смешным...

Стоявшая неподалеку от супругов старая набожная и благочестивая леди Дуглас, щеки которой висели кусками грязного теста, вдруг полезла к центру круга, энергично расталкивая всех толстыми руками. Пробившись к мистеру Киртли, вцепилась в рукав его пиджака.

— Он похитил нашу Эрин? Правильно я сказала, да?— Она старалась заглянуть в глаза мистеру Киртли.

А тот, немало удивленный, отодрал от себя старушечьи пальцы и усадил взволнованную женщину в кресло. Всем стало ясно — старуха непостижимым образом попала в цель.

Дон Аугусто яростно поскреб подбородок. Господи, чего только на свете не бывает! Они нашли похитителя! Умора!

— Вы поймали его в ловушку, босс! Он убегал, отстреливался, но вы настигли его мужественной рукой!

— Леди Дуглас уложила всех вас на лопатки,— объявил мистер Киртли.

Леди Дуглас заплакала от счастья и сразу же попросила пенсию, потому что акции, которыми она владела, стали ненадежными, и еще потому, что мистер Киртли несколько раз сидел у нее на коленях, когда был ребенком.

Кэт зло выкрикнула:

— Пусть уважаемая леди скажет, сама ли догадалась насчет похитителя?

Леди Дуглас резко повернулась к ней, забыв вытереть слезы, и с вызовом ответила:

— Последнее время небо слышит мои молитвы, милочка!

Мистер Киртли улыбнулся Кэт.

— Наша Кэтти желает что-нибудь добавить?

— Да!— отважно выкрикнула Кэт.— Желаю... Вернее, Аугусто желает.

Дон Аугусто произнес с любовью в голосе:

— Возьми себя в руки, дорогая.

Но перед ним расступились, и он оказался в центре внимания.

Избитый человечек продолжал стоять понурясь, безучастный ко всему. На одной ноге у него не было башмака, и босая бледная ступня на кроваво-красном поле ковра резала глаза какой-то вопиющей дисгармонией. Но дон Аугусто был начеку. Со всей решимостью он подавил в себе синдромные толчки.

— Этот человек, судя по внешности,— гуманист и пустобрех!— произнес он, раздувая ноздри.— Всем известно, как опасны подобные типы! Вы, босс, с гениальной прозорливостью выбрали из всех госпитальных крыс именно его, ибо только такие безответственные типы способны воровать чужих скончавшихся жен!

Человечек открыл глаза, мутный расплывчатый взгляд устремился на дона Аугусто. И будто переключили фокус оптического устройства — взгляд стал ясным и твердым.

«Юсеф?!. Проклятье!..»

— Ты закончил?— нетерпеливо спросил мистер Киртли.

— Как вам будет угодно, босс,— пробормотал дон Аугусто, отступая в толпу.

Мистер Киртли отечески улыбнулся толпе родственников.

— Сегодня я доволен нашей Кэтти и миссис Дуглас.

Бедняга Фитцбаф задушил в себе стон.

— Уфф!— облегченно вздохнул отец Бьюрен и окропил брызгами слюны рядом стоявших.

— А ты, Аугусто, увлекся сложными построениями,— продолжал благодушно мистер Киртли.— И таковые заводят тебя в тупик. Хотя не могу не признать: ты бродил совсем рядом с истиной. Надеюсь, когда-нибудь тебе повезет, и мы сможем назвать тебя «наш Аугусто».— Кровь отлила от лица дона Аугусто.— Кстати, почему бы тебе не включиться в поиски нашей Эрин, как включились уже многие члены Клана по мере

сил и способностей? Вдруг твоя дикая фантазия на этот раз поможет тебе?

— А разве... он... этот тип, не сказал, где он прячет нашу Эрин?

— Боюсь, теперь он не в состоянии вспомнить даже свое имя. Мои телохранители взяли в оборот сотрудников госпиталя раньше полиции. А этот... Некоторые видели, как он уходил в ту ночь, в самый ливень. Мы хорошенько его спросили, он не смог доказать своего алиби. Вот что бывает с людьми, которые берутся не за свое дело.

...Вечер удался. Родственники, в том числе и самые завистливые, вынуждены были это признать. Только Кэт осталась недовольна. Проводив последних гостей, высказала мужу:

— По-видимому, ты нездоров, Аугусто! Ты плохо борешься за наше семейное счастье. Ты постоянно меня огорчаешь!— И, хлопнув дверью, ушла спать в детскую, чтобы продемонстрировать всю глубину своего презрения.

Дон Аугусто мрачно смотрел на дверь и опять чувствовал себя повисшим на крючке. «Юсеф, дьявол тебя дери... Почему ты не прикончил меня сразу?»

11

На следующий день все газеты вышли с сенсационными аншлагами.

«Похититель трупа найден!»

«Негодяй сошел с ума при попытке к бегству!»

«Великий Киртли получит феноменальный приз конкурса «Кто найдет?»

«Господа миллионеры еще раз доказали: миллионы достались им не случайно!»

«Великий награжден полицейским орденом «Золотого Пинкертона» Первой Степени!»

Дон Аугусто ошеломленно смотрел на кучу газетных листов, затем взорвался радостью.

— Победа! Черт возьми, я их победил!

И все осталось позади: мучительная ночь, головная боль, страхи. Он забегал по кабинету, колотя себя в грудь.

— Они не знают, что крошка жива! И представить себе не могут, что все Происшествие — это я! Мой мозг, мои руки! Каким нужно быть размазней и болваном,

чтобы не ударить по козырям!— Он остановился у окна, за которым дремала в густых испарениях Лагуна.— А катаклизм? Глупо чего-то добиваться, когда уже начался катаклизм!— Он зарычал.— Плевать! Сто раз наплевать!

Потом нарисовал на куске ватмана отвратительную кошачью морду и начал метать в нее авторучки с платиновыми и золотыми перьями, выкрикивая:

— Сначала дам под дых! Гениям успеха!

Он выждал половину дня, чтобы окреп триумф Великого Киртли, и позвонил его телохранителю-секретарю с просьбой об аудиенции.

Босс встретил его удивленно.

— Слушаю тебя, Аугусто. Надеюсь, ты не по пустякам?

— Босс! Я пришел сказать, что вы недооцениваете меня. Я все еще заместитель главного диспетчера Западного Сектора... тогда как... Короче говоря, я знаю, кто на самом деле похитил нашу Эрин.

Мистер Киртли язвительно улыбнулся:

— Из газет узнал, Аугусто?

Такие улыбки действовали на дона Аугусто, как пощечины.

— Вовсе не тот человек похитил, босс! У него хватило духу лишь увидеть постового и сбежать. Похитил другой. Тот, который убрал троих в туземной деревне.

— При чем тут деревня?

— Вот видите, вам даже неизвестно, что в одной из хижин он прятал нашу Эрин.

— Забавно. Когда тебе стало известно о похитителе, Аугусто?

— С самого начала, босс. С той самой ночи.

— В таком случае почему ты промолчал на марафоне мозгов? Почему?

— Успех в то время еще не созрел, босс. За рано сорванный плод я получил бы меньше, чем получу сейчас.

— Старая леди Дуглас...

— Она слышала обрывки нашего с Кэт разговора, поэтому ее осенил господь.

— Ага. И поэтому наша Кэтти готова разорвать милую старушку? Но ближе к делу. Кто этот негодяй?

— Я должен понимать ваш вопрос как признание моих скромных способностей?

Мистер Киртли разглаживал морщины на мраморном лбу.

— Я не знаю, какую роль ты играл в этом деле. Может, информация свалилась тебе на голову случайно? Может, ты тут совершенно ни при чем, Аугусто?

— Нет, обошлось без случайностей, босс. Вы в этом сейчас убедитесь. Я постарался, видит бог! Вы придете в восторг от моих действий.

— Не желаю брать кота в мешке. Выкладывай, кто он?

— Один момент...

— Кто он?— рассердился мистер Киртли, совершенно забыв о морщинах.— Или я вышвырну тебя отсюда! Навсегда!

— Как вам будет угодно, босс.

— Мне будет угодно, если ты уберешься к дьяволу!

Дон Аугусто четко повернулся и вышел. Он был уверен, что поступает точно по правилам игры, поэтому не сомневался в конечном успехе. Босс и Клан должны уступить его напору, иначе вся история с Происшествием обернется против Клана. По меньшей мере станет ясно, что «Золотой Пинкертон» вручен не по заслугам и что в психопункт попал невиновный.

На выходе из лифта на первом этаже дона Аугусто поджидал запыхавшийся телохранитель-секретарь мистера Киртли.

— Босс просит вас вернуться.

— Хорошо. Я вернусь.— Дон Аугусто не смог сдержать ликующей улыбки.

Он вновь поднялся на лифте, вошел в кабинет, почтительно остановился у порога. Конечно, теперь можно было пройти прямо к столу и развалиться в кресле. Но всему свое время.

Мистер Киртли дышал ровно, видимо, успел проделать успокоительные упражнения. Пристально глядя на дона Аугусто, он с расстановкой произнес:

— Аугусто, я изгоняю тебя из Клана и лишаю работы на Свалке. Но ты владеешь информацией, представляющей опасность для общества. Поэтому мы вынуждены распорядиться тобой, как ты этого заслуживаешь.

12

Тюрьма Западного Сектора Свалки была небольшой, всего пяток этажей в бетонной коробке с крепкими стенами. Время от времени даже на острове совершались преступления, поэтому все еще нужны были тюрьмы и прокуроры. Но никогда члены Клана не переступали порог этого заведения. Дон Аугусто не только переступил, но и успел выспаться на бетонном полу.

— Представляю опасность для общества!— негодовал он, расхаживая по тесной камере.— Не для общества, а для тебя, дряхлый скунс! Тебе опасен и твоему проклятому Клану! Стоит мне выбраться отсюда, переплюну всех тупиц, идиотов, господ, кузин и внучатых племянников! В ваших котелках — ни грана таланта, ни тени воображения! Вы способны питаться только отбросами или тем, что наворуете из чужих мозгов!

Кто-то должен был прийти, чтобы вырвать из его рук все козыри — в этом он не сомневался, на месте босса и родственников, наверное, поступил бы так же. Гадал: кто же? Корриган?

Пришла Кэт.

— Я решила расторгнуть наш брак,— сухо проговорила она.— Теперь понимаю, он был ошибкой. Ты не дорожил ни семьей, ни Кланом.

— Так-то ты поддерживаешь меня в борьбе за наше будущее?— Дон Аугусто смотрел на жену честными глазами.— Все, что я делаю, должно тебя только воодушевлять, однако ты, дорогая, ведешь себя в высшей степени странно.

— Кто похитил нашу Эрин? Ты не хочешь мне сказать? Мне?!

— Обязательно скажу. Позже.

— Когда?

— Вот сторгуемся с боссом...

— Я хочу сейчас все знать!

— Зачем, Кэтти?

— Чтобы убедиться в твоих супружеских чувствах ко мне. Ты не должен иметь тайн, по крайней мере, от меня. Не правда ли, Аугусто? Если ты не откроешься мне, я расценю твое запирательство знаешь как?

— Ну, как?

— Вернусь к разговору о расторжении брака! От тебя зависит, быть ли нам вместе. Только от тебя!

— Ничего не скажу, Кэт. Иначе поставлю тебя в трудное положение. Родственники сотрут тебя в порошок, вырвут все то, что узнаешь. И мы ничего не добьемся...

— Даю тебе слово! Ты должен мне сказать...

Дон Аугусто видел — что-то случилось, и она теперь полностью на стороне родственников. Клан добился своего. И внешне она изменилась за последнее время, что было, конечно, следствием внутренних перемен. Во взгляде и жестах появилось больше нетерпения, истерии и, как ни удивительно, кокетства. Раньше она не любила коротких платьев — теперь на ней вызывающее мини, не скрывающее исподней каемки нежно-лазурного цвета. На ее полной красивой руке — моднейший браслет в виде полицейского наручника с цепью, украшенной парочкой изумрудов. Что и говорить, облик состоятельной и свободной во всех отношениях женщины...

Но она любила его — в этом не могло быть ошибки. Любила за дерзость, удачливость, за то, что был непохож на ее окружение. И в то же время требовала от него, чтобы он был как все, имея в виду членов Клана... Ее душу тоже раздирали противоречия. И всему рано или поздно приходит конец, и противоречиям тоже...

Придавленный этими мыслями, дон Аугусто тяжело вздохнул.

— Ладно, Кэтти, твоя взяла. Нашу Эрин выкрал я. У меня есть доказательства... А теперь уходи.

Кэт нисколько не удивилась.

— От тебя всего можно ожидать. Чудовище. Еще я требую... Где покоится наша Эрин!

— Слишком многого хочешь, дорогая...

— Какой же ты все-таки мерзавец, Аугусто. И я любила такого? Я слишком долго не хотела видеть в тебе то, что ты есть на самом деле. Слава всевышнему, теперь прозрела. В каждом шаге, в каждом слове ты — неудачник. Ты меня обманул, ты показался мне победителем, но все твои победы — фикция. Даже то, что ты похитил нашу Эрин, не делает тебя победителем. Ты неудачник, неудачник!.. И рожден быть неудачником! Теперь нет сомнений... Ты фигляр, который пытался сыграть роль героя!

— Что из этого следует?

— Я окончательно порываю с тобой.

— Неужели от любви не осталось ничего, Кэт? Была же любовь!..

— Ты смешон.

— А трое детей, наших пухлых дурочек? Ты о них подумала?

— Вспомнил! Ты всегда крал у них время на свои глупые книжонки!

— Босс обещал позаботиться о твоем будущем, не правда ли, Кэт? Потому ты вся обновленная?

— Теперь забудь о нас...

— Верно! С какой стати Клану греть за пазухой какого-то чужака? Только и всего: не так думаешь — и ты чужак...

Дон Аугусто замолк, вытер ладонью слезы. Кэт с презрением смотрела на него.

— Скажу, дорогая, на прощание... Мирок-то ваш уже приговорен. Лагуна вас сожрет, это точно. А впрочем, не поймешь. Уходи...

Он стоял посередине камеры, смежив веки. Во время разговора с Кэт появилось и исчезло какое-то новое, пугающее ощущение. Он пытался вспомнить его, но мешало звучащее железо перекрытий: звонкая торопливая дробь — это каблучки Кэт, а размеренно бухающие удары — это литые подошвы начальника тюрьмы. И гулкое эхо, какое бывает только в тюрьмах.

Он зажал уши.

«Ощущение... Вот оно... опять... Всей кожей чувствую чужую волю, чужую силу... Кто-то заставил Кэт говорить так, а не иначе, и Корригана... И босса... Проклятье! Все, что происходит — чужая воля? И Происшествие — чужая?! Нет! Нет... Происшествие я сам... мое кровное, настоящее. Происшествие не отдам, остальное берите, дьявол вас дери...»

Он рванулся к двери и начал колотить в нее руками и ногами.

— Мне надо сказать Великому! Очень важное! Скорей! Скорей, дьявол вас дери, не то будет поздно!

Упоминание о мистере Киртли заставило тюремщиков шевелиться. В камеру почти бегом принесли телефонный аппарат на длинном спутанном шнуре. Багроволицый начальник тюрьмы сам набрал номер на кнопочной панели — грубые пальцы его при этом подрагивали. Дон Аугусто выхватил из его пятерни телефонную трубку.

— Босс! Я спас члена Клана! Да, да, Эрин жива! Я скажу, где она, и вы, надеюсь, оцените...

13

С высоты сорокового этажа Лагуна казалась лужей запекшейся черной крови среди огромного поля битвы, хранившего следы панического бегства разгромленной армии. Среди холмов и хребтов окаменевших, никому не нужных трофеев пульсировала упругая нить шоссе, протянувшаяся к дымному горизонту. Черная, поблескивавшая на солнце точка двигалась по нити, парализуя движение на ней.

Дон Аугусто следил за черной точкой, навалившись грудью на узкий металлический подоконник. Он страстно желал, чтобы с неба свалился метеорит, а еще лучше — атомная бомба, чтобы черную бронированную точку вместе с замурованным в ней Корриганом разнесло в пыль, чтобы полицейские никогда не добрались до Эрин. Сидит, несчастная, беспомощная, в грязном вонючем номере, и некуда ей уйти... Дон Аугусто заскрипел зубами, замотал головой, прогоняя синдромные толчки.

— Отойдите от окна,— произнес металлическим голосом секретарь-телохранитель.

Сложив сильные руки на выпуклой груди, он, как изваяние, стоял у запертых дверей.

Дон Аугусто повиновался. Он подошел к картине в массивной раме — все служебные помещения офиса были украшены подобными полотнами — и принялся разглядывать розовотелого человечка, плывущего саженками в океане из золотых монет. Известный мастер-свалочист старательно выписал лицо человечка. Оно выражало целеустремленность и добродетель.

— Отойдите от шедевра,— сказал телохранитель.

Дон Аугусто присел на краешек кресла. Почему Великий тянет с решением? Ведь все ясно! Он повернулся к телохранителю.

— Нет ли здесь где-нибудь кошки? Обыкновенной кошки?

— Зачем вам?

— Я бы ее задушил,— честно признался дон Аугусто.— Я бы ее растоптал. И мне стало бы легче.

— Лишних кошек нет.

— Но все-таки есть?

Внезапно зажегся экран, вделанный в панель красного дерева, на нем проступило слегка утомленное лицо Великого Киртли.

— Так вот, Аугусто, мы пришли к окончательному решению: тебе необходимо пройти курс лечения. Только в таком случае ты сохранишь свое место на Свалке, а также семью и банковский счет.

Дон Аугусто вцепился обеими руками в кресло, лицо его помертвело.

— Вы не сделаете этого... я же спас... и отдал ее вам...

— Буду откровенен, Аугусто. Твое досье подвергли электронному анализу. Ты определен как 8X/PV — это очень нехорошая категория недомогающих. Ты даже не подозреваешь, на что способен. Тем не менее, мы всегда помним, что ты супруг нашей Кэтти и отец ее детей, другими словами, хороший гонщик за успехом. Скверная история с похищением Эрии подтверждает то и это. Так что полечись, друг мой.

Дон Аугусто собрал в кулак все свое мужество.

— Все-таки... психопункт? «Кузница счастья»? — Голос его сорвался, что заметно понравилось мистеру Киртли.

— Я рад твоим усилиям выглядеть благоразумным, друг мой. Со своей стороны обещаю: ты попадешь в руки лучших специалистов. Слышал о чудесах, которые творит доктор Теобальд! Вы ведь когда-то были приятелями? Знай также, я буду молиться за тебя. Я со всей искренностью желаю тебе нормального мышления.

— Нормального? Все-таки дело в типе мышления? Не людей всегда сжигали, а тип мышления?

— Что ты имеешь в виду?

— Великие предатели вначале были бунтарями... я это чувствовал всей кожей. Их привели к покаянию. К перемене разума. Их купили свалочными благами! Принудили страхом!..

— Понятно, Аугусто. А кто устоял, тех сожгли. И ты почему-то вознамерился взойти на свой костер? Как я раскусил тебя? По-видимому, тебе невдомек, что существует единственный тип нормального мышления — это нормальное мышление. Его система ценностей очень проста, естественна и логична: деньги, пища, секс, вещи, стремление к успеху, власть над людьми... Все то, что не отвечает этой системе,— патология, биологическое преступление перед родом человеческим.

— А наука...

Мистер Киртли с удовольствием перебил его:

— Должен тебя огорчить, друг мой. Наука со всей дотошностью определила симптомы занедужившего мозга, основной из них — бешеная работа мысли...

Дон Аугусто бросил быстрый взгляд по сторонам: тесное помещение, окно, раздвижная дверь. Телохранитель смотрел на него в упор, глаза его были неподвижны.

— Мысль всегда разрушает,— продолжал с экрана мистер Киртли,— отсутствие мысли укрепляет — такова, может быть, печальная логика жизни. Вот почему разумный человек во все времена старался освободиться от чрезмерно думающих и создал грандиозную систему покаяния. Изгнать мысль из жизни, к сожалению, невозможно, однако человечество, слава богу, научилось дозировать ее с помощью науки и здравого смысла... И чтобы окончательно разрушить твои патологические построения, скажу — ты не взойдешь на свой костер. Я в два счета ссажу тебя с поленницы дров.

По лицу дона Аугусто забегали желваки.

— Не слишком ли...

— Через пару минут ты будешь умолять меня и Клан оставить тебе последний шанс, я имею в виду психопункт.— По блеску глаз и полуулыбке на лице Великого было видно, что он наслаждается беседой.

«Да он издевается!— подумал дон Аугусто.— Ему мало загнать меня в угол,— надо еще и растоптать и сунуть физиономией в дерьмо!»

— Могу сообщить тебе, друг мой,— продолжал мистер Киртли с приятной полуулыбкой,— так сказать, конфиденциально. Тот человек, которого я притащил на марафон мозгов, оказался лидером последней подпольной организации Острова. Допускаю, ты о них слышал, может, поэтому тебе не дают покоя дурные надежды.

Дон Аугусто лишь пожал плечами. О чем болтает дряхлый скунс, когда на повестке дня психопункт? Психопункт!

— Я даже допускаю, Аугусто, что и твою душу они упрятали в банку.

Дон Аугусто ничего не понял — это было видно по его лицу. Мистер Киртли погрозил пальцем с экрана.

— Бесполезно лукавить, друг мой. Полицейские

компьютеры работают на полную мощь, анализируя память злоумышленников.

— Ну, было что-то. Крутился возле меня один, вопросы задавал... Я ему врезал, и мы расстались.

— Бог с тобой, Аугусто. Скоро и без тебя будем знать, где они прячут свои банки.

— Подскажите, босс, как они выглядят, эти банки. Может, я их и видел...— Дон Аугусто тяжко вздохнул.— Вы же знаете, я для Клана хоть в лепешку расшибусь...

Телохранитель хмыкнул, а мистер Киртли продолжал прежним тоном:

— Они нашли способ консервировать души. Надеются спасти саму суть неудачников и злоумышленников от благодатного влияния моих догматов.

— Чтобы в будущем выпустить их из банок? Правильно я понял, босс? Они полагают, что в будущем не будет догматов?

Психопункт отошел на второй план, так сильно проняла дона Аугусто весть о банках. Стало понятно, почему интересовался его персоной Юсеф. И почему этот интерес внезапно кончился — этим самым он отказал ему, дону Аугусто, в будущем!

«Господи, куда ни плюнь...»

Он с тоской посмотрел в сторону окна. Испарения Лагуны ломали перспективу, и газово-блеклое облачко нервно дергалось, словно ему не хватало воздуха и оно задыхалось... А ведь где-то есть большой светлый мир без свалок и кланов, где люди не слышали о методах покаяния, где не нужно консервировать души ради лучшего будущего, где-то есть несомненно великое братство людей. И дон Аугусто, может быть впервые, страстно захотел принадлежать тому миру. Но ведь он уже меченый свалочизмом, и от этого клейма не отмыться. Тот мир его просто-напросто выплюнет...

— Я вижу, Аугусто, ты раздумал гореть на костре. Правильно. Горсть золы и груда костей — тоже перемена разума. Покаяния невозможно избежать. Это приговор всевышнего.

Дон Аугусто пробормотал:

— Слышал и поинтересней приговоры...

Великий слегка обиделся:

— Какой ты разговорчивый сегодня. У тебя же не осталось ни малейшей дилеммы. Злоумышленники с

банками вычеркнуты. Так что, слова «нет» уже не существует. Есть только «да» в разной степени.

— Вы слишком уверены в себе, а это...

— Я убеждаюсь, Аугусто: «Кузница счастья» — слишком щедрый подарок для тебя. Ведь ты давно уже заслужил предельную степень покаяния.

— Так почему вы до сих пор не отравили меня, не застрелили, не растворили в кислоте? Почему не применили предельную степень?

— Потому что в Клане тебе уготована своя роль. Используют же змеиный яд в медицине? Женщины носят боа и манто из меха свирепых хищников, а их модные сумочки — из крокодиловой кожи. Ты, Аугусто, вроде той сумочки, ибо я всегда желал тебе добра. Я знал, что ты задашь подобный вопрос. Только почему так поздно?

— Я ведь гонялся за вашим вонючим успехом, — произнес дон Аугусто с ненавистью.

14

Полицейские ворвались в отель на замусоренных скалах, и Корриган своей мужественной рукой сдавил горло чесоточного старикашки, хозяина отеля.

— Где?

Его могучий голос перекрыл все звуки, шибанул в ветхие двери номеров, вогнал в ужас Эрин, только что вставшую с постели.

Ей поначалу повезло. Хозяин решил, что полиция пришла брать семейство изуверов, устроивших в труднодоступной мансарде молитвенный притон. Он прохрипел с натугой:

— Наверху...

Полицейские полезли по винтовой лестнице без ступеней, и отель вспучило от беспорядочных выстрелов и взрывов гранат. Молчаливые и богомольные изуверы оказались твердым орешком даже для парней Корригана.

Эрин тем временем пыталась открыть окно, однако с проржавевшими запорами не могла справиться, и выдавила грязное мутное стекло подушкой. Но вместе с дневным светом в пролом заглянуло гладковыбритое, глянцевое от пота лицо.

— Вам помочь, мэм?

Она не успела отпрянуть. Полицейский схватил ее

за волосы и выволок наружу. Он тащил ее через двор, не давая ей подняться на ноги. Бросил перед Корриганом, отрапортовал:

— Хотела смыться, господин начальник!

Корриган, обсыпанный известковой пылью с ног до головы, узнал ее сразу и взревел:

— Ты?! Ты?! Это самое... Ты?!

Эрин с ненавистью и страхом смотрела на него. Сейчас он олицетворял в ее глазах тупую всепобеждающую мощь Свалки. Трудно было поверить, что были какие-то мгновения в далекой прежней жизни, когда он нравился ей — могучим телом и жестокостью характера, когда он щедро осыпал ее конфискованными у гангстеров и контрабандистов вещами и драгоценностями.

Она хотела громко и дерзко выкрикнуть, что ни за что не вернется в Клан, что лучше умрет, но рыдания подступили к горлу, и она вполголоса смогла сказать:

— Ничего у вас не выйдет...

— Не выйдет? Это самое... Не выйдет?! — Корригана вдруг начало корежить в небывалом приступе смеха.— Не выйдет! Уже! Вышло!

Редкое и страшное зрелище — начальник полиции хохочет! Все вокруг — и согнанные в кучу постояльцы отеля, и полицейские, и изуверы в окровавленных наручниках — смотрели на него, превратившись в изваяния.

Великий встретил ее в своем кабинете с удивительным радушием. Даже к груди прижал, не испугавшись грязных бинтов. И даже прослезился немного.

— Бедная девочка. Что с тобой сделали! Как ужасен и жесток мир вне свалок и кланов. Но, слава создателю, кошмары остались позади, и ты дома. И снова ты — «наша Эрин»!

Искренний тон, слезы на глазах — такое невозможно было вынести. Эрин даже застонала, так трудно ей пришлось. Ее чуткое сердце, очищенное и облагороженное Происшествием, рвалось навстречу доброте и участию. Нестерпимо захотелось упасть у ног мистера Киртли и покаяться во всех грехах, прошлых и будущих.

— Нет, нет,— прошептала она через силу.— Не хочу... Отпустите меня... пожалуйста...

— Как я понимаю тебя, бедная девочка! После столь суровых испытаний и ужасных оскорблений не

хочется жить. И самое большое оскорбление — тот безумец, что продал тебя. Как мелкий игрочишка продал! Не хватило ума сорвать крупный банк. Я знаю, тебе хочется плюнуть ему в лицо. Так не медли, моя красавица. Иди и раздави его, убей презрением и плохими словами. И тебе станет легче.

— Я не сделаю этого...

— Понятно. Ты стала жалостливой. В таком случае тебе следует знать все. В истинных плевках скрыта великая оздоровляющая сила. Тарквиний Старший, римский император, возвращал таким методом зрение слепым. Так исцели безумца! Плюнь ему в лицо!

Ее повели длинным коридором, заполненным приятным светом скрытых светильников. Какие-то люди поздравляли ее с возвращением и выздоровлением. И каждое любезное слово, каждая улыбка добавляли тяжести в душе Эрин.

Плавно раздвинулись створки дверей, и Эрин увидела худого, осунувшегося дона Аугусто. При виде ее он порывисто вскочил, но быстрый в движениях телохранитель толкнул его рукой, и дон Аугусто впечатался в кресло.

— Так вот почему меня тут мусолят...— Он криво усмехнулся.— Заключительная встреча, так сказать. На самом высоком этаже. Ну, начинай, детка! Выскажись, как положено. Не стесняйся. Предатель, подонок, Иуда... Что еще?

Жалкая, некрасивая, в мерзких грязных повязках, которые не решалась сорвать до конца — боялась боли... Теперь это не то существо, которое нужно было спасать. Теперь это живое воплощение кошачьего синдрома...

— Как вы мне надоели!— проговорил дон Аугусто с тоской и яростью— Куда от вас скрыться? В Лагуну, что ли...

Тихий напряженный голос Эрин ошеломил его:

— Я тебя не виню ни в чем, Аугусто...

Телохранитель с беспокойством посмотрел на темный экран, испытывая острую нужду в приказе.

А у дона Аугусто комок к горлу подступил.

— Я ведь... предал... Эрин!.. И ты должна... Я проиграл тебя Клану!

— Я долго думала... о тебе, о нас с тобой...— Эрин заспешила, боясь, что ее заставят замолчать.— Я, наверное, не смогу выдержать, сломлюсь, сдамся... я не знаю... Но ты выстой, ты сможешь, Аугусто! Я люблю

тебя! Ты моя единственная любовь во всей моей жизни... Прошу тебя, спасись, не думай обо мне... спаси свою душу для будущего, для настоящего... Сохрани то, что еще осталось!

Она заплакала от невыносимой жалости к нему.

— Тебе трудно придется, милый... ужасно трудно... Но ты выдержи. Прошу тебя, выдержи... Это мое тебе завещание...

Дон Аугусто смотрел на Эрин с каменным выражением лица. За такой маской легче всего прятать смятение.

Зажегся экран, и тотчас — сердитый голос:

— Замолчи, глупая. Сейчас же плюнь ему в лицо!

— Аугусто!— выкрикнула Эрин, стараясь вырваться из рук телохранителя.

— Отпусти ее!— дон Аугусто поднялся из кресла.

— Почему нам так не везет, Аугусто?! Других спасли, а мы с тобой...

— Мне это совершенно не нравится!— возмутился Великий.

— А мне чертовски по душе,— пробормотал дон Аугусто и рывком поднял кресло над головой.

Телохранитель закрылся женщиной и выхватил длинноствольный сверкающий кольт. Не успел он произнести ни слова, как массивное кресло обрушилось на экран — большое сердитое лицо Великого с грохотом разлетелось на куски.

Телохранитель с невероятной быстротой кинулся к дону Аугусто и рубанул по его шее рукоятью кольта. Дон Аугусто рухнул на осколки стекла, закатив глаза.

— Убийцы!— рыдала Эрин.

Телохранитель некоторое время стоял над доном Аугусто в позе ковбоя, готового к любым неожиданностям. Потом приподнял носком мокасина его руку. Она упала с глухим стуком.

— Убийцы... Ненавижу...— шептала Эрин, размазывая грязь по щекам.

Телохранитель крепко взял ее за локоть и вывел в коридор.

— Проводите ее. И скажите Великому, что все в порядке...

Он не спеша, с видом победителя, сдвинул створки дверей и обернулся: дона Аугусто как не бывало! Только на металлическом подоконнике стоял его обшарпанный туфель с мерзкой кляксой на носке. Телохрани-

тель, изменившись в лице, кинулся к окну. Прижавшись животом к подоконнику, заглянул вниз. Дон Аугусто шагнул из-за портьеры,— и через долю мгновения личный и любимый секретарь мистера Киртли уже стремительно падал, колотясь о предохранительные решетки и кронштейны, намертво зажав в руке туфель дона Аугусто.

15

...По общей трансляции звучал чей-то сильный голос:

— Внимание! В здание оффиса проник опасный больной. Во всех кабинетах и помещениях запереть двери и окна. Прекратить всякое движение. Всем находиться на своих местах...

Эрин прислушивалась к этому голосу, и на нее снизошло спокойствие. А Великий был вне себя от возмущения:

— Сейчас меня интересует больше всего: почему ты не плюнула? Ведь он предал и продал тебя со всеми твоими болячками!

— Вы не поймете...

— А ты попробуй, объясни, если мы такие слабоумные!

— Хорошо, попробую... Свалка подавляет в людях гениальность... Вы принуждаете всех... молиться вашим богам... Но гений, даже ослепленный вами... вашим успехом... делает что-то по-своему... Пусть это уродливо, жестоко или смешно... и все-таки он делает не по-вашему... Так за что я буду плевать ему в лицо? За то, что вы не даете ему быть самим собой?

Возмущенное выражение лица мистера Киртли сменилось глубоким изумлением.

— Аугусто... гений?!

Эрин поняла, что ее слова бесполезны, и все же ответила:

— Конечно. Гений на Свалке. Поэтому...

Великий не выдержал, засмеялся, потом захохотал, не заботясь о разгулявшихся морщинах на мраморном лбу. Он выкрикивал вперемешку с булькающими и кудахтающими звуками:

— Гений! Аугусто гений! Разрази меня господь!

«Сегодня у них очень весело,— подумала Эрин.— День смеха».

...Дон Аугусто подбежал к аварийному щиту,— здесь было все необходимое на случай землетрясений, пожаров и атомных атак. Затянулся широким поясом, прицепил к нему контейнер с тросиком, надел каску. И вот он снова у окна, теперь осталось только прикрепить карабин тросика к чему-нибудь понадежней.

— Внимание, внимание! Охранникам, полицейским и членам аварийных команд! Оказать содействие санитарам...

Дон Аугусто соскользнул с подоконника. Сердце провалилось в бездонную яму, воздух засвистел в ушах. Тросик вытекал из контейнера с заданной скоростью, тормозное устройство звучными щелчками отсчитывало метры.

Дон Аугусто упал на пыльный асфальт, забрызганный кровью. Тело выпавшего из окна уже унесли, на месте происшествия остался лишь обшарпанный туфель. Переждав боль в руках, дон Аугусто отстегнул пояс, который тут же взвился вверх, и отшвырнул каску. Потом надел туфель и побежал к стоянке автомобилей.

Дон Аугусто гнал лендровер на предельной скорости. Скорей, скорей — забиться в гущу столичных трущоб, лечь на дно, исчезнуть напрочь...

Полицейский пост у первой заставы перед городом перекрыл шоссе полосатым бревном. Дон Аугусто резко свернул в сторону, едва не перевернув машину. И тотчас грянул залп. Лендровер подбросило, крышка капота взлетела вверх, из мотора полыхнуло дымное пламя.

Дон Аугусто выпрыгнул из машины и принялся сбивать с себя горящие капли бензина. И увидел бегущих к нему полицейских.

Он кинул взгляд по сторонам, затравленно, как зверь, попавший в капкан. Пустынное шоссе, холмы окаменевшего и свежего мусора... Проклятье! Тысячу раз проклятье! И принялся торопливо разрывать пласты мусора, обдирая ладони.

Когда прибежали полицейские, лязгая антабками карабинов и шумно дыша, дон Аугусто лежал под грудой мусора, спрятав голову в дырявое помойное ведро.

— Тут он был! Искать, искать!

С рычанием подкатил автомобиль, громыхнул выстрел, и тотчас крик радости:

— Я подстрелил его, господин начальник!

— За ним! — рявкнул Корриган.— Принести!

Дон Аугусто понял, что еще можно утереть им нос, только нужно хорошенько поработать. Он высунул голову из ведра и увидел у кромки шоссе огромный черный роллс-ройс, чем-то напоминавший катафалк. Корриган стоял возле него, широко расставив ноги и прильнув глазницами к биноклю. Под расстегнутым мундиром был виден пуленепробиваемый жилет цвета морской волны.

Издали донесся крик:

— Это не он, господин начальник! Это какой-то бездомный!

Корриган заорал, затопал.

— Искать! Искать!

Одна дверца лимузина была распахнута, и дон Аугусто решил броском преодолеть расстояние до нее. Правда, на пути был Корриган. Успеет он выхватить револьвер?

Дон Аугусто набрал полную грудь воздуха, резко выдохнул и рванулся из своего укрытия. Мимоходом лягнув Корригана, с разбегу нырнул в машину. Корриган присел от боли, прижав обе руки к низу живота. Роллс-ройс выплюнул помятого шофера и помчался рывками, прибавляя скорость.

16

Свора полицейских джипов преследовала роллс-ройс, который отчаянно вилял, сшибая километровые столбы, шлепая по асфальту лохмотьями расстрелянных колес.

— Сволочи! — орал в микрофон дон Аугусто, бешено вращая руль.— Чего вы ко мне прицепились? Все равно уйду, дьявол вас дери!

По обе стороны шоссе громоздились замусоренные скалы, неровно обкусанные снизу. Каньон сужался, скалы лезли круто вверх, и когда впереди вдруг выросли железобетонные стены, разукрашенные голубиным пометом, дон Аугусто понял, что его загнали в западню.

— Проклятье!

Уже были видны кованые буквы на бронированных воротах «КУЗНИЦА СЧАСТЬЯ».

— Проклятье! Только не туда...

Дон Аугусто хотел сбросить скорость, чтобы раз-

вернуться и встретить джипы тараном, но тормоза уже не работали, и он, напугав часового в глубокой каске, врезался в загудевшие ворота.

В дымном жарком воздухе нервно трепыхались тощие грязные голуби, похожие на воробьев и собак одновременно. Протяжно кричал часовой и стрелял в воздух из автомата. Окровавленный дон Аугусто вывалился из машины и увидел бритоголовых дюжих санитаров, которые выбегали из раздвинутых ворот с огнетушителями в руках.

Он сноровисто полез на скалу, но подкатили джипы, и его сшибли резиновой пулей. Падая, он схватился за хилую колючую плеть, и вырвал весь куст с корнем.

Он лежал на шоссе, медленно приходя в себя от удара. Его обступили полицейские.

— Ты укокошил четырех наших!— и пинок под ребра.

— Ты не любишь полицию!— и еще пинок.

Из ворот вышел сам доктор Теобальд в белом халате поверх генеральского мундира.

— Чтоб мне окочуриться!— сказал он с оптимизмом.— Да это же счастливчик Аугусто! Прекратите, господа. Он еще нужен Свалке!

Он помог дону Аугусто подняться на ноги, ткнул в его грудь сухим кулачком.

— Ах, зар-раза! Совсем не изменился за эти годы! Все так же обожаешь шум-гам и дешевые эффекты!

Да, это был большеголовый умница Тео Юп, ростом с молодого шимпанзе. Когда-то они вместе штурмовали успех, соблазняли девиц и вдовушек Клана, однако Тео не выдержал утомительной гонки, отстал, и его занесло в кресло шефа психопункта. С тех пор он ненавидел счастливчиков, а членство в Клане снилось ему по ночам в образе прекрасной голубой звезды на грязном заплеванном небосводе.

— Все, господа! Больной прибыл на место,— сказал Тео Юп потным, разгоряченным полицейским.— Благодарю вас за содействие. Или кто-нибудь из вас нуждается в медицинской помощи?

Полицейских как ветром сдуло, а могучие санитары подхватили дона Аугусто под руки и повели в «Кузницу счастья».

Изнутри твердыня мозгоправов и психогрызов поразительно напоминала военный лагерь времен инспекторской поверки. Пациенты в солдатских куртках и тя-

желых всепогодных башмаках старательно топали на бетонных плацах, горланили маршевые песни и дружно приветствовали поворотом головы строгих и важных санитаров. Знакомая, черт возьми, картина! Хотя дон Аугусто не раз попадал в серьезные переделки и, казалось бы, пообвыкся с потрясениями, мороз пошел по его коже. Да, здесь вправляли мозги самым надежным способом.

Дюжие санитары тащили его под руки, он упирался.

— Куда вы меня?

— Увидишь.

Доктор Теобальд поджидал его у детской площадки: за стальной сеткой в мелкую ячейку два десятка человек зрелого возраста увлеченно строили домики из песка и шумно спорили из-за ярко раскрашенных совков и детских ведерок. Доктор Теобальд пытливо посмотрел на дона Аугусто.

— Приглядись, может, узнаешь знакомого среди этих? Впрочем, жизнь на детской площадке ужасно нивелирует. Не правда ли, все они — будто копии с одного оригинала?

— Какого знакомого?— похолодел дон Аугусто, уже догадываясь, о ком речь.

— Ну как же! Имя его Юсеф, чтоб мне окочуриться. Ты навесил на него свои грехи, а он был так глуп, что не возражал. Теперь поумнел.

— Будь ты проклят, ублюдок!— в отчаянии пробормотал дон Аугусто, и санитар с силой ткнул его резиновой дубинкой в бок.

Одного из играющих в песке привлекло сияние генеральских позументов, и он прильнул к сетке. Небритое лицо, ликующая улыбка, нить слюны с влажных губ....

— Этот? Или вот тот с совком?

Голый по пояс человек бездумно ковырялся в песке. Дон Аугусто тряхнул сетку.

— Эй!

Человек неторопливо поднял голову. В его закисших глазах стояла вселенская тоска, которую не в силах была унять даже лоботомия.

— Здесь нет Юсефа! Дьявол тебя дери! Я понял, почему ты лжешь!

Доктор Теобальд похлопал его по пыльному плечу.

— Не отчаивайся, счастливчик. Мне кажется, у те-

бя будет возможность выяснить, кто из них был Юсефом. Малейшее подозрение в твоем сопротивлении лечебным методом — и ты окажешься здесь. Чтоб мне окочуриться. Знаешь, что такое лоботомия?

«Ты сейчас окочуришься, ублюдок!»

Доктор Теобальд поймал его взгляд, но прочел по-своему.

— Догадываюсь, какие мысли бродят в твоем черепке. Но вскоре сам убедишься: отсюда уйти невозможно, даже ногами вперед. А еще...

Дон Аугусто зажмурился и представил, как его кулак сминает лицо доктора Теобальда и как шимпанзе в генеральском мундире взлетает в воздух, беспомощно болтая ножками-ручками. Но сдержал себя, пробормотал с тоской:

— Проклятье! Неужели ты уверен... что не придется расплачиваться за все это?

Тео Юп хмыкнул:

— Ты до сих пор не понял самой простой вещи, счастливчик. Что бы мы тут ни вытворяли, все нам спишется, пока есть всемирная грызня. А она будет всегда. Что бы мы тут ни делали, все идет нам на пользу. Вот встану на голову, или прикажу всем встать на голову, или расстреляю половину населения Острова — все, как ни поверни, пойдет на пользу, потому что не выходит за рамки интересов системы. Мы просто необходимы для борьбы с коммунизмом, и поэтому нам никогда не придется расплачиваться.

— А банки?— не скрывая злорадства, спросил дон Аугусто.— То, что спрятано в банках, разнесет вас рано или поздно в пыль и прах.

— Не разнесет.— Тео Юп не сдержался, хохотнул.— Эти умники разработали какой-то хитрый способ уничтожения памяти о своих страшных тайнах. Стоит взять их в оборот, как у них напрочь отшибает память. Проверено на машинах, чтоб мне окочуриться! А нашу технику не проведешь, в этом ты еще убедишься. Так что гниют те баночки где-то в укромном месте, и никто не может вспомнить, где они и как их можно опростать.

— Чушь... Не может быть, чтобы...

— Правильно, счастливчик. Тут есть одна догадка...

Тео Юп вынул из нагрудного кармана платиновый футляр, похожий на пудреницу, извлек из него с осторожностью темный кружок, величиной с серебряный

доллар, и внезапно прилепил его ко лбу дона Аугусто. Тот отшатнулся, хотел сорвать с себя кружок. Тео Юп схватил его за руку.

— Не торопись. Что-нибудь ощущаешь?

Дон Аугусто, как ни был раздражен и подавлен, все же ощутил тепло, исходящее от кружка. Тео Юп будто прочел его мысли.

— Правильно, счастливчик. Тепло, просто тепло. На низкоорганизованных оно вообще не действует, на нас с тобой — таким вот образом. Это что-то вроде биокристалла с односторонней проводимостью. Их тайная штуковина. Короче говоря, они экспериментировали с каким-то неизвестным науке излучением, идущим, по-видимому, из космоса. Вот бы знать, зачем им это понадобилось. Верно? Похоже, тут есть какая-то связь с банками...

— Почему я не с ними?— Дон Аугусто разглядывал на ладони кружок.

— С кем? С безумцами вроде Юсефа?

— Да, будь я проклят! Я бы убивал вас, как бешеных собак!

Тео Юп хохотнул:

— Давай, счастливчик, раскройся до конца! Это сильно облегчает душу, верно? И нашу общую задачу.

— Плевать я хотел на все ваши задачи.

— Конец Происшествию, счастливчик. Смирись. Впереди только покаяние. И чем скорее ты это уразумеешь...

— Я могу еще кусаться,— прошептал дон Аугусто.

— Что ты сказал? Я не расслышал. Повтори, счастливчик. Последние фразы загнанных в угол счастливчиков всегда представляют интерес для медицинской науки. Я их коллекционирую. Так что, будь добр...

— Иди ты...— дон Аугусто грубо выругался.

— Замечательно!— просиял Тео Юп и выхватил из кармана изящный блокнотик.

17

...Все население лечебной казармы дружно оцепенело в глубоком сне, тоже лечебном. Новобранцам всегда трудно давался лечебный распорядок, вот и дон Аугусто — вывалился из лечебного гамака и пополз на четвереньках по узкому проходу. Он благополучно пробрался на «детскую площадку», удивляясь

беспечности часовых. «Детишки» спали там, где их застала ночь — на кучках песка, на качелях, под детскими грибками. Всю площадку заливал маслянисто-тяжелый свет дежурных ламп.

— Юсеф!— шепотом позвал дон Аугусто.— Эй, кто из вас был Юсефом?

Большеголовые и щуплые, они просыпались, жмурились от света и снова засыпали, сладко чмокая и шумно вздыхая. И только один из них, облепленный влажным песком, трудно мычал, пытаясь что-то произнести. Дон Аугусто заглянул ему в лицо. Хоть разбейся, но это не Юсеф. Или чужой тип мышления — это и чужое лицо?

Дон Аугусто тряхнул его за плечи, голова несчастного мотнулась, будто тряпичная.

— Ты ведь Юсеф? Верно? Меня не проведешь. Ты не захотел меня спасать, помнишь? А теперь, может быть, я тебя спасу.

Человечек ронял с лица песок и еле-еле выговаривал зачатки каких-то слов.

— Тебе повезло, Юсеф. Наверное, и впрямь невозможно устоять. Но твоя душа, конечно, спасена. Только вот кто вытащит из банок ваши души? Всех же упекли в психопункты? Верно? Так скажи мне, Юсеф, как вернуть людям то, что спрятано в банках, и когда вы хотели это сделать? Поверь мне. Клянусь, я сделаю, как надо. И взорвем этот мир... камня на камне не оставим.

Дон Аугусто мощно тряхнул его за грудки.

— Скажи, друг, прошу тебя. Пока меня не превратили в урода, пока я еще что-то могу...

Человечек ломал лицо в мучительной гримасе, выталкивая из себя судорожные звуки. Дон Аугусто силился его понять. Задавая вопросы, пытался разглядеть в его жестах и мимике намеки на «да» и «нет». И человечек, похоже, стремился ему помочь. По крайней мере дону Аугусто уже казалось, что тот хочет ему рассказать о каком-то мозге. И о каких-то лучах. И о каком-то пускателе. Буйная фантазия дона Аугусто выискивала в этом бреде какой-то смысл.

— Ты хочешь сказать... высокая степень мышления — это и есть пускатель? И что он запускает? Может, банки?

Человечек всхлипнул и забился в конвульсиях. Дон Аугусто обрадовался:

— Я попал в точку?

— Достаточно,— послышался голос доктора Теобальда. Из темноты, окружавшей площадку, вылезли он и санитары — все в маскхалатах.— Я не сомневался, счастливчик, что вы найдете общий язык.

— Проклятье,— прошептал ошарашенный дон Аугусто.

Он не сопротивлялся, когда на него надевали лечебные наручники и укладывали на носилки. Тео Юп скакал возле него и потирал ладони.

— Ты разоблачил его вконец, счастливчик, его наглое сопротивление покаянию. Ведь смог, каналья, что-то спрятать в душе, когда души-то не должно быть. Но с ним все уже ясно.

Человечек уже затихал. Он с ужасом смотрел на доктора Теобальда, и по его лицу текли обильные детские слезы. Тео Юп похлопал дона Аугусто по щеке.

— Тебе нужно знать, счастливчик. Ничего нового он тебе не сообщил. Мозг, лучи, пускатель — об этом нам уже известно. Какие-то лучи из космоса, воздействуя на высокий нравственный, чувствительный и еще какой там разум, возбудят в нем какие-то центры, и возникнет знание о банках. Фантастика, счастливчик! Но слушай: только такой разум плюс эти лучи — и есть их таинственный пускатель, способный внедрить в людей то, что они упрятали в свои жестянки. Только такой пускатель способен уничтожить Свалку и Клан, и нас грешных, если повезет. Ты понял, счастливчик? Ты никогда не сможешь запустить эту адскую машину, ты не тот высокий нравственный, чувствительный и так далее разум. И никто не сможет. Свалка никогда не даст появиться высшему типу мышления. Нам с тобой это лучше других известно... Вот видишь, тебе уже и не хочется жить. Верно, счастливчик? Прими мои поздравления. Первый и решительный шаг к покаянию сделан.

18

Сезон дождей подошел к концу. Остров раскис и окутался паром. Кривая смертности населения Свалки устремилась круто вверх, невзирая на радостное событие — день рождения Великого Киртли,— приходившее неизбежно, как злой рок или как, допустим, Новый год.

В «Кузнице счастья» состоялся военно-лечебный па-

рад, на который прибыл и сам юбиляр в сопровождении членов Генерального Совета.

— Хорошо!— Великий всматривался в почерневшие лица солдат. Слаженный топот, хриплый рев надорванных глоток.— Очень хорошо. Особенно мне по душе вот эти паршивцы. Какая мощь!

— Бывший заразный блок, ваше превосходительство.— Доктор Теобальд выглядел опытным полководцем, несмотря на обезьяний рост и прочие следы атавизмов.— Они испытали на себе все наши методы, и вот результат... Правда, выдержали не все.

— Я люблю суровые испытания,— заметил Великий.— Без суровых испытаний никак нельзя. Однако, друг мой, а не могла ли в них затаиться какая-нибудь нехорошая бацилла?

— Исключено, босс, э... ваше превосходительство.

Великий приказал остановить строй и ткнул кулачком в каменную грудь рослого солдата.

— Номер 813, сэр!— Под матерчатым козырьком блеснули белки глаз.

— Кто ты в прошлом?

— Номер 813, сэр!

Доктор Теобальд нашел нужным пояснить:

— Они гордятся своими номерами, ваше превосходительство.

— Мне кажется, я его где-то видел.

Доктор Теобальд понизил голос.

— Бывший дон Аугусто, ваше превосходительство.

Великий с еще большим вниманием принялся разглядывать солдата. И ничего не нашел от прежнего дона Аугусто. Особенно радовало яростное сверкание глаз и упорно сжатые губы.

— Любишь Свалку?

— Да, сэр!

— Выучил мои догматы?

— Да, сэр!

— Как будешь защищать свалочизм?

— С выбором оружия нет проблем, сэр!

Великий помолчал, потом с сожалением произнес:

— И все же не верю ему, Теобальд. Прошу проверить его в моем присутствии.

Дона Аугусто вывели из строя.

В больничном блоке его раздели донага и подвесили на хитроумном штативе, стянули скользкими рем-

нями, впитавшими чужой пот, опутали разноцветными проводами с иглами-электродами и зажимами. Великий бдительно следил за действиями белых халатов, щурясь от блеска приборов и механизмов.

Инъекции в вену, энцефалограммы, тесты на знание уставов и догматов киртлиризма, сложные кривые условных рефлексов — все было без фальши. В какой-то момент доктору Теобальду показалось, будто дрогнула тонкая стрелка одного из приборов, которая не должна была подавать признаков жизни. Его бросило в жар. Он повел сеанс на грани возможностей аппаратуры. Запахло паленым. Напряженное лицо дона Аугусто с полуприкрытыми веками, вздувшиеся кровеносные сосуды, блики сигнальных огней на взмокшей коже...

Доктор Теобальд облегченно откинулся в кресле, но тут же встал, одернул мундир.

— Проверка закончена, босс, э... ваше превосходительство. Восемьсот тринадцатый показал достаточно высокую степень нормального мышления. Он на самом деле таков, каким вы его видите.

Дона Аугусто сняли со штатива, взбодрили ударом тока, и он начал одеваться со скоростью хорошо смазанного механизма.

Великий с тихой радостью смотрел на него.

— Аппаратура в исправности, Теобальд?

— Абсолютно! И многократное дублирование...

— Я доволен, Тео... Доволен... После нас останутся они, эти дьяволы. Они понесут народам, страдающим от безденежья, мои догматы.

Доктор Теобальд взглянул на дона Аугусто, и в его глазах появилось смятение.

Дон Аугусто натянул на голову кепи и щелкнул каблуками:

— Сэр! Разрешите встать в строй?

— Иди, покаянец. Надеюсь, ты запомнишь этот день на всю жизнь...

И Великий, совсем расчувствовавшись, махнул рукой.

19

Дон Аугусто печатал шаг на бетонной дорожке, отдавая честь флагам и санитарам. «Проклятье... Этот взгляд! Что он мог заметить?»

На большом плацу гремела музыка и маршировали

колонны выздоравливающих. Дон Аугусто задержался возле треснувшего зеркала, перед которым обычно отрабатывались ружейные приемы. Затягивая шнурок на башмаке, разглядывал свое лицо. Выпирающие скулы, провалы щек, жестокость в глазах... Обычное лицо покаянца. Снял кепи и похолодел. Голова была словно вымазана белилами. Еще утром совсем немного было седины... Улика! Свидетельство борьбы на штативе. Сопротивление покаянию.

«Лоботомия! Лоботомия!— чудилось в грохоте барабанов.— Вселенский мир счастливчиков...»

Он спрятался за щит с треснувшим зеркалом. Мимо протопали солдаты в белых касках — вооруженный наряд. Уже за ним?

Под грохот барабанов и визг флейты дон Аугусто вскрыл ломиком массивную крышку люка. Из темени дохнуло смрадом. Глухо шумела вода. Дон Аугусто бросил в темень ломик и рюкзак с поклажей. Почувствовав на себе чей-то взгляд, резко обернулся. Болезненного вида пожилой солдат в застиранном мундире смотрел на него, выпучив глаза. Вдруг, всхлипнув, выронил из рук большой пакет, перетянутый тесьмой, и бросился бежать. Дон Аугусто быстро настиг его и потащил к люку.

— Не надо! Прошу вас!— заверещал пожилой солдат.— Там Лагуна!

— Ты правильно понял, приятель. Эта труба приведет нас в Лагуну.

— Не-ет! Что вы... Лагуна всех убивает!

— Не всех, приятель, не всех.

Солдат уцепился за крышку люка и завопил:

— На помощь!

Дон Аугусто зажал ему рот и засунул его в люк, потом сам протиснулся, задвинул тяжелую крышку.

— Помогите!— вопил пожилой солдат.

Они боролись в темноте, пьянея от вони ползущей по трубе жижи.

— Оставьте меня тут, избейте, свяжите,— шептал, обессилев, солдат.

— Подумай сам: ты меня не поймал, не поднял тревогу, как велит долг. Тебя ждут трибунал и лоботомия.

— Пусть... пусть лоботомия... и после нее все равно живут... А в Лагуне... Отпустите!

— Не ори, выслушай. От тебя они узнают, как я

ушел. И сразу выловят меня в Лагуне. Спустят катер и выловят. И убить тебя не могу. Все перевернулось, и я уже не знаю, кого можно убивать. Может, и у тебя когда-то была толковая нормальная душа? Может, этот чертов Юсеф успел спасти твою душу? А теперь спасай свое тело. А ну, вперед!

Они шли, держась друг за друга, по колено в плывущей жиже, то и дело проваливаясь в глубокие отстойники.

— Не хочу, не хочу,— шептал солдат.

— Ты следил за мной?

— Нет, я нечаянно... из прачечной команды... забыли занавески сменить... послали... и вот...

Впереди забрезжила полоска замученного света.

— Стой, там решетка,— прошептал дон Аугусто.— Не вздумай притронуться...

— Помогите!— завопил истошным голосом солдат-прачка и, сбив дона Аугусто с ног неожиданно сильным толчком, бросился к решетке.

— Стой!

Наверху лязгало, заскрежетало. Дон Аугусто ухватился за скользкие плечи и с силой оторвал солдата от решетки. Они повалились в жижу.

Тяжелая плита с грохотом и визгом проскребла решетку и уползла вверх, затихла.

— Это нож.— Дон Аугусто ощущал под руками вздрагивающую спину солдата.— Для очистки мусора. И еще гильотина для тех, кто пытается взломать решетку. Эту проклятую систему я хорошо изучил...

Они тревожно прислушивались, но лишь — всплески жижи, усиленные эхом, да их собственное дыхание. И еще слабые ручейки военной музыки.

— Я боюсь...

— Один человек выжил после Лагуны... Слабая женщина... Ее спасла тяга к чистому и прекрасному. Ты меня понимаешь? В Лагуне проявилась ее скрытая сила. Она ненавидела свалки и мундиры... Проклятье! Мой язык уже заплетается. Слышишь, друг? Ведь в нас тоже есть что-то чистое и настоящее?

— Господи!— заплакал солдат.— Но во мне ничего не осталось, ничего...

— Как же не осталось? Не может такого быть. Я же сразу понял: ты хороший человек, трудяга... И где-то есть твоя семья, дети? Верно?

— Никого у меня уже нет, никого!

Дон Аугусто прижимал к себе рыдающего солдата.

— Мы с тобой висели на штативах и выжили... Теперь никакая Лагуна нам не страшна. Все это кланы, свалки, лужи — одна беда, которую мы уже победили. Почти победили. Осталась эта решетка. Ну, смелей, друг...

Дон Аугусто нащупал зазубренное лезвие резака, заклинил его ломиком. Вверху загудело, заскрежетало. Резак затрясся в бессильной злобе.

С помощью домкрата они раздвинули прутья решетки.

— Идите вы первым...— Зубы солдата-прачки громко клацали.— Я за вами следом... мне страшно...

Дон Аугусто протиснулся сквозь решетку и ощутил болезненный удар «сыгравшего» прута.

— Ты выбил домкрат?!

— Я останусь... я тут... не могу...

— Один шаг — и свобода! Свобода! Ты не понимаешь!

— Зачем мне свобода? Ну скажите, зачем? Меня никто там не ждет! А тут... кормят... Не сердитесь.

И солдат-прачка заспешил в темень, волоча за собой домкрат и шумно разбрызгивая катившую ему навстречу жижу. Потом из глубин трубы послышался его окрепший голос:

— Я не хочу, чтобы вы спаслись! Слышите! Не хочу-у-у...

Он стоял по щиколотку в черной воде и не мог заставить себя сделать последний шаг. За спиной — огромная, до небес, стена с гигантской яркой надписью: «ВИВА СВАЛКА!». А перед глазами поляны мазута, дрожащие комья ноздреватой грязной пены.

Страх сковал его, и какой-то трусливый голосишко — тоже частица души?— нашептывал, что сопротивляться бесполезно и не к чему уже стремиться...

Может быть, солдат-прачка — это Юсеф, принявший чужое лицо и чужой разум? Наверняка и Эрин смирилась давным-давно с Кланом. А ты, глупец, стоишь перед Лагуной, где тебя ждет смерть, последняя степень покаяния. Круг замкнулся.

— Но она выжила!— шептал дон Аугусто, превратившись в изваяние.— Она выжила после Лагуны... и будь я проклят, если не знаю, в чем тут дело... Во мне тоже есть что-то от человека... осталось... В этом спасение, дьявол вас дери!

И тут же резкая, как зубная боль, мысль: а если не осталось? Если выпит свалочизмом и гонкой за успехом до конца?

«Нет, нет, она же в меня поверила...»

Охранники и санитары бежали у подножия огромной, до небес, стены, на которой гигантскими буквами было выведено: «ВИВА СВАЛКА!»

Шумно дыша, остановились возле самой воды. Они молча смотрели на колышущиеся лужицы мазута и фекалий, на дрожащие комья ноздреватой пены.

— Вот он!—санитар выкинул руку вперед.

В мутных испарениях маячило что-то круглое, похожее на человеческую голову, облепленную мусором. Охранник в пятнистой форме парашютиста прижал к животу приклад автоматической винтовки и, ощерясь, начал дергать за спусковой крючок, гортанно вскрикивая при каждом выстреле... Стеклянный поплавок разлетелся на звонкие осколки... Потом увидели кусок пенопласта, тоже напоминавший голову плывущего человека. И его разнесли на куски.

— Глупостями занимаемся,— сказал офицер-санитар, пряча пистолет в кобуру.— Он лежит на дне, закутанный в дерьмо, как в саван. Собачья смерть!— И сплюнул.— Через пару дней его раздует, как бочку, пусть тогда вылавливают и хоронят, кому это надо...

20

Дон Аугусто плыл среди островков мусора и нефтяных полян, сбитых течениями в толстые вязкие одеяла. Вокруг вздымались жгуты и ленты густых испарений, хлюпали черные пузыри, большие и малые, чудились какие-то голоса, вздохи, тени. Лицо дона Аугусто дергалось, слезы лились в три ручья. Он плохо понимал, где находится, и что с ним происходит, и что дальше должен делать. Тело, скрюченное болью, с трудом повиновалось ему.

Из дымящейся, как в бане, воды вспухал огромный черный пузырь, отражая в своей гладкой текучей поверхности полоску неба. Дон Аугусто запустил в него пригоршней слизи. Пузырь лопнул с хлопушечным треском, забросав дона Аугусто тяжелыми брызгами.

Дон Аугусто шарахнулся прочь, наткнулся на корягу, на которой висели какие-то лохмы. В лесу из мятущихся теней вырастал новый пузырь — с легким шоро-

хом и поскрипыванием, наливаясь теменью, притягивая мусор и пену. Дон Аугусто уцепился за осклизлые прутья и коряги. Его трясло, он не мог оторвать глаз от чудища, которое уже распухло до размеров водонапорной башни. И он с яростью проткнул кулаком сверкающую стену пузыря. Тот взорвался с протяжным грозным гулом. Липкая, пышущая жаром тяжесть обрушилась на дона Аугусто...

Он отчаянно барахтался, но силы кончались. Он понял, что грязь уже не выпустит его,— потому что он сам давно — грязь. Вот и пришло время платить за все. Ему стало нестерпимо больно и стыдно за свою беспутную жизнь...

Он медленно опускался на дно, сжавшись в комок мышц, не делая никаких движений. Он ясно ощутил, как его мозг, все его существо растаскиваются незримыми токами Лагуны. Он хотел воскресить в себе напоследок лицо и голос Эрин, но со всех сторон — будто внимательный взгляд исподлобья. Он понял и прочувствовал в долю мгновения, что это страшный и таинственный лик Катаклизма. И был раздавлен окончательно.

В легкие хлынула черная вода, но боли не было. Он умирал удивительно легко, не чувствуя страха. Лоно Лагуны прекрасно... Покой, определенность, решение всех проблем. Это именно то, чего тебе всегда не хватало. Это пища без мысли, которую можно вкушать вечно. Это древнейшее счастье, которое люди запомнили с тех времен, когда еще не были людьми. Это покаяние без начала и конца...

— Покаяние!

Взрыв ужаса породил какие-то силы, легкие конвульсивно сжались, сопротивляясь напору Лагуны, мозг ломал немоту мышц и жажду покоя...

Дон Аугусто вырвался на поверхность, дробя мусорную корку беспорядочными ударами рук и ног. Легкие изрыгали черную кровь Лагуны, которая могла быть и его кровью. И все же что-то более сильное, чем его отчаяние, тащило вниз, в сумрак определенности и постоянства.

Он завыл в бессилии, как волк, попавший в капкан:

— Я же был человеком! Помню, был! Неужели во мне ничего не осталось?!

И он вдруг почувствовал непонятную светлую силу, которая потрясла его. Никогда раньше он не ощущал ее, не верил в ее существование. Но теперь в одно мгно-

вение постиг: эта сила — везде, где есть жизнь или где будет. Это и есть энергия жизни, не известная наукам, но известная Юсефу и его друзьям.

Вокруг дона Аугусто вскипали и лопались черные пузыри, предвестники заката, раскачивался лес теней, и со всех сторон глядели ртутные слезящиеся глаза... Но он видел другое — огромный радостный мир по ту сторону черных пузырей и свалок. Он видел потоки чистого света и неестественно голубое небо. Он видел лица друзей — без язв от кислотных туманов, без ненависти и страха в глазах. И себя вдруг ощутил частицей той жизни, воспарившей над грязью черных лагун...

21

Над островками мусора вспухала ползучая свинцовая опара, грозя поглотить весь Остров и весь мир. Огромный фиолетовый шар солнца медленно вставал над багрово-дымным горизонтом, наполняя все вокруг пронзительным дрожащим светом. Над Лагуной зажглись газовые облака, отражаясь в глазах Эрин кострами холодного пламени. Она с ужасом и восхищением смотрела на зловещий восход.

Хотя Эрин опять принадлежала Клану, Корригану и состоятельным родственникам, она все же каждое утро приходила на пустынный берег Лагуны в поисках птиц, попавших в беду. Ей говорили: бесполезно их очищать, они пытались взлететь из грязи и потому у них атрофированы мышцы. Но она упорно делала свое — счищала с крыльев мазут, промывала перья. А потом плакала над умирающей в агонии птицей.

Черная вода с шипением подбиралась к ее ногам, гася мелкие капли мазута, впитавшие в себя утренний свет. Эрин закутала в пушистое банное полотенце тощего жалкого пеликана. Он сердито щелкнул клювом и ущипнул ее за шею. Потом, вырвавшись из ее рук, неуклюже побежал, взрыхляя твердыми коготками черную гладь наката. И вдруг взлетел...

Он неумело и суматошно махал еще влажными от шампуней крыльями, стараясь унести свое большое тело в отдушину между облаками, к солнечному свету.

Эрин смотрела вслед ему и плакала от раздирающих ее чувств... Эта угловатая, несуразная птица, летящая ввысь, была прекрасна...

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАННЫЕ МИРЫ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
ФАНТАСТИКА

Рецензент — А. Н Осипов,
член Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей РСФСР

Редактор Л. КАЗАКОВА
Художник А. КИВА
Художественный редактор А. БОБРОВ
Технический редактор Э. САИДОВ
Корректор Л. ЛЕБЕДЕВА

ИБ № 2924

Сдано в набор 19.12.84. Подписано в печать 25.04.85. Р-01877. Формат 84×108 1/32. Бумага № 3. «Литературная» гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,28. Усл.-кр. оттисков 14,7. Уч.-изд. л. 15,27. Тираж 120000. Заказ № 5340. Цена 1 рубль.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Узбекистана. Ташкент, ул. Ленина, 41.

1p.

